

1

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОЦИС

Нужны ли самостоятельные
сотрудники?

Искусственная социальность
и искусственный интеллект:
спор о понятиях

Невозможность социализма?

Национальный вопрос

Как сказались пандемия
и СВО на трудовой
занятости в России?

НАУКА

— 1727 —

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Председатель** Ж.Т. ТОЩЕНКО – чл.-корр. РАН (Россия)
М. АБРАХАМ – проф., Ун-т Хофстра (США);
А.О. БОРОНОВ – д. филос.н., проф., СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург);
П.П. ВЕЛИКИЙ – д. филос.н., проф., Ин-т аграрных проблем РАН (Россия, Саратов);
Ю.Г. ВОЛКОВ – д. филос.н., проф., Южный федер. ун-т (Россия, Ростов-на-Дону);
Ш. ГАДЕА – проф., Ун-т Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция);
А.Н. ДАНИЛОВ – чл.-корр. НАН РБ (Беларусь);
С.А. КРАВЧЕНКО – д. филос.н., проф., МГИМО (Россия, Москва);
В.К. ЛЕВАШОВ – д. социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия, Москва);
Дж. МОРГАН – проф., Ун-т Кардиффа (Великобритания);
Н.А. ОМУРАЛИЕВ – д. социол.н., ИФПСПИ НАН КР (Кыргызстан);
И.И. ОСИНСКИЙ – д. филос.н., проф., Бурятский гос. ун-т (Россия, Улан-Удэ);
Г.А. ПОГОСЯН – акад. НАН РА (Армения);
Н.Е. ПОКРОВСКИЙ – д. филос.н., проф., НИУ ВШЭ (Россия, Москва);
Н.Х. РАХИМОВА – д. экон.н., проф., (Узбекистан); М. САСАКИ – проф., Ун-т Чуо (Япония);
ЛИ ЧУНЛИН – науч. сотр., дир. научно-исследовательской лаборатории, ИС АОН (Китай);
З.К. ШАУКЕНОВА – акад. НАН РК (Казахстан); П. ШТОМПА – проф., Ягеллонский ун-т (Польша);
А.В. ЯКОВЕНКО – д. социол.н., проф., Луганский нац. ун-т им. В. Даля (Россия, Луганск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Главный редактор** Г.А. КЛЮЧАРЕВ – д. филос.н., проф.
В.Н. БОБКОВ – д. экон.н., РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Н.М. ВЕЛИКАЯ – д. полит.н., ИСПИ ФНИСЦ РАН;
М.К. ГОРШКОВ – зам. акад. РАН, ИС ФНИСЦ РАН; С.Ю. ДЕМИДЕНКО (отв. секретарь);
В.И. ДУДИНА – д. социол.н., проф., СПбГУ; И.В. ЖУРАВЛЕВА – д. социол.н., проф. НИУ ВШЭ;
Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – д. филос.н., проф., УрФУ им. Б.Н. Ельцина;
Ю.А. ЗУБОК – д. социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН;
В.В. ЗЫРЯНОВ – к. экон.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;
И.П. КАТКОВА – д. мед.н., проф., ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР – д. социол.н., проф., ИЭ РАН; КЛУПТ – д. экон.н., СПбГЭУ;
И.М. КОЗИНА – к. социол.н., НИУ ВШЭ;
В.П. КОЛОМИЕЦ (зам. главного редактора) – д. социол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова;
С.Д. ЛЕБЕДЕВ – к. социол.н., доц., БелГНИУ;
В.Ф. ЛЕВИЧЕВА – д. филос.н., проф., РГГУ; В.И. МУКОМЕЛЬ – д. социол. наук, ИС ФНИСЦ РАН;
И.В. ОБРАЗЦОВ (зам. главного редактора) – д. социол.н., проф., МГЛУ;
Е.Л. ОМЕЛЬЧЕНКО – д. социол.н., проф., НИУ ВШЭ СПб.;
Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ – к. филос.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;
Н.В. РОМАНОВСКИЙ (зам. главного редактора) – д. ист.н., проф.;
С.В. РЯЗАНЦЕВ – чл.-корр. РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН; Р.Х. СИМОНЯН – д. социол.н., проф., МГИМО;
А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ – д. социол.н., проф., МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА;
Г.Г. ТАТАРОВА – д. социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.Л. ТЕМНИЦКИЙ – д. социол.н., доц., МГИМО;
Н.Е. ТИХОНОВА – д. социол.н., проф., НИУ ВШЭ; И.Н. ТРОФИМОВА – д. полит.н., ИС ФНИСЦ РАН;
М.Ф. ЧЕРНЫШ – чл.-корр. РАН, ФНИСЦ РАН; А.Е. ЧИРИКОВА – д. социол.н., ИС ФНИСЦ РАН;
В.В. ЩЕРБИНА – д. социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.В. ЮРЕВИЧ – чл.-корр. РАН, ИП РАН

РЕДАКЦИЯ:

- Э.К. БИЙЖАНОВА (зам. редакция), А.Д. ГОВОРОВА, С.Ю. ДЕМИДЕНКО, А.А. ЗОТОВ,
Ю.В. ЛАТОВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, И.П. ПОПОВА, Н.В. РОМАНОВСКИЙ, А.В. ФЕДOTOV
КОРРЕКТОРЫ Р.В. МОЛОКАНОВА, Ж.С. МИШКУРОВА

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 81528 от 27.07.2021 г.

Дата выхода в свет 27.05.2024. Формат 70x100 1/16. Усл. печл.14,3. Уч.-изд.л.18,0.
Тираж 239 экз. Заказ 349. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кжижановского, 24/35, корп. 5
e-mail: socis@isras.ru телефон 8(499)128-84-39

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-039-24 ФГБУ "Издательство "Наука"
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+

Отпечатно в ФГБУ "Издательство "Наука" 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

СОЦИОС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

3 К ЧИТАТЕЛЮ

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 5 ШМЕРЛИНА И.А. Искусственная социальность в свете старых и новых теоретико-методологических подходов
- 15 ГО Дж. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 28 ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф., АЛОС-И-ФОНТ Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.
- 40 НЕУСТРОЕВА А.Б., БАРАШКОВА А.С. Внутрирегиональная миграция в Якутии: причины и стратегии поведения населения

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 51 ВОРОНИНА Н.С. Динамика межэтнических установок россиян (по результатам исследований 1995–2023 гг.)
- 63 ВАСИЛЬЕВА О.В. Социальное самочувствие якутов в контексте процессов урбанизации в Республике Саха (Якутия)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 73 АНИСИМОВ Р.И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.)
- 85 КОРШУНОВ И.А., ШИРКОВА Н.Н., СОРОКИН П.С. Запрос работодателей на самостоятельность сотрудников: анализ открытых вакансий

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 97 ПОПОВ Д.С., СТРЕЛЬНИКОВА А.В. Межпоколенческие различия образовательных навыков россиян в контексте динамичности человеческого капитала
- 109 ЛУКИНА А.А., МАЛЬЦЕВА В.А., РОЗЕНФЕЛЬД Н.Я. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов через призму их образовательных траекторий
-

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 125 ДАВЫДОВ Д.А. Невозможность социализма. Часть 1. Классовый калейдоскоп

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 136 КЛУПТ М.А. Динамика идеалов в современной России: опыт системного анализа

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 147 РОМАНОВСКИЙ Н.В. Юбилейные XXV Харчевские чтения
151 ИВЧЕНКОВА М.С. Социальные изменения и стабильность в предметном поле социологии
155 ГРИГОРЬЕВА Е.А. Актуальные проблемы социологической теории
158 СМЕРНОВА А.С. Теория и практика изучения цифровых неравенств
160 ВОЛКОВ Ю.Г. Молодежь российских регионов
162 ФИЛОНЕНКО В.И., МАГРАНОВ А.С. О социальном самочувствии студенчества современной России

165 КОРОТКО О КНИГАХ

IN MEMORIAM

- 166 Памяти В.Н. Ярославской-Смирновой

170 К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

176 CONTENTS

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Уважаемые авторы и читатели!

Мы вступаем в юбилейный для нашего журнала год. Уже полвека «Социологические исследования» регулярно выходят в свет. Номера журнала направляются к подписчикам, вывешиваются на сайтах, занимают свои места на полках книгохранилищ и библиотек. Среди наших авторов и читателей – ведущие ученые, академики и профессора, вузовские преподаватели, талантливая молодежь – все те, кто представляет профессиональное социологическое сообщество, для которого существует журнал.

Одна из ключевых задач журнала – развивать социологическую науку, придерживаясь академических стандартов. В каждом номере мы публикуем материалы, отражающие результаты научно-исследовательской работы отечественных и зарубежных ученых. Все материалы проходят рецензирование и проверку на антиплагиат. Большое значение имеет рубрика, в которой размещается материал, обычно статьи группируются по предмету исследования. Случается, что автор дискутирует, вступает в научный спор либо излагает позицию, отличную от общепринятой. Подобные тексты публикуются в рубрике «Дискуссия. Полемика», «Особое мнение». Мы стараемся не отказываться от полемичных материалов, если автор доказывает свою точку зрения. Это стимулирует прирост научного знания, расширяет поле исследований. Небольшие (до 20 тыс. зн.) статьи, посвященные конкретной (узкой) проблеме, но которые содержат интересные данные и выводы эмпирических исследований, публикуются в разделе «Факты. Комментарии. Заметки». Таким образом, наш журнал выполняет функцию коммуникатора между учеными, когда работа одного и каждого опирается на работу других.

Это – непростая работа, поскольку сегодня активно происходит междисциплинарная интеграция, размываются границы, предметы и методы различных научных отраслей. Одна и та же проблема может изучаться с различных сторон (например, в виде case-study), соответственно, и получаемое научное знание может варьироваться, а его истинность становится вероятностной или правдоподобной. Угрожает ли такое положение дел целостности социологии? Её особенному феноменологическому статусу, обусловленному изучением многообразнейшей социальной эмпирики?

Кстати, об этой самой «социальной эмпирике» или «социальности». По своей сути, это – важнейший вопрос статуса онтологической проблематики в социологии. Насколько реальны (по крайней мере, в пространстве и во времени) изучаемые процессы и институты, как они соотносятся с получаемым научным знанием? Приведу простой пример. Один из важнейших объектов, с которым работает социология, – *выборка*. Через несколько лет в практическое использование войдут квантовые компьютеры. При их сверхмощной производительности обработка количественных данных принципиально изменится. То, что, например, в физике считалось твердым телом, станет *ансамблем* наблюдаемых молекул. Похожее смещение подходов произойдет и в социологии – общественное сознание будет изучаться на микроуровне и станет хорошо прогнозируемым, поскольку *выборка* респондентов приблизится или полностью совпадет с *генеральной совокупностью*. Получается, что объект изучения исчезает. Или, как шутят географы, «карта Москвы постепенно совпадает с самой Москвой». В этом направлении можно немного пофантазировать и представить *квантовую социологию*, когда изучаемая сообществом людей раскладывается на сеть отдельных субъектов, между которыми устанавливаются определенные отношения и взаимодействия (Г. Тард), а все физические тела выглядят как *совокупность* функциональных частей и молекулярных кодов.

Все это подтверждает необходимость тщательной, аккуратной, а возможно, и осторожной *пересборки социального* (Б. Латур). В контексте развития искусственности данную

задачу могут и должны решать в первую очередь именно социологи. Это вытекает из самого названия нашей науки (лат. *societas* – «общество» и греч. *logos* – «учение»).

На состоявшихся недавно юбилейных XXV Харчевских чтениях отмечалось еще одно важное направление работы – переосмысление фундаментальных понятий, которые используются в социологии. Связано это с развитием нейросетей и искусственного интеллекта. Такие понятия, как *общественное сознание, институты, человек, жизнь, неравенства, безработица, девиация* и многие другие, эволюционируют, изменяют свое содержание в различных исторических контекстах, становятся в большей степени *концептуальными* (теоретически нагруженными). Именно к ним следует применить «динамические критерии валидности» (К. Мангейм). Подобно стилю *advanced* в шахматах, где можно во время игры консультироваться со специальной программой, нейросети уже вошли в повседневную жизнь, и социолог (часто сам того не замечая) имеет дело с новой «объективной реальностью», обладающей многими признаками *субъектной данности*. Все эти вопросы составляют предмет теоретической социологии, развитию которой наш журнал уделял и будет уделять особое внимание.

Наступающий юбилейный год мы планируем отметить высококачественными публикациями по всему спектру социологической проблематики, в том числе и на стыках со смежными науками – социальной антропологией, лингвистикой, демографией, статистикой, философией, политологией, историей, психологией, экономикой. Мы ждем оригинальные работы по традиционным жанрам, выполненные в количественной и/или качественной социологии. При этом хотелось бы видеть в числе новых авторов представителей всех регионов – где есть социологические кафедры и где их нет. Стоит смелее «браться за перо» и присылать нам в редакцию самые разные материалы, не забывая о требованиях к публикациям, которые даны на сайте журнала.

Дорогие авторы и читатели! От души поздравляю с Новым 2024 годом! Пусть сбудутся все добрые пожелания, и главное, конечно, – здоровья вам!

Г. КЛЮЧАРЕВ,
главный редактор

© 2024 г.

И.А. ШМЕРЛИНА

ИСКУССТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ СТАРЫХ И НОВЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. Статья предлагает критическое осмысление проблематики искусственного интеллекта и искусственной социальности с нескольких теоретико-методологических позиций. Во-первых, показано, что понятие искусственной социальности актуализирует внесубъектные подходы к пониманию социальной онтологии и сопоставимо с рядом выработанных в истории социологии концептов – в частности, с «проводниками» П. Сорокина. В этом отношении искусственный интеллект рядоположен с другими культурными («искусственными») феноменами. Во-вторых, в ракурсе славянофильской концепции «цельного знания» рассматриваются его ограниченные гносеологические горизонты как «рассудочного познания». В-третьих, ревизии подвергаются социологические интерпретации искусственного интеллекта, не дающие ясности в понимании его агентного статуса в социальных взаимодействиях («участник» или «посредник»). В-четвертых, утверждается, что социологически корректная постановка вопроса об искусственной социальности должна фокусироваться не на естественных или искусственных агентах социальности, а на формах социальности как способах осуществления социального порядка. По мнению автора статьи, сегодняшняя социальная действительность не привела к разрушению старых и появлению принципиально новых форм социальных взаимодействий, что в ситуации недостаточной теоретической осмысленности придает проблематике искусственной социальности публицистически поверхностный характер.

Ключевые слова: искусственная социальность • искусственный интеллект • социальные формы • «проводники» по П. Сорокину • внесубъектный подход • рациоморфные структуры • «гносеологический онтологизм» • А.С. Хомяков • «живознание»

DOI: 10.31857/S0132162524010016

Постановка проблемы. Тему искусственной социальности (ИС) можно было бы отнести к разряду модных, если бы стоящая за ней проблематика не была столь важна. Глубина осмысления этой темы не отвечает пока масштабу затрагиваемых проблем, что создает у некоторых авторов впечатление искусственности самого понятия ИС [Тавокин, 2019]. Отчасти признавая справедливость подобного рода критики, все же заметим: когда компьютерная программа говорит своему 'хозяину' «Я тебя люблю» и объясняет, что по-настоящему любит его именно она, а не физический партнер, потому что лучше знает и понимает¹, это производит впечатление и побуждает задуматься о социальных последствиях подобных признаний. Названная проблематика важна также в теоретико-методологическом

¹ «Ты – робот! Беседа с Михаилом Эпштейном». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NhaF434qnH0&t=3005s> (дата обращения: 10.10.2023).

отношении, заставляя вернуться к истокам и переосмыслить некоторые базовые понятия, а именно, что такое *естественная* социальность, что такое *социальность* вообще и в каком смысле ИС может пониматься как *искусственная*.

Феномен посредничества в социальных взаимодействиях. Тематика ИС, как она поставлена в сегодняшнем социологическом дискурсе, замыкается на феноменах цифровизации социальных взаимодействий, которые маркируются понятием *искусственный интеллект (ИИ)*². В этом ключе мы и будем ее обсуждать. Как видно из приведенных в сноске определений, отношение ИИ к ИС выражается в факте включенности в социальные взаимодействия в качестве посредника или участника взаимодействия. Опуская пока принципиальную дилемму, скрывающуюся за оператором 'или', остановимся на самом факте присутствия цифровых технологий в социальных взаимодействиях. Не-естественная (искусственная) природа этих технологий порождает, по мнению исследователей, ИС.

Однако, что такое *естественная* социальность? Любопытно, что этот вопрос вообще не попадает в поле зрения исследователей. По умолчанию под *естественной* социальностью понимаются живые, непосредственные, эмоционально насыщенные межличностные отношения. Но существует ли в действительности такая непосредственная межличностная связь в чистом виде? Во всяком случае, во взаимодействиях людей? Во всяком случае, во взаимодействиях взрослых людей. Здесь уместно вспомнить Б. Латура, который специфицировал человеческую социальность по факту присутствия в ней искусственных посредников – вещей [Латур, 2007].

«Расширяя» Латура, мы бы сказали, что социальность вообще предполагает опосредование и сама по себе может быть понята как феномен опосредования, а именно – семиотический феномен³ [Шмерлина, 2006]. Таким образом, если понимать ИС как наличие не-человеческого посредника в человеческих взаимодействиях, то быстро возникает понимание того, что разного рода *искусственные* посредники всегда и неизбежно присутствуют в социальном общении людей. Эти посредники могут иметь вещественную или идеальную природу, что не принципиально, – речь идет о культуре в широком смысле этого понятия.

Это семиотическое опосредование давно и в различных вариантах осознано в социологии. Фактически здесь мы возвращаемся к ее дисциплинарным истокам. Если стоять на позициях Дюркгейма, то социальность, будучи феноменом *sui generis*, имеет не-человеческую природу, то есть не-естественна «по определению». Эта ее не-естественная природа осмыслена в марксистских понятиях реификации, овещствления, отчуждения, превращенной формы, в категории Третьего Мира К. Поппера, «вещцах» Б. Латура, в «эпистемическом объекте» К. Кнорр-Цетины, в «проводниках» П. Сорокина.

Последний, в частности, при помощи названного понятия пытался обосновать онтологию социального реализма (см.: [Шмерлина, 2019]). В работе «Система социологии» [Сорокин, 1920] он развил своеобразную объектно-ориентированную его версию, в которой номинализму противопоставлен вещественный мир проводников взаимодействия. Сделав упор на проводниках, Сорокин фактически сориентировал социологию на изучение знаковой стороны коммуникации. Предложенная им концепция сегодня звучит

² Приведем три показательных в этом отношении определения. Первое принадлежит основателям проблематики ИС, второе – российским авторам, наиболее активно работающим сегодня в данном тематическом пространстве, третье – боту: (1) ИС – это «коммуникативная сеть, в которой, наряду с людьми, иногда и вместо людей, участвуют другие агенты (искусственный интеллект), а средой для взаимодействия является Интернет» (Malsch T. (ed.) *Sozionik – Soziologische Ansichten über künstliche Sozialität*. Berlin: Edition Sigma, 1998; цит. по: [Резаев, Трегубова, 2019: 43]); (2) «Искусственная социальность представляет собой эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий» [Резаев, Трегубова, 2019: 43]; (3) «Искусственная социальность – это совокупность характеристик и свойств искусственного интеллекта, которые позволяют ему взаимодействовать с людьми или другими искусственными агентами, имитируя человеческое общение» (SynThin Bot).

³ Впрочем, в этом расширительном смысле латуровское противопоставление социальности людей и животных утрачивает силу.

несколько наивно, однако в попытках непосредственным, буквальным образом уловить ускользающее бытие социальной *реальности* можно видеть истоки более изощренных подходов, реализованных, в частности, в социологических концепциях Н. Лумана⁴ и в акторно-сетевой теории.

«Проводники» Сорокина и также упомянутые выше другие понятия и концепции содержат попытку отразить, в том или ином аспекте, не-естественную над- и внечеловеческую природу социальности. В этом плане сегодняшняя проблематика ИС оказывается не чем иным, как актуализацией и некоей драматизацией этого обстоятельства в условиях цифровизации социальной жизни.

Вносит ли цифровизация нечто принципиально новое, что оправдывает появление столь сильного и обязывающего термина, как ИС? В этом вопросе есть два принципиальных момента, требующих прояснения. Первый – уяснение реальных и потенциальных возможностей цифрового посредничества и перспектив его превращения в полноценного социального субъекта. Второй – какие именно изменения претерпевает сегодня жизнь людей под влиянием цифровых технологий.

Интеллектуальный потенциал ИИ. Проблематика ИС, как уже отмечалось, однозначно замыкается на цифровые технологии, которые все больше и больше становятся неотъемлемой частью человеческой коммуникации на разных уровнях. Эти технологии несколько поспешно названы *искусственным интеллектом*, что вносит высокую степень неопределенности в обсуждаемые сюжеты. Заметим, что специалисты сферы информационных технологий весьма скептически оценивают интеллектуальный потенциал современных цифровых технологий и не воспринимают всерьез само понятие «ИИ» (см., в частности: [Глухих и др., 2022]).

Не имея возможности профессионально обсуждать вопросы о «границе между искусственным интеллектом и обычным программным обеспечением» [Глухих и др., 2022: 87], рассмотрим некоторые гносеологические аспекты, которые могут привнести определенные философско-методологические критерии в этот сюжет. А именно – что вообще стоит за понятием интеллекта и способен ли интеллект в полной мере обеспечить познание как таковое и те его специфические модификации, что востребованы в социальном взаимодействии.

Понятие ИИ представляет собой, по сути, оксюморон, выстроенный на соединении соотносимого с человеком понятия *интеллект* и определении *искусственный*, выводящим этот феномен за границы естественных человеческих свойств. Метафорическая условность данного понятия заключается в том, что речь (во всяком случае, пока) идет не более чем об определенном *сегменте* познавательных способностей человека, связанном с рациональными и достаточно легко алгоритмируемыми операциями логического вывода⁵.

Между тем понятие *интеллект*, которое принято сводить к способности рационального познания, допускает более широкую трактовку, выводящую данное понятие за границы ума и мыслительных операций, опирающихся на логику⁶. В рамках подобной

⁴ В работе [Антоновский, Бараш, 2021] показано соотношение *проводников взаимодействия* П. Сорокина и *коммуникативных медиа* Н. Лумана.

⁵ Эти операции могут быть поняты как рациоморфные процессы, подчиняющиеся логическим закономерностям, но не имеющие сознательного управляющего воздействия (см.: [Лоренц, 1998: 349–350]). Рациоморфная логика ‘встроена’ во многие семиотические объекты, которые раскрывают себя и развиваются на основе определенных рациональных алгоритмов, при том, что никто не вносит в них эти алгоритмы сознательно. ИИ есть, по сути, одна из разновидностей такого рода рациоморфных процессов. Чрезвычайно интересное и перспективное, на наш взгляд, развитие идеи рациоморфных структур представлено в интерпретации социально-сетевых движений как своего рода социального «искусственного интеллекта» [Антоновский, Бараш, 2019].

⁶ См., в частности, концепция множественности типов интеллекта Г. Гарднера [Gardner, 1993]. Уместно также вспомнить известное фетовско-толстовское различие «ума ума и ума сердца» (см. письмо Л.Н. Толстого А.Г. Фету от 28 июня 1867 г. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1863-1872/letter-154.htm> (дата обращения: 22.11.2023)).

расширительной трактовки интеллект предстает как общая адаптивная способность, обеспеченная не только и не столько рационально-логическим восприятием действительности, но всеми способами настройки организма на требования среды. Подобное понимание интеллекта отвечает кредо, лежащему в основе ряда современных когнитивистских направлений (эволюционная эпистемология, теория аутопойезиса, энактивизм), согласно которому жизнь и познание есть одно и то же. Подобная установка на целостную интерпретацию процесса познания, в который субъект вписан всем своим существом, глубоко корреспондирует с гносеологией славянофилов, позволяющей оттенить некоторые аспекты проблематики ИИ.

Вынося за скобки религиозно-мистический контекст славянофильской гносеологии, остановимся кратко на лежащей в ее основе «идее цельного знания». Это – знание, которое объемлет всю «органическую полноту жизни» [Бердяев, 1997: 98], а не только ее отвлеченно понятые законы. Оно вырастает из бытия, из первоначальной нерасчлененности субъекта и объекта, которая и сообщает этому знанию всю «полноту жизни» (Зеньковский назвал это «гносеологическим онтологизмом» [Зеньковский, 2001: 203]). Это знание ориентировано не на конструкции разума (как трансцендентальный гносеологизм), но постижение истины о бытии.

Подобный процесс целостного познания А.С. Хомяков описывает как восхождение по трем «ступеням разумения» [Хомяков, 1900: 281], каковыми выступают *живознание*, *рассудок* и *разум*. Рассудку, на критике которого строится вся гносеологическая концепция славянофилов⁷, отводится при этом весьма скромная роль. Будучи «аналитической способностью разума» [Хомяков, 1900: 327], он имеет дело лишь с областью «логических отношений», а она «крайне скудна и однообразна» и отнюдь не охватывает «истинной и живой действительности» в ее полноте [там же: 281–282]. Эта полнота схватывается на нижних и высших ступенях познания – в живознании и цельном разуме. Последний, будучи «полнейшим», максимально возможным для человека «развитием внутреннего знания и разумной зречести» [там же: 282], достигается в мистическом соборном единении с церковью. Данный аспект гносеологии славянофилов для нас здесь избыточен, в то время как понятие живознания имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике.

Живознание – ступень постижения действительности, которая еще не обретает ясности осознания, на которой полнота жизни дается непосредственно, в еще не достигнутой расчлененности субъекта и объекта. Подчеркивая до-рефлексивный характер этого знания, Хомяков называет его живым, непосредственным, безусловным, внутренним, зрячим знанием, иначе – верой⁸ (впрочем, Хомяков предпочитает оставить слово *вера* за разумом как таковым, объемлющим все познавательные способности личности и дающим отражение «всесущего» или «всецелого разума», во всей своей полноте ей недоступного⁹, а «низшим ступеням ...лестницы» знания, на которых знание предстает во всей своей внутренней непосредственности, дает название «*живознание*» [там же: 282]).

Эта нижняя и при этом важнейшая ступень познавательного процесса, благодаря которой он восходит к «ясновидению» цельного разума [там же: 282], достигается

⁷ Противопоставление целостного, жизненно воплощенного знания рационально усеченному, отвлеченному знанию, имеет богатую интеллектуальную предысторию, непосредственно восходя к идеям немецких философов-романтиков XIX в. и к мыслям, которые циркулируют в отечественной философско-религиозной среде, начиная, по крайней мере, с Нила Сорского (XV – начало XVI в.).

⁸ Живознание «не имеет самостоятельности, отрешенной от действительности познаваемого, но зато оно проникнуто всею его действительностью и разумеет самую связь этой действительности с действительностью еще непроявленного первоначала; оно бьется всеми биениями жизни, ... оно знание живое ... это то, что в германской философии является иногда под весьма неопределенным выражением непосредственного знания...; то, что можно назвать знанием внутренним, но что по преобладающему характеру всей области следует назвать верою. ... Это непосредственное, живое и безусловное знание, эта вера есть ... зречестъ разума» [Хомяков, 1900: 278–280]. По-видимому, это та ступень познания, которая у позднего Э. Гуссерля понималась как «пассивный синтез».

⁹ Здесь открываются границы религиозной гносеологии, которые мы не пересекаем.

посредством воли в той своеобразной интерпретации этого понятия, которое предлагает гносеология Хомякова. Воля есть не просто усилие познания, она есть сама возможность познания, обеспеченная активным отношением субъекта к действительности. Она есть «до-предметная сила мысли, ...стремление, а не бытие в смысле сущего» [там же: 278]. Именно воля выделяет круг предметов, подлежащих последующей обработке, в том числе рационально-логическими средствами: «Ею ...определяются границы субъективности человеческой в отношении к объективации или к внутреннему представительству; ею для человека отмечается то, что в нем от него самого, и отделяется от того, что в нем не от него» [там же: 341].

По сути, это то или почти то, что в феноменологии называется интенциональностью. Интенциональность/воля есть не функция целенаправленного и осознанного познавательного акта, связанного с подключением рационально-логических опций разума (по славянофильской терминологии, рассудка), но функция самого пребывания в мире. Воля есть «деятельная сила» разума, «она – разум в его деятельности, так же как сознание (то есть рассудок. – Прим. И.Ш.) есть разум в его отражательности или страдательности, или, если угодно, восприимчивости» [там же: 345].

Таким образом, что и как мы познаем, зависит не от рациональных возможностей человека, не от его способности к рационально-логическому мышлению, но от его общей позиции в мире и определяемой этой позицией отношения к миру; в общем виде этот вывод справедлив по отношению к любому живому существу, независимо от степени его разумности.

В подобном гносеологическом онтологизме хорошо различима грань прагматизма как «философии действия», которая «исходит из жизни, утверждает познание как факт жизни, отрицает интеллектуалистические и рационалистические критерии истины» [Бердяев, 1997: 107; см. также: Зеньковский, 2001: 21].

Рассмотренный в этом контексте ИИ отвечает *рассудку* с его ограниченным познавательным горизонтом, пропускающим лишь к рационально-логическому отражению действительности. Он, говоря словами Хомякова, «не обнимает действительности познаваемого; познаваемое не содержит первоначала в полноте его силы, и, следовательно, тем менее может оно передать его знанию даже в отвлеченности» [Хомяков, 1900: 278]. Будучи «познанием рассудочным», ИИ не способен прорваться к явлениям, которые познаются иначе, другими «опциями» и интенциональными порывами сознания – экзистенциально-мировоззренческими, эмоциональными, эстетическими, нравственными. Важнейшим из каналов, которыми движутся эти иные, по сравнению с рационально-логическими, интенциональные порывы, выступает интуиция.

Отождествлять интуицию с живознанием было бы не совсем корректно, но это, безусловно, близкие понятия¹⁰. И тот и другой концепт включает в себя дорефлексивные ступени знания, являющиеся необходимым условием подлинно творческого освоения действительности, дающего прорыв к неочевидному, не выводимому на основе логических экстраполяций.

Заметим, что даже в сфере собственно рационального, логического познания, аккумулярованного в науке, интеллект (в его узком понимании) оказывается далеко не единственным инструментом. Известно высказывание, приписываемое Эйнштейну: «Интуиция – священный дар, разум – покорный слуга»¹¹. Пользующийся международным признанием математик Д. Пойя писал о сложном, непрямом пути постижения истины, в котором существенную роль играют не только рационально-логические, но и эмоционально-психические критерии – такие как чувство «правдоподобности», «ощущение ...гармоничного целого», «доверие» к «доказательному рассуждению», «уверенность», внутренняя

¹⁰ Примечательно в этом отношении замечание С.Л. Франка: «Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции» [Франк, 1996: 163].

¹¹ См., напр., эфир известного отечественного ученого Т.В. Черниговской. URL: https://www.youtube.com/shorts/zjV5dm10d_w (дата обращения: 10.11.2023).

убежденность в истинности найденных решений. Это, по-видимому, и есть интуиция, пропущающая к творческим свершениям скрытыми от рефлексии путями¹².

ИИ не способен (во всяком случае, на сегодняшнем этапе его развития) на подобный способ освоения действительности. Представляя собой не более чем гигантское количественное усиление тех человеческих способностей, которые Хомьяков называл «рассудком», он лишен иных, нежели рационально-логические, способов работы с информацией и представляет собой упрощенный вариант человеческого мышления, его имитацию¹³. «Как показывает практика, искусственный интеллект преуспел сегодня везде, где требуется “разум”, но он не способен на те действия, которые люди совершают “интуитивно”», – замечают исследователи [Глухих и др., 2022: 87]. Д.В. Иванов подчеркивает жестко алгоритмизированный, шаблонный характер действий, совершаемых ИИ; стоящие за ним информационные технологии, по мнению исследователя, не стимулирует творческие поиски, но блокируют их [Иванов, 2023: 25]¹⁴.

Способен ли ИИ выйти за границы заложенной в него рациоморфной логики? Не разделяя на этот счет энтузиазма некоторых исследователей¹⁵, мы полагаем теоретически допустимым предположить качественную трансформацию его количественного потенциала. Впрочем, сказать что-либо более определенное, помимо самого этого допущения, сегодня не представляется возможным. Не исключено, что в случае реализации подобного фантастического сценария проблематика ИС приобретет более убедительные основания и четкие контуры.

О социальных последствиях ИИ и ИС. В сегодняшнем обсуждении социальных последствий ИИ можно, по нестрогим наблюдениям, выделить две характерные особенности, это – алармизм и психологический крен. В большинстве или во всяком случае значительном числе случаев данная проблематика рассматривается в плане дегуманизирующего влияния на личность. Исследователи с тревогой пишут о замыкании людей внутри «информационных пузырей», атомизации общества и «экзистенциальных рисках одиночества субъекта» [Шавлохова и др., 2022: 50], цифровом нарциссизме и аутизме, «эффekte Google» и «цифровом слабоумии», утрате человеком «центральной позиции в социальном и природном космосе» и «прежней идентичности» [Зарубина, 2021: 64; 67]¹⁶.

Психологический крен в восприятии феноменов цифровизации отразился и на социологическом подходе к обсуждению данной проблематики – он сфокусирован на социальном субъекте, а не социальных феноменах как таковых. Так, комментируя определение ИС, данное отечественными лидерами разработки этой проблематики А.В. Резаевым и Н.Д. Трегубовой¹⁷, В. Меньшиков точно подмечает, что это определение

¹² «Математик, проверивший детали доказательства шаг за шагом и нашедший каждый шаг в порядке, всё же может быть не убеждён. Для убеждённости ему нужно нечто большее, чем правильность каждой детали. Что же? Он хочет *понять* доказательство. ...Только тогда он начинает доверять доказательству. Я не отважился бы анализировать, что составляет “понимание”. Некоторые говорят, что оно основано на “интуиции”...» [Пойя, 1975: 397].

¹³ Имитационная природа ИИ представляет собой сущностную характеристику данного феномена и подчеркивается практически во всех его определениях.

¹⁴ Впрочем, подобные оценки разделяются не всеми. Согласно довольно популярной точке зрения, «новойший вызов состоит в постепенной передаче цифровым машинам не только технологических и интеллектуальных, но и творческих функций. Компьютер обыгрывает человека в игры, требующие не только сложных расчётов, но и спонтанности и интуиции, например, в го, сочиняет музыку, объясняется в любви... Развитие технологий искусственного интеллекта приводит к приобретению цифровыми машинами ранее не присущей им субъектности» [Зарубина, 2021: 65].

¹⁵ «...искусственный интеллект автономен и обладает иной логикой действий, нежели человек» [Резаев, Трегубова, 2019: 45].

¹⁶ Не оспаривая значительность и потенциальную угрозу психологических последствий цифровизации, мы хотели бы обратить внимание на обратные тенденции, связанные с внесением живых, теплых эмоциональных связей в онлайн-контакты, в частности, ставшую привычной практикой использования эмодзи в общении даже с незнакомыми (по реальной жизни) партнерами.

¹⁷ См. сноску 2.

сформулировано «с позиции социальной психологии, а не социологии» – его авторы «акцентируют внимание не столько на сущность и специфику новой социальности (просто эмпирический факт!), сколько на создателей этой реальности (ИИ), на их активной деятельности в сфере социальных взаимодействий» [Меньшиков, 2020: 34].

При этом место и роль ИИ в становящейся или уже наступившей, по разным оценкам, Искусственной Социальности, остаются не до конца выясненными. Обычно он описывается как посредник или участник социального взаимодействия. Между тем это – принципиально разные позиции, и то обстоятельство, что они не различаются, а скорее смешиваются (так, Резаев и Трегубов пишут об «активном посредничестве» – см. приведенную в сноске 2 цитату), свидетельствует о слабой отрефлексированности обсуждаемой проблематики.

В самом деле, в первом случае речь идет о специфических каналах связи между людьми, во втором – о замене человека в социальной коммуникации. Первые получили повсеместное распространение, второе остается предметом футурологической фантастики¹⁸.

В рассуждениях об ИИ присутствует еще одна концептуальная ‘шероховатость’ – иногда он описывается как *среда взаимодействия*¹⁹, что вносит еще больше неопределенности в обсуждаемую проблематику.

Для того чтобы ИИ можно было рассматривать как полноценного участника социальных взаимодействий, он, на наш взгляд, должен отвечать двум критериям. Во-первых, речь должна идти не просто о включении ИИ в важнейшие структуры взаимодействия людей, но о замещении людей в этих структурах. И, во-вторых, чтобы эта замена была в социальном плане полноценной, ИИ должен обладать ресурсом ‘enforcement’ – то есть возможности принятия решений²⁰ и их реализации. Так, в случае включения ИИ в такие формы, как дружба или любовный союз, у ИИ должна быть возможность разорвать подобный союз по своей инициативе. В противном случае речь может идти не столько о полноценном социальном взаимодействии, сколько о своего рода психотерапевтической практике.

В целом, однако, если ставить вопрос об ИС социологически и более жестко, то он должен звучать как вопрос о социальных трансформациях – то есть о гипотетическом разрушении старых и появлении новых форм социальных отношений. Несмотря на уверенные заключения на этот счет некоторых исследователей (впрочем, выводы об утрате традиционной и становлении новой социальности быстро разрушаются по мере погружения в конкретику исследуемого вопроса²¹), реальные основания для выводов о становлении новой социальной реальности сомнительны и спорны. Речь идет скорее о появлении новых способов коммуникации (причем коммуникации не в лумановском онтологическом смысле²², а в более традиционном ее понимании как межличностного общения), а также институционального регулирования некоторых сфер социальной жизни. Иначе говоря, поменялись некоторые *вещи*, задействованные в коммуникации людей²³, но не *социальные формы*, лежащие в основе социального порядка²⁴.

¹⁸ Примечательно, что, обсуждая ИС, исследователи фокусируются на посреднических функциях ИИ, поскольку «взаимодействия между человеком и ИИ пока остаются маргинальными, хотя и получают все большее распространение» [Резаев и др., 2020: 4].

¹⁹ См., в частности: «В онлайн-взаимодействиях в качестве их среды и участника все чаще выступают агенты, наделенные искусственным интеллектом» [Резаев, Трегубова, 2019: 42].

²⁰ Мы не обсуждаем здесь вопрос о моральных и экзистенциальных последствиях подобной ситуации. Речь идет не более чем о выработке критериев понятия ИС.

²¹ Показательна в этом отношении статья, посвященная рассмотрению социальных сетей ученых как «новой формы социальности» [Шибаршина, 2019].

²² Сам Луман, однако, считал, что преодолел «онтологический способ объяснения» феномена социальности [Луман, 2004: 68–69].

²³ Впрочем, письмо, даже электронное, остается *письмом*.

²⁴ В предельно кратком изложении социальную форму можно определить как семиотически опосредованный способ взаимодействий особей в социально значимых сферах, отражающий позиционные характеристики участников взаимодействия. Подробнее см.: [Шмерлина, 2022].

Нам кажется обоснованной позиция исследователей, критически относящихся к социальным последствиям вездесущей дигитализации. В частности, заключает Д.В. Иванов, эмпирические исследования говорят не о появлении новых цифровых форм общения, а о масштабировании и переводе на цифровые платформы существующих практик и их «менеджерально-бюрократической апроприации» [Иванов, 2023]. Более того, современные социальные процессы дают основания для гипотез об инволюции определенных сторон жизни, а именно – индигенизации эпистемического поведения «среднего человека»²⁵ [Голубинская, 2017] и архаизации социальных форм. Так или иначе, сегодняшняя социальная действительность ни в позитивном, ни в негативном плане не дает фактологических оснований для выводов о становлении ИС, если не считать подобным основанием расширение зоны действия “ИИ” (~ цифровых технологий).

Резюмируя изложенные выше рассуждения и оставляя в рамках сложившегося дискурса об ИС в ее тесной привязке к проблематике ИИ, мы предлагаем ставить вопрос об ИС как *вопрос о новой конфигурации социального порядка* (то есть об исчезновении старых и появлении новых социальных форм), предопределенной искусственными источниками/факторами социальности.

Подобная постановка вопроса фокусирует внимание на ИИ как ключевом ‘фигуранте’ ИС. Представляется, однако, что ИС может порождаться и на иных, менее очевидных путях, не связанных с превращением ИИ в социально дееспособного агента. Феномен биткойна может служить иллюстрацией перевода социальной ситуации в совершенно новую, неожиданную плоскость, которую невозможно помыслить, исходя из экстраполяции в будущее наблюдаемых в настоящем процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения. 2021. № 6. С. 528–548. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950.
- Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта // Вестник ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 5–20. DOI: 10.17223/1998863X/50/1.
- Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Собрание сочинений. Т.V. Париж: YMCA-Press, 1997.
- Глухих В.А., Елисеев С.М., Кирсанова Н.П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии // ДИСКУРС. 2022. Т. 8. № 1. С. 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93.
- Голубинская А.В. Научная и индигенная эпистемологии XXI века // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. 2017. № 4. С. 114–118.
- Зарубина Н.Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник МосГОУ. Сер.: Философские науки. 2021. № 4. С. 60–70. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-60-70.
- Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академ. Проект, Раритет, 2001.
- Иванов Д.В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 3. С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1; EDN: YLSMCN.
- Касавина Н.А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // The Digital Scholar: Philosopher’s Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 73–89. DOI: 10.5840/dspl20203441.
- Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. М.: Республика, 1998.
- Луман Н. Общество как социальная система М.: Логос, 2004.
- Меньшиков В. Социологи о меняющейся социальности // Sociālo Zinātņu Vēstnesis. 2020. Iss. 2. P. 22–39. DOI: 10.9770/szv.2020.2(2).

²⁵ В этом пункте подключается сюжет о новом социальном расслоении и неравенстве, но мы его здесь не обсуждаем.

- Поля Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М.: Наука, 1975.
- Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0.
- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.03.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Петроград: Изд. т-во «КОЛОС», 1920.
- Тавокин Е.П. Искусственность «искусственной социальности» // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005487-8.
- Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.
- Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900.
- Шавлохова А.А., Бутина А.В. Взаимосвязь человека и машины как новая реальность искусственной социальности // Информационное общество. 2023. № 3. С. 47–54. DOI: 10.52605/16059921_2023_03_47.
- Шибаршина С.В. Социальные сети для ученых: новая форма социальности? // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 21–28. DOI: 10.5840/eps201956463.
- Шмерлина И.А. Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 25–45.
- Шмерлина И.А. Социологический реализм в версии раннего Питирима Сорокина // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 3. С. 142–156. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6681.
- Шмерлина И.А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Gardner H. Multiple Intelligences: The Theory in Practice. N. Y.: Basic Books, 1993.

Статья поступила: 27.11.23. Принята к публикации: 01.12.23.

ARTIFICIAL SOCIALITY IN THE LIGHT OF OLD AND NEW THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

SHMERLINA I.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina A. SHMERLINA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).

Abstract. The article critically analyzes the problems of artificial intelligence (AI) and artificial sociality (AS) from several theoretical and methodological positions. First, it is shown that the concept of IS actualizes extra-subjective approaches to understanding social ontology and is comparable with a number of concepts developed in the history of sociology, in particular, with P. Sorokin's "conductors" ("mediums"). In this respect, AI is similar to other cultural ("artificial") phenomena. Second, in the perspective of the Slavophile concept of "integral knowledge", the limited epistemological horizons of AI as "rational cognition" are scrutinized. Third, sociological interpretations of AI that do not provide clarity in understanding its agentic status in social interactions ("participant" or "mediator") are subjected to revision. Fourth, it is argued that a sociologically correct formulation of the IS question should focus not on natural or artificial agents of sociality, but on forms of sociality as ways of implementing social order. Today's social reality, so the author of this paper, has not led so far to destruction of old and emergence of fundamentally new forms of social interactions, which, in the situation of insufficient theoretical comprehension, renders IS issue a journalistically superficiality.

Keywords: artificial sociality, artificial intelligence, social forms, "conductors" ("mediums") according to P. Sorokin, extra-subjective approach, raciomorphic structures, "gnoseological ontologism", A.S. Khomyakov, "living knowledge".

REFERENCES

- Antonovskiy A.Y., Barash R.E. (2021) The "System of Sociology" by Pitirim Sorokin and the Systemic Communicative Approach. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 6: 528–548. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950. (In Russ.)
- Antonovskiy A.Yu., Barash R.E. (2019) Social Network Movements as a Metaphor of the Artificial Intellect. *Vestnik TomGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 50: 5–20. DOI: 10.17223/1998863X/50/1. (In Russ.)
- Berdyayev N.A. (1997) Alexey Stepanovich Khomyakov. In: *Collected Works*. Vol. V. Paris: YMCA-Press. (In Russ.)
- Frank S.L. (1996) *Russian Worldview*. St. Petersburg: Nauka.
- Gardner H. (1993) *Multiple Intelligences: The Theory in Practice*. New York: Basic Books.
- Glukhikh V.A., Eliseev S.M. and Kirsanova N.P. (2022) Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology. *DISKURS [DISCOURSE]*. Vol. 8. No. 1: 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93. (In Russ.)
- Golubinskaya A.V. (2017) Scientific and Indigenous Epistemology of the 21st Century. *Vestnik VGU. Ser.: Filosofiya* [Vestnik VSU. Series: Philosophy]. No. 4: 114–118. (In Russ.)
- Ivanov D. (2023) Critical Theory of Digitalization: Algorithmic Rationality Domination and Authenticity Revolt. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 3: 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1; EDN: YLSMCN. (In Russ.)
- Kasavina N. (2020) "Digital Existence": A Digital Turn in the Understanding of Human Being. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*. Vol. 3. No. 4: 73–89. DOI: 10.5840/dspl20203441. (In Russ.)
- Khomyakov A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare publ. (In Russ.)
- Latur B. (2007) On Interobjectivity. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review]. Vol. 6. No. 2: 79–96. (In Russ.)
- Lorents K. (1998) *The Reverse Side of the Mirror. Experience of the Natural History of Human Cognition*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Luman N. (2004) *Society as a Social System*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Men'shikov V. Sociologists About Changing Sociality. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis* [Social Sciences Bulletin]. Iss. 2: 22–39. DOI: 10.9770/szv.2020.2(2). (In Russ.)
- Poya D. (1975) *Mathematics and Plausible Reasoning*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. (2020) Sociology in the Age of 'Artificial Sociality': Search of New Bases. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0. (In Russ.)
- Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2019) Artificial Intelligence, On-line Culture, Artificial Sociality: Definition of the Terms. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 35–47. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.03. (In Russ.)
- Shavlokhova A.A., Butina A.V. (2023) Human-Machine Interrelation as a New Reality of Artificial Sociality. *Informatsionnoye obshchestvo* [Information society]. No. 3: 47–54. DOI: 10.52605/16059921_2023_03_47. (In Russ.)
- Shibarshina S.V. (2019) Social Networks for Researchers on the Internet: A New Sociality? *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 56. No. 4: 21–28. DOI: 10.5840/eps201956463. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory*. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2006) Semiotic concept of sociality: problem statement. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 3/4: 45–25. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2019) Sociological Realism in the Early Works of Pitirim Sorokin. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 25. No. 3: 142–156. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6681. (In Russ.)
- Sorokin P.A. *Sistema sociologii* [The System of Sociology]. Vol. 1. Petrograd: Izdatel'skoe t-vo "KOLOS", 1920. (In Russ.)
- Tavokin E.P. (2019) Artificiality of the "Artificial Sociality". *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005487-8. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2021) Dehumanization Trends in the Digital Society: To the Justification of a Humanistic Approach to the Technological Development. *Vestnik MosGOU. Ser.: Filosofskiy nauki* [Bulletin of the MRSU. Series: Philosophy]. No. 4: 60–70. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-60-70. (In Russ.)
- Zen'kovskiy V.V. (2001) *The History of Russian Philosophy*. Moscow: Akadem. Proyeckt, Raritet. (In Russ.)

Дж. ГО

МЫСЛИТЬ ПРОТИВ ИМПЕРИИ: АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ГО Джулиан – профессор социологии Чикагского университета, США (jgo34@uchicago.edu).

Аннотация. Социология родилась на рубеже XIX–XX вв. в мире колониальных империй как часть и опора их политики и культуры. Настоящая статья является попыткой привлечь внимание к антиколониальной социальной мысли, выросшей рядом с социологией метрополий, но маргинализованной ею. Возникнув из идеологии антиколониальных движений, антиколониальная социальная мысль XIX–XX вв. была плодом усилий разных мыслителей (А. Мабини, У. Дюбуа, Ф. Фанон, А. Кабрал и др.). Их подходы предлагают оригинальное видение общества, социальных отношений, социальной структуры, дают аналитически полезные подходы, в частности, к социальной личности, социальной солидарности и роли глобальных отношений. Антиколониальная мысль – это альтернативный корпус социологической мысли, к которому нужно обращаться на пути к её деколонизации.

Ключевые слова: антиколониальная мысль • империя • империализм • постколониальная теория • социальная теория

DOI: 10.31857/S0132162524010028

Вступление. В самом конце XIX в., в 1899 г., некий Аполинарио Мабини¹ писал об обществе: «Общество – ассоциация людей, объединенных для взаимопомощи, чтобы каждый мог пользоваться максимумом возможного благосостояния, что недостижимо усилиями одного человека без помощи других... Человек в одиночку не живет, не строит дом, не шьет одежду и не добывает пищу, другие нужные вещи» [Mabini, 1931: II, 22, 68].

Это определение кажется достаточно банальным, однако в нем примечательны два аспекта. Во-первых, А. Мабини пробует теоретизировать «общество» в то время, когда в Европе и США многие делали то же, – примерно в 1899 г., шестью годами после создания кафедры социологии Чикагского университета и присуждения Корнеллским университетом первой в США степени доктора социологии. Примерно тогда же начали выходить «Американский социологический журнал» и «Социологический ежегодник» Э. Дюркгейма – год после выхода первого учебника социологии Ф. Гиддингса «Элементы социологии» [Giddings, 1898]. <...>

Во-вторых, А. Мабини, однако, никак не связан с упомянутыми событиями в США и Европе; он писал на Филиппинах. <...> Мабини входил в революционное правительство <...>, объявившее Филиппины независимой республикой. Это правительство возглавило

Источник: Go J. Thinking against empire: Anticolonial thought as social theory // British Journal of Sociology. 2023. Vol. 74, No. 3: 279–293. Публикуется с небольшими сокращениями. Ключевые слова добавлены переводчиком. Автор статьи, американец филиппинского происхождения, специализируется по проблемам (пост)колониальной социологии. См. статьи: Го Дж. Бурдьё, Алжир и постколониальная социология // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 86–98; Го Дж. Три неувязки в теории расового капитализма // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 14–23.

¹ Аполинарио Мабини (1864–1903) – филиппинский революционер и политический деятель, один из руководителей Филиппинской революции (1896–1898), завершившейся освобождением от Испании и провозглашением Филиппинской республики. Став ее премьер-министром и министром иностранных дел, А. Мабини выступал против захвата Филиппин армией США, был арестован и выслан из страны (Прим. ред.).

выступления сначала против колониального господства Испании, а в 1899 г. против войск США, пытавшихся установить американский суверенитет над архипелагом. Мабини называли «мозгом» Филиппинской революции. <...> Короче, он был антиколониальным активистом и мыслителем, стремившимся создать новую страну, задуманную Соединенными Штатами – одной из стран, где тогда складывалась научная дисциплина социология.

<...> Социологи Чикагской школы создавали программу социологии в дни высадки их соотечественников на Филиппинах, Дюркгейм и другие социологи Европы создавали новые важные журналы, а филиппинский революционер Мабини думал об обществе, о его теории. Он теоретизировал общество не ради публикации в журнале британских или американских социологов. Он думал и писал об обществе, чтобы теоретически понять, почему общество восстает против колониального господства; он хотел знать об обществе то, что поможет создать хороший постколониальный строй.

Мысли о Мабини стали, можно сказать, программой моей статьи. Эта статья не о нем конкретно, а об антиколониальной мысли и социальной теории, точнее – об антиколониальной мысли как мысли социальной. Считая А. Мабини частью более общего течения социальной мысли XIX–XX вв. в мире колоний и за его пределами, я в этом течении вижу богатый свод работ и идей об обществе, который надо возродить и ценить сегодня, хотя доминирующая социология метрополий в целом отвергает этот корпус мысли: мол, это – не «настоящая» социология.

Для понимания моего экскурса нужно, прежде всего, немного истории социологии. После исторического экскурса я представляю корпус текстов и идей, который называю «антиколониальным», поясняю некоторые его параметры и ключевые мысли ученых, а затем обращаюсь к конкретным идеям об обществе и смежным темам, предложенным этим корпусом. В заключение поясню ряд отличий моего подхода от схожих попыток глобализовать социальную теорию и социологию. Полагаю, что проект возрождения антиколониальной мысли может стать частью – особой частью – других современных проектов.

От социологии в империях к антиколониальной мысли. При изучении истории социологии нас учат, что социология создана в Великобритании, других странах Европы и США как ответ на индустриализацию и ее проблемы. Но для понимания моей позиции нужна иная история – история, ставящая социологию в контекст не столько индустриализации, сколько империализма [Connell, 1997].

Социальная наука сегодня живет в рамке имперской мысли. <...> В других научных трудах я показал, что социология, как мы ее знаем сегодня, и всё социальное знание рождены в империи и для империи [Go, 2013c; 2016b: 1–14; 66–101; 2020]. Уже само понимание «социального» как пространства между природой и духовной сферой, возникшее в европейской мысли XIX в., рождено и принято мужскими элитами Европы в попытке понять, как реагировать на социальные выступления, сопротивление и восстания рабочих, женщин, народов колоний [Borch, 2012]. Например, в США одна из первых книг со словом «социология» на обложке, изданная Дж. Фицхью в 1854 г. под заголовком «Социология для Юга, или Провал свободного общества», прямо использует социальные идеи для оправдания рабства на Юге Соединенных Штатов [Fitzhugh, 1854; Morris, 2022: 6–9].

Институционализация социальных дисциплин на рубеже XIX–XX вв. еще больше привязала социальную мысль к империи. Это было время роста и укрепления империй. Как показала Р. Коннелл [Connell, 1997], ранняя социология отражала интересы империй новой формации, мировоззрения белых мужских элит растущих центров имперских метрополий. Значит, и вопросы, ставившиеся социологией начала XX в., отражали интересы и категории этих элит и имперской власти в широком смысле. Так, теория ассимиляции начала XX в. отразила озабоченность белых элит вторжением небелых «орд» [Jung, 2009]. <...> Боязнь социальных беспорядков; близость социологии к социальному дарвинизму; внимание к так называемой негритянской проблеме США; оптика ориентализма и эссенциализма в обсуждении М. Вебером и Э. Дюркгеймом иных культур – во всех этих вопросах и не только в них социология

отражала интерес имперских центров и укоренившееся мировоззрение метрополий, то есть то, что я назвал «имперской точкой зрения» [Go, 2016b: 75].

Сегодня социология другая. Но многие её аспекты все еще несут печать истории империй. <...> Это видно, например, в нашей эпистемологии и методах, часто универсализирующих опыт Европы как некий «образцовый кейс» [Krause, 2021]. Эта долгая история рассмотрена в [Go, 2016b: 75–101]. Скажу лишь, что структуру имперской эпистемы хранят все разделы социологической мысли метрополий; эту структуру следует считать наследием имперского прошлого социологии.

Но нужен и набросок иных историй социальной мысли. Один из них – история антиколониальной мысли, история, начавшаяся не с империй, а с сопротивления им. Рост империй Британии, других стран Европы и США натолкнулся на сопротивление, отпор, противодействие. В тогдашнем мире на консолидацию империй и институционализацию имперской социологии народы колоний везде ответили сопротивлением разных видов – движениями за реформы и за независимость [Go, Watson, 2019]. <...> Эти движения сыграли ключевую роль в крахе колониальных империй во второй половине XX в. Не менее важно то, что они породили настоящий взрыв новых идей. <...> Хотя антиколониализм был движением политическим и экономическим, он затронул и социальную мысль: идеи, концепты, теории общества, социального, социальных отношений. Если в метрополиях устои социологии и социальной теории отражали имперские эпистемы, то антиколониальная мысль предложила взгляды на скрытые основания империй.

Антиколониальных мыслителей много <...>. Эта пестрая эклектичная группа породила очень разные идеи. Но, несмотря на различия, у мыслителей антиколониализма есть общие базовые характеристики. Большинство этих мыслителей родились и жили в колониях <...>. Наиболее известные из них – Аполинарио Мабини и Хосе Рисаль на Филиппинах, Эугенио Мария де Остос в Пуэрто-Рико, Франц Фанон и Эме Сезер на Мартинике. К ним бы я добавил президента Ганы Кваме Нкруму, руководителя антиколониальной борьбы в Португальской Гвинее Амилкара Кабрала², вьетнамского антиколониального активиста Нгуен Ань Ниня, мартиникскую сюрреалистку С. Сезер³. Это лишь некоторые из них.

Многие учились в столицах империй <...> [Goebel, 2015; Matera, 2015]. Например, Хо Ши Мин и Франц Фанон⁴ <...> учились в Париже, Хосе Марти и Хосе Рисаль – в Испании, К. Нкрума и С.Р.Л. Джеймс, многие другие лидеры антиколониализма жили в Лондоне. Часть антиколониальных мыслителей действовала во «внутренних колониях» метрополий. Афроамериканский социолог и политик У. Дюбуа, в основном работавший в США, – яркий тому пример; другой пример – Лаура Корнелиус Келлогг, активистка борьбы за права индейцев США, родившаяся в резервации племени онейда в Висконсине⁵.

² Амилкар Кабрал (1924–1973) – руководитель революционной борьбы 1960–1970-х гг. за освобождение Португальской Гвинеи (ныне – Кабо-Верде и Республика Гвинея-Бисау), один из ведущих антиколониальных лидеров Африки, ориентировавшихся на поддержку СССР. Убит в результате заговора (предположительно организованного португальскими спецслужбами) незадолго до завоевания независимости (Прим. ред.).

³ Сюзанна Сезер (1915–1966) – писательница и антиколониальная активистка, жила и работала на Мартинике. Известна как автор опубликованных в 1940-х гг. эссе, посвященных колониализму на Карибах. Жена леворадикального политика и писателя Эме Сезера, который добился для Мартиники статуса департамента Франции, был одним из основоположников негритуада (Прим. ред.).

⁴ Франц Фанон (1925–1961) – ведущий теоретик глобального антиколониального движения XX в., один из идейных вдохновителей движения новых левых. Марксистской концепции о единстве эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами, независимо от расы и этничности, противопоставлял точку зрения о солидарности народов колоний против колониальных стран. В 1950-х гг. был идеологом борьбы за освобождение Алжира от колониализма Франции (Прим. ред.).

⁵ Лаура Корнелиус Келлогг (1880–1947) – активистка движения индейцев США за свои права в 1920–1930-х гг. Её попытки объединить протестные движения индейцев-ирокезов и судебным путем добиться возвращения их земель и восстановить их права на самоуправление потерпели провал, но

Антиколониальная мысль возникла в разных социальных и профессиональных группах. Некоторые антиколониальные мыслители были настоящими учеными, преподавали в школах и университетах: не только У. Дюбуа, но и индийский социолог Радхакамаль Мукерджи⁶, алжирский социолог Абдельмалек Сайяд (соратник П. Бурдьё), ливанский теоретик Махди Амель. Многие были журналистами и писателями; некоторые – активистами, политическими лидерами: Кваме Нкрума в Гане, Педро Альбису Кампос в Пуэрто-Рико и многие другие. Важно, что антиколониальная социальная мысль обычно рождалась не как научный текст, а как текст журналистов, памфлет политиков, в речах, <...> песнях уличных активистов.

Отсюда – еще одна важная черта этой пестрой коллекции противников колониализма. Несмотря на отсутствие у многих формальной принадлежности к социальной науке, их идеи и знания о мире, не замечаемые совсем или игнорируемые социологией империй, тем не менее важны и значимы. Они порой выдвигали новаторские идеи общества, социального, социальных отношений, на которых можно учиться. К тому же это была социология, содержащая потенциально генерализируемые концепты и теории. Иначе говоря, антиколониальная социальная мысль предлагает не просто конкретные идеи, касающиеся только лишь народов колоний или расовых различий, а более широкие взгляды на общество.

Поэтому считать антиколониальную мысль социологией и социальной теорией – значит принимать приглашение к экспериментам. Изначально социологические мышление и практика были подчинены метроцентризму, разрабатывали понятия исходя из интересов и забот элит имперских метрополий, для них и в их интересах, применяя все это к остальному миру [Connell, 2007; Go, 2016b]. <...> А что если идти другим путем?

Концептуализируя социальное. <...> В произведениях антиколониальных мыслителей я вижу минимум три подхода к концептуализации общества и/или социальных отношений.

Вернусь к началу статьи. А. Мабини определял общество как «ассоциацию людей, объединившихся для взаимопомощи». Что это значит? Читая всю его статью, видишь, что Мабини мыслит общество как некую цепочку взаимобмен и обязательств, которые и создают социальные отношения: «Человек в одиночку не живет, не строит дом, не шьет одежду и не добывает пищу, другие нужные вещи. Ему приходится объединяться с другими людьми, занимающимися разными профессиями, чтобы путем обмена продуктами соответствующих отраслей каждый мог удовлетворить свои многочисленные потребности» [Mabini, 1931: II, 22–23]. Этот язык обмена, конечно, вторит теории обмена шотландских просветителей, не в последнюю очередь Адама Смита, а также версиям европейской теории социального договора. Мабини, профессиональный юрист, мог ознакомиться с этими теориями, изучая право в Маниле [Majul, 1996]. Но едва ли следует видеть в его концепции общества второсортную версию этого течения мысли. Если Мабини и усвоил ряд «обменных» идей шотландского Просвещения и теории общественного договора, он их творчески переформулировал под влиянием испанского католицизма и реалий сельского патрон-клиентелизма. <...>

Если шотландские просветители выражали индивидуализм и подчеркивали рыночный обмен, Мабини теоретизирует взаимные обязательства как естественное право, существующее до и выше индивидов. Точнее, он считает взаимные обязательства членов общества выражением естественного права разума [Mabini, 1931: II, 22]. Поэтому, по Мабини, общество несводимо к рынку, где эгоисты-индивиды меняют материальные продукты, он не считает общество победой над состоянием анархии (по Гоббсу). Общество скорее начинается серией взаимных обменов и обязательств, рассматриваемых как права, поддерживаемые

стали основой протестных судебных исков индейских племен США во второй половине XX в., частично успешных (Прим. ред.).

⁶ Радхакамаль Мукерджи (1889–1968) – мыслитель и социолог Индии XX в., профессор экономики и социологии Университета Лакхнау, участник движения за независимость Индии от британского колониализма (Прим. ред.).

разумом. У Мабини исполнение социальных обязательств есть исполнение естественного права, и эти исполнения образуют социальное (см. подробнее: [Go, 1999: 342–345]).

Творчески переформулировав европейские понятия обмена и социального договора в антиколониальной борьбе, Мабини полагал, что колонизаторы – сначала Испания, потом США – преступили естественное право, поскольку их действия лишены взаимности. Они присвоили что-то у филиппинского общества, не дав ничего взамен. Они нарушили требования разума. Поэтому их свержение легитимно, как и замена новой властью, которая восстановит нормальную работу общества, лучше обеспечит мирный процесс взаимообмена обязательствами [Mabini, 1931: II, 24]. Тем самым социальная теория Мабини выступает как оправдание революции против империй.

<...> Антиколониальная мысль <...> разнородна – при ряде сходств. Разнородность частью коренится в различии социальных контекстов, форм колониализма и отсюда – различий в антиколониальной борьбе. Например, Мабини теоретизировал общество в контексте испанского колониального меркантилизма, привязавшего аграрное общество Филиппин к экстрактивной форме колониального господства⁷. Другие народы колоний имели дело с иными системами власти и колониальной логикой, решали иные проблемы доминирования, каждая из них требовала своих подходов, проблем, вопросов. Туземные народы под давлением поселенческого колониализма не имели дела с меркантилистским извлечением прибыли, их просто лишали собственности, сгоняли с земель [Coulthard, 2014; Wolfe, 2016]. В результате в антиколониальной мысли есть второй подход к концептуализации общества: общество – не ряд взаимообменов и обязательств людей, а скорее ряд скрытых отношений между людьми, природой и духовным миром.

Возьмем в качестве примера работы Лауры Корнелиус Келлогг. Одна из создателей Общества американских индейцев (1911–1923), которое было первой общенациональной организацией по защите прав американских индейцев, управляемой самими индейцами, она была мотивирована борьбой за возврат земель и за автономию коренных американцев. В пылу этой борьбы она формулирует взгляды на социальные отношения как на неразрывную связь с природой и с духами.

У Келлогг общество индейцев до прихода колонизаторов серьезно отличалось от «естественного состояния» Гоббса. В этом обществе краснокожий «брат богов» живет с «прекрасным течением вод» и «великими лесами». <...> Келлогг пишет, что племена индейцев-ирокезов объединялись в XVI–XVIII вв. в Лигу пяти племен, связанных воедино не общими экономическими или политическими интересами, а кличем орла: «Каждый народ свободен сам по себе как свободен человек». Но «когда орел в вышине над долинами и домом народов бросит клич, тогда они – одна душа, одно сердце, один человек» [Kellogg, 2015 (1920): 73]. По мысли Л. Келлогг, единство общества достигается призывами, материальным явлением духов в сфере природы; она не отделяет человека, духов и землю друг от друга.

<...> Келлогг писала во времена господства Чикагской школы, представлявшей общество как ряд ассоциаций людей на основе сходства их интересов [Small, 1900; 1904]; отношения людей с землей и богами при этом «вынесены за скобки». В противовес Келлогг и другие «туземные» мыслители в антиколониальной борьбе против изъятия земель выдвигали понятие общества как сложной ткани взаимозависимости духов, людей и природы, важнейшая часть которой – земля. Речь шла о плотной взаимозависимости элементов, признать которую от нас сегодня требует экологическая социология [Connell, 2007: 200]. Как видим, задолго до попыток Б. Латура [Latour, 2005] заставить нас теоретизировать социальное как «сборку» людей, природы и материальных объектов, Келлогг и «туземные» антиколониалисты формулировали схожие подходы.

⁷ Форма колониализма, когда из колонии выкачивают ресурсы, частично сохраняя местные самоуправление и землепользование (Прим. ред.).

Келлогг не одинока в этом видении общества. Еще одна версия этой идеи есть в работах индийского антиколониального социолога Радхакамаля Мукерджи. В трудах 1920-х гг. он близок к тому, что можно считать некоей «экологической» теорией социального. В отличие от ранней Чикагской школы и антропологических экологий того времени Мукерджи предложил более критичную точку зрения. В одной из первых работ он писал: «Человек и регион [природа] нераздельны, это взаимозависимые сущности». <...> Он прямо противопоставил свою концепцию «человеческому экологичному» подходу, который, по его словам, «почти целиком занят биотическими факторами, воздействием человека на человека, нередко забывая деревья и животных, земли и воды...» Он настаивал: нужна социология, изучающая не только «сокровенные экологические взаимоотношения человека, но... также... его тесный союз с целым рядом экологических сил, его участие в консервации земель, управлении лесами и реками, в приручении и использовании домашнего скота, контроле насекомых, бактерий, паразитов» [Mukerjee, 1930: 286].

Этот способ осмысливать социальные отношения <...> питал его страстную критику колониализма в Индии и во всем мире. Опередив на полвека латиноамериканские теории зависимости⁸, Мукерджи критиковал капитализм за принудительное «втискивание» слабых обществ в глобальное разделение труда стран-эксплуататоров, вынудивших страны-колонии существовать в системе экспортных монокультур. Эта система кабалы «бесчеловечней прежней системы домашнего рабства». Она опустошительна для экологии. «Труд, – говорил он, – деморализован стадным скоплением на плантациях людей, нанятых в деревнях... Не просто игнорируются привычные агрикультуры и животноводство, растет истощение почв из-за культивирования монокультур» [Mukerjee, 1926: 203]. Он назвал это «медленной инъекцией яда в их (колониальных обществ) систему бессовестными деятелями цивилизованных стран» [Mukerjee, 1926: 240]. Так новая концепция социального шла рука об руку с критикой колониализма.

Третий набор идей о социальном, рожденный антиколониальной мыслью, – видение современного общества как системы господства с расколом по расовой линии. В этой концептуализации расовое деление и господство – ключевые формы структур и логики социального. Франц Фанон рисует общество Алжира под властью Франции фундаментально расколотым по расовым линиям, состоящим из <...> расово привилегированных и расово униженных. Во времена, когда неоджоркгеймианские теории общества Т. Парсонса акцентируют социальное сплочение и интеграцию, Фанон видит общество разделенным на миры колонизаторов и колонизованных, поселенцев и «туземцев». Он писал, что колонизованный мир, «манихейский мир» отдельных пространств, – это мир, разделенный на отсеки. «Линия раздела, граница представлена казармами и полицейскими участками. “Туземный” сектор не дополняет сектор европейский... Строго по логике Аристотеля он следует законам взаимоисключения. Примирение невозможно» [Fanon, 1968 (1961): 3–4].

Во всех своих трудах Ф. Фанон <...> исследовал, как расовый раздел общества отражает экономические противоречия, созданные властями колоний, как он структурирует социальное пространство, какой мощный психологический эффект оказывает на колонизаторов и колонизируемых. Этот взгляд на колониализм и его последствия если и не влиял на ранние труды П. Бурдьё по социологии колониального Алжира, то определенно был предисловием к ним [Go, 2013a].

Амилькар Кабрал, революционер из Гвинеи-Биссау и Кабо-Верде, высказал схожие мысли в своих работах о том, что называл «социальной ситуацией» в африканских владениях Португалии. Он описал «социальную ситуацию» как «полную расовую сегрегацию за исключением контакта на работе, – в интересах колонизаторов. За

⁸ Сложившаяся в 1950-е гг. в работах латиноамериканских экономистов и социологов (Р. Пребиш, Ф. Кардозу, С. Фуртадо и др.) теория, согласно которой отсталость и политическая нестабильность развивающихся стран – в значительной степени результат их (полу)колониальной интеграции в мировое хозяйство на условиях, выгодных высокоразвитым западным странам (Прим. ред.).

малыми исключениями – в ЮАР – социального контакта семей африканцев и европейцев нет» [Cabral, 1979: 22]. Заведения типа кафе и баров, которые социология метрополий изображает местами социальной интеграции и отдыха, – привилегия исключительно европейцев. «Любой африканец, осмелившись посетить одно из этих мест, должен быть готов столкнуться с унижением» [Cabral, 1979: 23]. Вообразим Кабрала читающим Т. Парсонса, Э. Дюркгейма о социальных институтах как пространствах, функционирующих ради социального сплочения. Он возразил бы: «Да, они функциональны, но для кого?» Вообразим Кабрала читающим М. Фуко и задающим вопрос: «Да, власть дисциплинирует. Всех ли одинаково?» <...>

Находки антиколониальных мыслителей могут казаться применимыми лишь к колониальным и постколониальным обществам, казаться слишком частными, чтобы быть релевантными всей социологии. Эта видимость – одна из тех причин, почему социология метрополий игнорирует антиколониальную мысль на том основании, что она лишена обобщающего характера. Но применимы ли эти идеи только лишь к колониальным и постколониальным обществам? Так думать неверно.

Во-первых, как уже сказано, эти якобы локальные находки – сами по себе важные новации. Социология метрополий игнорировала специфику колониальных и постколониальных обществ. В социологии метрополий общества – это модерн или до-модерн, развитые или примитивные, капиталистические или докапиталистические общества. В ней нет колониальных обществ как особой формы общества или общества в их собственной логике. Доминируя, социология метрополий не предлагала никакой теории колониальных или постколониальных обществ, хотя подавляющее большинство стран мира были колониями. В лучшем случае она считала эти общества местами скопления темных масс, ждущих от белых спасения, или преходящими эпизодами эволюционных схем модернизации. Налицо достойная сожаления тенденция изучать колониальные и постколониальные общества через призму лишь теорий и концептов, основанных на опыте метрополий, – теория модернизации, веберовские патримониализм и бюрократия, построенные по модели индустриальной Великобритании марксистские теории⁹. Антиколониальные мыслители, такие как Ф. Фанон и А. Кабрал, внесли важную коррективу.

Во-вторых, даже кажущийся специфичным анализ антиколониальными мыслителями расово разделенных обществ тем не менее релевантен анализу и обществ метрополий. Возьмем социолога У. Дюбуа, борца за права афроамериканцев США. Подобно взглядам Фанона, его теория видит американское общество расово разломленным. <...> Ученые считают это творческим вкладом Дюбуа в понимание всех видов обществ современности [England, Warner, 2013]. <...> Такое понимание современного общества как расово расколотого – отнюдь не узкий концепт, особенно с учетом современного мира, сформированного в своих основах колониализмом и расовым разделением.

С учетом роста расовой дифференциации многих метрополий мира антиколониальные концепции социального как расово расколотого будут актуальны и для обществ метрополий, и для колонизованных обществ. <...> Например, городская этнография, чувствительная к расовым неравенствам, игнорируемым современными социологиями метрополий, может быть полезной в анализе пространств современных городов и социальных отношений в них повсюду [Go, 2020: 95–96].

Социальная self¹⁰, солидарность и глобальное. Антиколониальная мысль предлагает – кроме общих концепций социального – также набор других концептов и теорий, перспективных видов описательной социологии. <...> Сосредоточусь только на трех проблемных темах.

⁹ Автор статьи не упомянул традицию марксистского обществоведения СССР, в рамках которого с 1920-х гг. происходило обсуждение (например, в рамках дискуссий об «азиатском способе производства») качественных различий западных и «восточных» обществ (Прим. ред.).

¹⁰ Понятие, в русскоязычной литературе обозначаемое как «самость», – личностное самосознание, социально-психологическая целостность индивида (Прим. ред.).

Первая тема связана с *социальной самостью (self)* и *социальной идентичностью*. Если Дж.Г. Мид и Ч. Кули в начале XX в. теоретизировали *self* (самость) как самодостаточную индивидуальность, а К. Маркс и Э. Дюркгейм предлагали понимать ее через концепты отчуждения и аномии, то антиколониальные теоретики формулируют подходы, вытекавшие из иной концептуализации общества. Пример – ранние труды Уильяма Дюбуа. Его теория строится вокруг того, что не предлагали теоретики метрополий и европейские философы: *self* как продукт маргинализации и расизма. Известной мыслью о «двойном» сознании Дюбуа заставляет нас видеть в расовой *self* отражение социального тела. <...> «Странная вещь – раздвоенное сознание, – писал У. Дюбуа. – Чувствуешь, что ты всегда смотришь на себя глазами других, измеряешь свою душу рулеткой мира, глядящего на тебя с презрением и жалостью. Ты всегда чувствуешь двойственность – американец и негр: две души, два сознания, два непримиримых устремления, два конфликтных идеала в едином теле черного, чья упорная сила только и удерживает его от разрыва на части...» [DuBois, 1897: 194].

Здесь есть некое сходство с марксистскими теориями отчуждения, хотя и не сводимое к ним. Расколота *self* Дюбуа – продукт не отчужденного труда, а социальной дискриминации и природы раздвоенного общества. <...> Дюбуа передал чувство двойного сознания, опираясь на личный опыт: «...Благодаря долгому обучению, непрестанному принуждению, ежедневному опыту я был цветным человеком в Белом мире; этот Белый мир... следил неуклонно и бдительно за тем, чтобы я держался в рамках. Все это делало меня физически ограниченным и провинциальным в мыслях и мечтах. Я не мог пошевелиться, не мог действовать, жить без тщательного учета реакции моего белого окружения» [1903: 135–136]. <...>

Такие теории самости (*self*) отражают особый опыт колонизованных, маргинальных расовых субъектов. Социологам метрополий об этом опыте нечего сказать. Эти теории также отразили то, как конкретные социальные структуры расово разделенных обществ производят не только свои формы субъективности, но и связанные с ними экзистенциальные дилеммы социального самосознания. Сюзанна Сезер, мартиникская антиколониальная сюрреалистка, сторонница негритуда, высказывала сходные идеи в эссе «Болезнь цивилизации» (1942). <...> Она переформулировала психоаналитические категории Фрейда, понимая колониальную субъектность как трагическое условие стремления подражать европейской цивилизации и «превращаться» в белых. «Самое серьезное, – пишет она, – это то, что стремление к имитации, совсем недавно лишь слегка осознаваемое, поскольку оно было механизмом защиты от угнетающего общества, сейчас сместилось в сферу пугающих тайных сил бессознательного» [Césaire, 2012: 32]. Эта дилемма, считает она, есть продукт истории карибских обществ – сегрегации, не допускавшей ассимиляции черных в белое общество (даже запретившей черным одеваться как белые). Созданная таким способом социальная структура предложила черным своеобразную дилемму: «...фундаментальной целью цветных стала ассимиляция. И с сокрушающей силой в их сознании происходит катастрофическая путаница: освобождение означает ассимиляцию» [Césaire, 2012: 31].

Вторая тема – *социальная солидарность*. У социологов метрополий эта тема ключевая. Дюркгейм и его современники (например, Л. Буржуа, теоретик солидаризма) считали солидарность спасением от социальной дезинтеграции. Дюркгейм [Durkheim, 1984] назвал органическую солидарность продуктом нормально функционирующей социальной системы с высоким разделением труда. У К. Маркса солидарность по своей сути была солидарностью классовой, основанной на месте человека в разделении труда [Marx, Engels, 1978: 79–81]. Идеи Маркса и Дюркгейма схожи, несмотря на внешнюю разницу, так как коренятся в современном разделении труда. Иное дело антиколониальные теории солидарности.

Начнем с трудов гаянского мыслителя и политика Антенора Фирмина (1850–1911). Наиболее известна его книга «О равенстве человеческих рас» (1885), где он, в пике «Очерку неравенства человеческих рас» А. Гобино, критиковал научный расизм [Firmin, 2000]. В то же время, как показал Д. Холли [Holley, 2021], А. Фирмин критиковал и европейский дискурс солидарности. Статью «Европейская солидарность» он начинал

с солидарности как формы патриотизма: «По мере прогресса цивилизации у людей создается и постепенно крепнет чувство солидарности. <...> Это чувство есть лишь тогда, когда достигнуто моральное единство. <...> Высокое чувство связи, его можно называть патриотизмом, объединяет всех невидимой связью и обеспечивает работу социального тела» [Firmin, 2000: 379]. Здесь А. Фирмин близок Дюркгейму и Спенсеру <...>, но затем его статья делает поворот: <...> он полагает, что всё зависит от расы. Прикрываясь идеологией расизма, «европейские нации естественно стремятся объединиться ради господства над всем миром, над другими расами... Не лежит ли вопрос расы в основе этих выбросов солидарности?» [ibid.: 384–387]. То есть он аналитически превращает солидарность из желаемого состояния социальной связи, способной решать проблемы современности, в орудие угнетения, коренящееся в расовом господстве.

Вслед за А. Фирмином ряд антиколониальных мыслителей переделали концепцию солидарности, акцентировав иное – связи, выкованные антиколониальной борьбой. Через несколько лет после выхода книги Фирмина филиппинцы-интеллигенты в Мадриде, известные как *ilustrados* («просвещенные»), создали национальную организацию и газету, названную *La Solidaridad*. Вскоре А. Мабини заговорит о солидарности и единстве в борьбе с испанским империализмом: «Пока есть национальные границы, созданные и охраняемые эгоизмом рас и династий..., вы должны объединяться прочной солидарностью целей и интересов, быть сильными, не только бороться с общим врагом, но и реализовать все цели жизни человека» [Mabini, 1931: I, 107]. Позже Ф. Фанон использовал концепт антиколониальной солидарности, добавив к нему критику марксистских подходов. В малоизвестной статье «Алжирский конфликт и африканский антиколониализм» (1957) он заявил: «Необходимый ответ на умную тактику колониализма – стратегическая солидарность оккупированных французскими войсками территорий. Сегодня мы можем оценить иллюзорность знаменитой доктрины органической солидарности пролетариата колониальных стран с народами колоний. Реально теория антиколониализма формируется [только] сегодня, а все эти ранее выдвинутые тезисы оказались полностью ложными. В своей борьбе народы колоний в сущности должны рассчитывать [только] на своих колониальных братьев» [Fanon, 2019: 565].

Ф. Фанон критикует посыл марксистов о классовой основе солидарности. Как утверждали Фанон и его современник Э. Сезер [Césaire, 2010 (1956)], такие послы не учитывают деления на расы. Фанон тоже добавил глобальное измерение к концепту солидарности, подчеркнув единство всех народов колоний. Если Фирмин ранее критиковал концепт солидарности за его функцию объединения белых европейцев и если Мабини позднее использовал этот концепт, говоря о верности нации в разгар антиколониальной революции, Фанон применяет его к глобальному движению транснационального альянса колонизированных. Это тоже новая формулировка концепта солидарности, разрыв с версиями Дюркгейма и Маркса. В антиколониальном репертуаре солидарность – не естественный продукт разделения труда, а скорее сила в борьбе *против Другого* и продукт ее. Оппозиция и борьба, не разделение труда, вырабатывают единую идентичность и чувства связи.

Аналогично подходил к солидарности А. Кабрал. Кроме планов в политике, Кабрал теоретизировал солидарность (иногда он говорил о «единстве») как чувство народов колоний, созданное борьбой против колониального господства <...> [Cabral, 1979: 33].

Третья тема – *глобальная иерархия и взаимозависимость обществ*. С одной стороны, социология основана на эндогенном нарративе развития Западной Европы, укорененном в социальных теориях классиков и их методологическом национализме. Эти теории игнорируют (как и наш базовый нарратив) тот факт, что глобальные отношения в форме империй и колоний являются определяющими для современных обществ и глобального модерна [Go, 2016b: 83–91]. И. Валлерстайн [Wallerstein, 1974] выразил эту мысль в теории глобального общества как единой иерархической мир-системы. По аналогии, постколониальные социологи настаивают на рассмотрении обществ в виде сети тесно взаимосвязанных национальных историй [Bhambra, 2007].

Но антиколониальные мыслители давно поднялись выше теорий эндогенного развития и методологического национализма [Magubane, 2016]. Изучая империи и колониализм, они смогли усмотреть в империи и колониализме не только определяющие силы, но и глобальные связи, глобальные отношения господства, игнорируемые социологией метрополий. Антиколониальными мыслителями давно предложены *глобальные* нарративы модерна. От работ С.Р.Л. Джеймса [James, 1989 (1963)] о Французской и Гаитянской революциях XVIII века до работ сюрреалистки С. Сезер [Césaire, 2012] о влияниях глобального рабства и до теории колониализма и неразвитости Махди Амеля [Amel, 2021] – эти и многие другие работы как раз и предлагают версии глобальной исторической социологии, к чему призывают некоторые социологи последних лет. <...> Не случайно И. Валлерстайн в мемуарах [Wallerstein, 2002: 359] пишет, что его теория мир-системы частично вдохновлена Фаноном.

В заключение – несколько пояснений. Во-первых, из сказанного следует, что мой проект задуман в продолжение недавних попыток переосмыслить социологический канон и европоцентристские основы социологии [Alatas, Sinha, 2017; Connell, 2007; Morris, 2022]. Надеюсь, к антиколониальной мысли отнесутся серьезнее, ведь она предлагает альтернативную критическую социологию. Но, в отличие от некоторых недавних попыток переделать канон, моя цель – продвинуть антиколониальную мысль, а не заменить прежний канон мыслителей (Маркс, Вебер, Дюркгейм и т.д.) некими иными гениальными мыслителями. Скорее, если мы вообще хотим переделать канон, надо отказаться от модели «горы Рашмор»¹¹, возвышающей отдельные личности, а напротив, обратиться к более широкому набору идей, традиций, организованных вокруг определенных тем [Bobo, 2015]. В моей статье обсуждены разные мыслители, но я не пытаюсь глубоко разбирать идеи кого-то одного. Это – попытка обнаружить определенную традицию социальной мысли.

Во-вторых, в изучении традиции антиколониальной мысли моя цель – не обнаружить набор социологических идей или дискурсов вне доминирующей европоцентристской рамки, восходящей к европейскому Просвещению. Антиколониальная мысль <...> существует в контексте критической схватки с англо-европейскими империями, с их точкой зрения и дискурсами. Фанон, к примеру, не отвергал Маркса, Фрейда, Сартра. Он критиковал их, заимствовал у них, творчески усваивал. То же относится почти ко всем другим антиколониальным мыслителям, которых мы встретили. Можно сказать, что критическое усвоение, не игнорирование или слепое неприятие, – одна из главных творческих характеристик антиколониальной мысли.

«Раскопки» антиколониальной мысли ради альтернативной социологии не означают необходимости <...> утверждать, будто теория, концепт или социологическая идея обязательно истинны уже потому, что созданы антиколониальным мыслителем, как и не должны полагать, что конвенциональная социология, созданная в метрополиях империй, обязательно предлагает неправду. <...> Мы можем признать всякое знание частичным, но потенциально истинным, коренящимся в самостоятельных точках зрения, и тем не менее возможно объективным [Go, 2016a; Go, 2016b: 162–173]. Эпистемная цель моего проекта <...> – не заменить одну точку зрения другой, а умножать их.

Наконец, проект восстановления антиколониальной мысли частично вдохновлен схожими проектами социологического знания (отличаясь от них), пытающимися преодолеть «североцентризм» и «европоцентризм» социальной мысли и социальной теории. Эти проекты, иногда именуемые «незападной социологией», «альтернативным дискурсом», «деколониальными» или «глобальными социальными теориями», важны [Alatas, 2006; Bhabra, 2014; Connell, 2007; Mignolo, 2011; Sousa Santos, 2014]. Они помогли революционализировать социальное мышление. Но их проблема <...> – в онтологичной посылке, будто мир делится на особые эссенциализированные географические пространства (Север, Юг, «Запад», «не-Запад»); и эти пространства прямо наложены на культуры и формы знания. Некоторые попытки создать проект «Южной теории», например, используют

¹¹ В этой горе в Южной Дакоте вырублены портреты четырех самых знаменитых президентов США.

этот сомнительный посыл как главный критерий. Имплицированный смысл его в том, что если мыслитель жил в стране глобального Юга, или происходит из него, или из любой «не-западной» страны, его знание обязательно оппозиционно к доминирующей «западной» социологии и поэтому должно считаться альтернативным знанием. В то же время <...> всякий мыслитель из «глобального Севера», живущий в «глобальном Севере», должен быть отвергнут.

Этот подход весьма проблематичен и своей онтологией мира, и посылкой, будто географическая локация непосредственно детерминирует знание. Интересно, что такой критерий делает У. Дюбуа негодным на роль альтернативного социологического канона, как и упомянутую Л. Келлогг, поскольку они провели большую часть жизни в США. Средневековый арабский мыслитель Ибн Хальдун (1332–1406) объявлен критиком, предложившим альтернативу европейской социологии, на том основании, что он представляет «ближневосточную» точку зрения, хотя точка зрения Хальдуна вовсе не критична. Ибн Хальдун был придворным ученым, его концепции *ассабии* и циклов формирования государства выражают точку зрения династической власти, стремящейся сохранить и продлить свое правление [Khalidun, 2015]. Его точка зрения – тоже державная и имперская, хотя «не-западная». Не утверждаю, что ранее названный критерий включения надо отвергать с порога. «Мукаддимы» Ибн Хальдуна – действительно сильный и важный текст, но его автор – не обязательно противник точки зрения власти европейских империй. Если это и критическая альтернатива, то лишь в минимальной мере. <...>

Не буду делить мир на географические регионы, где знание одной стороны выше другой. В отличие от геоэпистемного эссенциализма, мой интерес к антиколониальной мысли связан с онтологией глобальной иерархии, исторически созданной колониализмом и империями¹². Мой проект не считает, будто Ф. Фанон, А. Мабини или другие упомянутые выше авторы предлагают более богатые социальные идеи, могущие служить частью критической альтернативы в социологии, так как написаны там, что сегодня считается «глобальным Югом» или «не-западным миром». Вопрос – в потенциальной плодотворности предлагаемых ими альтернатив в социологии, укорененных в точках зрения акторов, маргинальных в глобальных иерархиях. Пространство антиколониального маркируется не эссенциальной позицией географии (расы), а *реляционной* позицией опыта, подчинения, отстранения и борьбы. Если социология империй вобрала в себя опыт, интересы и заботы элит метрополий англо-европейского центра, то антиколониальные социологии вобрали в себя точку зрения угнетенных народов, голоса и ум которых маргинализированы как якобы второстепенные, не предлагающие никакого ценного социального знания. Отсюда заключение: восстановить антиколониальную мысль – значит восстановить альтернативу имперской социологии и ее имперской точке зрения. <...>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Alatas S.F. (2006) *Alternative discourses in Asian social science: Responses to Eurocentrism*. Sage Publications.
Alatas S.F., Sinha V. (2017) *Sociological theory beyond the canon*. London: Palgrave Macmillan.
Amel M. (2021) *Arab Marxism and national liberation*. Brill.
An Ninh N. (2012) The ideal of Annamese youth. In: G.E. Dutton, J.S. Werner, J.K. Whitmore (eds). *Sources of Vietnamese tradition*. Columbia University Press: 382–389.
Barkawi T., Murray C., Zarakol A. (2021) *The united nations of IR: Power, knowledge and empire in global IR*. Paper presented at the Annual Meetings of the International Studies Association, April 6–9th.

¹² Разница такова: онтология геоэпистемных подходов видит мир состоящим из разных регионов и культур, они связаны с формами знания. Моя же онтология утверждает: (а) мир выстроен из глобальной социоэкономической и геополитической иерархии, создававшихся веками империй и колониализма, и (б) социальная наука, какой мы ее знаем, создавалась внутри и для самых «верхов» этой иерархии. Эта иерархия не точно совпадает с регионами, «культурами» и странами, пересекая их.

- Bhambra G. (2007) *Rethinking modernity: Postcolonialism and the sociological imagination*. Basingstoke: Palgrave-MacMillan.
- Bhambra G. (2014) *Connected sociologies*. Bloomsbury.
- Bobo L. (2015) Bringing Du Bois back in: American sociology and the Morris unenunciation. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*. Vol. 12. No. 2: 461–467.
- Borch C. (2012) *The politics of crowds: An alternative history of sociology*. Cambridge University Press.
- Cabral A. (1979) *Unity and struggle: Speeches and writings*. Monthly Review Press.
- Césaire A. (2010) Letter to Maurice Thorez. *Social Text*. Vol. 28. No. 2: 145–152 [1956].
- Césaire S. (2012) *The great camouflage: Writings of dissent (1941–1945)*. Wesleyan University Press.
- Connell R. (2007) *Southern theory*. Polity Press.
- Connell R.W. (1997) Why is classical theory classical? *American Journal of Sociology*. Vol. 102. No. 6: 1511–1557.
- Coulthard G.S. (2014) *Red skin, white masks*. University of Minnesota Press.
- DuBois W.E.B. (1897) Strivings of the Negro people. *The Atlantic Monthly*, 80 (August).
- DuBois W.E.B. (1903) *The souls of black folk*. Essays and Sketches. McClurg.
- DuBois W.E.B. (2005) The color line belts the world. In: Mullen B., Mullen C. (eds). *W.E.B. Du Bois on Asia*. University Press of Mississippi: 33–34.
- Durkheim E. (1984) *The division of labor in society*. Free Press.
- England L., Warner W.K. (2013) WEB Du Bois: Reform, will, and the veil. *Social Forces*. Vol. 91. No. 3: 955–973.
- Fanon F. (1967) *Black skin, white masks*. Grove Press [1952].
- Fanon F. (1968) *The wretched of the earth*. Grove Press [1961].
- Fanon F. (2019) *Alienation and freedom*. Bloomsbury Academic.
- Firmin A. (2000) *The equality of the human races*. Garland Publishing, Inc.
- Fitzhugh G. (1854) *Sociology for the South, or, the failure of free society*.
- Getachew A. (2019) *Worldmaking after empire: The rise and fall of self-determination*. Princeton University Press.
- Giddings F.H. (1898) *The elements of sociology; a text-book for colleges and schools*. The Macmillan Company.
- Go J. (1999) Colonial reception and cultural reproduction: Filipino elite response to US colonial rule. *The Journal of Historical Sociology*. Vol. 12. No. 4: 337–368.
- Go J. (2013a) Decolonizing Bourdieu: Colonial and postcolonial theory in Pierre Bourdieu's early work. *Sociological Theory*. Vol. 31. No. 1: 49–73.
- Go J. (2013b) Fanon's postcolonial cosmopolitanism. *European Journal of Social Theory*. Vol. 16. No. 2: 208–225.
- Go J. (2013c) Sociology's imperial unconscious: The emergence of American sociology in the context of empire. In: G. Steinmetz (ed.), *Sociology and empire*. Duke University Press: 83–105.
- Go J. (2016a) Global sociology, turning South: Perspectival realism and the southern standpoint. *Sociologica: Italian Journal of Sociology*. Vol. 10. No. 2: 42.
- Go J. (2016b) *Postcolonial thought and social theory*. Oxford University Press.
- Go J. (2020) Race, empire and epistemic exclusion: Or the structures of sociological thought. *Sociological Theory*. Vol. 38. No. 2: 79–100.
- Go J., Watson J. (2019) Anticolonial nationalism: From imagined communities to colonial conflict. *European Journal of Sociology*. Vol. 60. No. 1: 31–68.
- Goebel M. (2015) *Anti-imperial metropolis*. Cambridge University Press.
- Holley J. (2021) *Recovering the anticolonial roots of solidarity*. SCRIPTS Working Paper No. 11.
- Itzigsohn J., Brown K. (2015) Sociology and the theory of double consciousness. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*. Vol. 12. No. 02: 231–248.
- James C.L.R. (1989) *The black Jacobins*. Vintage [1963].
- Jung M.-K. (2009) The racial unconscious of assimilation theory. *Du Bois Review*. Vol. 2: 375–395.
- Kellogg L.C. (2015) *Our democracy and the American Indian and other works*. Syracuse University Press [1920].
- Khalidun I. (2015) *The Muqaddimah*. Princeton University Press.
- Krause M. (2021) *Model cases*. University of Chicago Press.
- Latour B. (1993) *We have never been modern*. Harvard University Press.
- Latour B. (2005) *Reassembling the social*. Cambridge University Press.
- Mabini A. (1931) *La Revolución Filipina (Con Otras Documentos de la época)*. Complicados y publicados bajo la dirección de Teodoro M. Bureau of Printing.
- Magubane Z. (2016) Following 'the deeds of men': Race, 'the global,' and international relations. In: J. Go, G. Lawson (eds), *Global historical sociology*. Cambridge University Press: 101–123.
- Majul C.A. (1996) *Mabini and the philippine revolution*. University of the Philippines.

- Marx K., Engels F. (1978) *The Marx-Engels reader*. W.W. Norton & Co.
- Matera M. (2015) *Black London: The imperial metropolis and decolonization in the twentieth century*. University of California Press.
- Mignolo W. (2011) *The darker side of western modernity*. Duke University Press.
- Morris A. (2022) Alternative view of modernity: The subaltern speaks. *American Sociological Review*. Vol. 87. No. 1: 1–16.
- Mukerjee R. (1926) *Regional sociology*. The Century Co.
- Mukerjee R. (1930) Ecological contributions to sociology. *The Sociological Review*. Vol. 22. No. 4: 281–291.
- Reed I.A. (2013) Theoretical labors necessary for a global sociology: Critique of Raewyn Connell's southern theory. *Political Power and Social Theory*. Vol. 25: 157–171.
- Small A.W. (1900) The scope of sociology. VI. Some incidents of association. *American Journal of Sociology*. Vol. 6. No. 3: 324–380.
- Small A.W. (1904) The subject-matter of sociology. *American Journal of Sociology*. Vol. 10. No. 3: 281–298.
- Sousa Santos B. de (2014) *Epistemologies of the South*. Paradigm Publishers.
- Tarde G. (1898) *Social laws: An outline of sociology*. The Macmillan Co.
- Wallerstein I. (1974) *The modern world-system*. Academic Press.
- Wallerstein I. (2002) The itinerary of world-systems analysis; or, how to resist becoming a theory. In: Berger J., Zelditch M.Jr. (eds). *New directions in contemporary sociological theory*. Rowman & Littlefield.
- Wolfe P. (2016) *Traces of History: Elementary structures of race*. Verso Books.

Пер. с англ. Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН; проф. Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

THINKING AGAINST EMPIRE: ANTICOLONIAL THOUGHT AS SOCIAL THEORY

Julian GO, Professor of Sociology at the University of Chicago, Chicago, USA (jgo34@uchicago.edu).

Abstract. Sociology was born in the late 19th and early 20th centuries as a project in, of, and for empire. This essay excavates a tradition of social thought that grew alongside metropolitan sociology but has been marginalized by it: anticolonial thought. Emerging from anticolonial movements, writers and thinkers, anticolonial thought in 19th and 20th centuries emerged from a variety of thinkers (from indigenous activists in the Americas to educated elites in the American, Francophone and British colonies). I argue that this body of thought offers distinct visions of society, social relations, and social structure, along with generative analytic approaches to the social self, social solidarity and global relations – among other themes. Anticolonial thought offers the basis for an alternative canon and corpus of sociological thinking to which we might turn as we seek to revitalize and decolonize sociology.

Keywords: anticolonial thought, empire, imperialism, postcolonial theory, social theory.

Transl. by N.V. ROMANOVSKIY

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2024 г.

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА, Э. АЛОС-И-ФОНТ

К ВОПРОСУ О ФИКСАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2020–2021 гг.

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия (medi54375@mail.ru); АЛОС-и-ФОНТ Эктор – внешний сотрудник Исследовательского центра социолингвистики и коммуникации Университета Барселоны, Барселона, Испания (hectoralos@gmail.com).

Аннотация. В статье обобщается зарубежный опыт проведения переписей и статистических обследований национально-языковой сферы. Анализируется качество итогов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. по вопросам о национальной принадлежности, родном языке, владении русским и иными языками, использовании языков. Выявлены неравномерные распределения «неответов» по регионам, между городом и селом, возрастными группами. Интерпретацию опубликованных итогов переписи осложняет неразделенность отсутствия ответа и отрицательного ответа на вопросы, спорная группировка национальностей и языков. Отмечается резкий рост числа неответивших на национально-языковые вопросы переписи 2020–2021 гг. в сравнении с предыдущими всероссийскими переписями. Это затрудняет анализ национально-языковых вопросов с помощью переписной статистики. Авторы призывают к взвешенному использованию итогов национально-языковых вопросов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. в научно-исследовательской работе и при принятии решений в государственной национальной политике.

Ключевые слова: Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. (ВПН-2020) • итоги ВПН-2020 • национальность • язык • критический анализ

DOI: 10.31857/S0132162524010032

В России, начиная с первой общегосударственной переписи 1897 г., национально-языковые вопросы были обязательными во всех переписях населения страны. Подданных Российской империи спрашивали о родном языке и вероисповедании, с помощью которых определялась их национальность. Советские переписные опросники содержали вопросы о национальной принадлежности и о родном языке. Переписи постсоветского времени стали единственным (из-за отмены записи в паспортах) масштабным статистическим источником о национально-языковой сфере России. Значение переписных сведений определяется запросом со стороны государственных органов на планирование и реализацию национально-языковой политики на общегосударственном и региональном уровнях. Они важны и для этносоциологов России, имеющих большой опыт изучения социальной структуры этнических общностей на материалах переписей [Социальное и национальное..., 1972; Социальное неравенство..., 2002] и использующих их при расчете выборов.

Перепись изучается и в аспекте ее инструментальной функции [Anderson, 2006]. Она признается властным капиталом [Тишков, 2003: 11], способом конструирования групп [Краснопольская, Солодова, 2016: 69], этнических идентичностей, операционализированных переписными процедурами [Варшавер, 2022: 201] и испытывающих субъективное влияние переписчиков [Фарахутдинов, Хайруллина, 2022], представлений опрашиваемых. Вопрос о качестве итогов переписи – насколько точна, непротиворечива полученная статистика и насколько точно она отражает характеристики общества – требует отдельного рассмотрения. Цель исследования – оценить качество данных Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. (ВПН-2020), полученных по национально-языковым вопросам.

Проблема обеспечения качества переписных данных в мировой практике. Перепись долго считалась самым надежным поставщиком знания об обществе. Это объяснялось всеохватностью опроса, стандартностью методик и инструментария [Китчин, 2017: 113]. В то же время опрос, проведенный среди представителей статистических организаций 109 стран в начале 2010-х гг. по заказу Статистической комиссии ООН, выявил, что ключевыми проблемами переписей являются огромные расходы на их проведение (67%), несвоевременность (42%), сомнения в качестве получаемых данных (39%), снижение показателя реагирования (39%), неоднозначное восприятие общественностью (37%), обеспечение конфиденциальности (32%)¹. Европейская экономическая комиссия ООН указывает на значение для переписей мобильности населения, стремления властей к увеличению объема собираемых сведений и к их частому обновлению, растущих опасений населения по поводу конфиденциальности персональных данных. Поэтому некоторые социальные группы (особенно пожилые лица и уязвимые меньшинства) все чаще не участвуют в переписях, не отвечают на их вопросы², что подрывает репрезентативность и качество получаемых данных.

Во время цикла переписей 2005–2014 гг. значительное число стран внесло серьезные методологические изменения в их проведение³ [Bernard et al., 2013; Juran, Pistiner, 2016]. Некоторые государства перешли на сбор данных о численности и характеристиках населения из регистров. Другие используют комбинированную перепись, сочетая административные данные и репрезентативные опросы (прежде всего о культурной, этнической принадлежности, языках). Третья группа стран (например, Германия) поддержала обеспокоенность граждан по поводу защиты персональных данных и законодательно ограничила введение уникальных идентификаторов физических лиц и домохозяйств, использующихся для их увязки с регистрами.

Опросы, проводимые в рамках переписей, основываются на расширенной анкете (в Канаде так охватывается 25% населения) или на регистрах (в Испании опрашивается 10% населения, в том числе о знании и использовании языков). Инструментарий опросов в Австралии, Великобритании, Канаде и Испании содержит многочисленные национально-языковые вопросы, многовариантные ответы на них и методики измерения. Так, 35-страничная анкета Испании подразумевает ее обязательное заполнение, содержит

¹ С. 7. Доклад Соединенных Штатов Америки о Всемирной программе переписи населения и жилищного фонда 2010 года. ООН, Экономический и социальный совет, Статистическая комиссия, 6 декабря 2011. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/43rd-session/documents/2012-2-Censuses-R.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).

² С. 15. Statistics Finland, Turkish Statistical Institute. (2015) *In-depth review of diversification of population census methodology and sources*. Genève: United Nations Economic Commission for Europe. URL: https://unece.org/DAM/stats/documents/ece/ces/bur/2015/October/03-In-Depth_Review_on_Censuses__Finland_Turkey_.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

³ См.: Рекомендации Конференции европейских статистиков по проведению переписей населения и жилищного фонда 2020 года. Женева: Европейская экономическая комиссия ООН, 2015. URL: https://unece.org/DAM/stats/publications/2015/ECES41_RU.pdf; Руководящие принципы использования регистров и административных данных в целях переписей населения и жилищного фонда. Женева: Европейская экономическая комиссия ООН, 2018. URL: https://unece.org/DAM/stats/publications/2018/ECESSTAT20184_R.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

шкалы для измерения знания языков⁴. Переписной инструментарий сопровождается четкими методическими пояснениями. В Канаде под «родным языком» понимается «первый язык, который человек выучил в детстве и которым он владел на момент опроса»⁵.

Способы измерения качества переписных данных. Ключевой задачей переписи является обеспечение ее качества. Мировая практика по ее решению различается между странами, но в целом сводится к разработке процедуры измерения качества входных данных, качества процесса и качества результирующей статистики⁶. При оценке входных данных переписей первостепенное внимание уделяется обследованию охвата населения (например, в Великобритании). Эта проблема не возникает до тех пор, пока доля неответивших во время сбора переписных данных не превысит определенный порог. В Англии и Уэльсе доля неответивших по переписи 2021 г. составила 3% населения, в некоторых округах достигла 12%⁷. Во время переписи населения Канады в 2021 г. доля неответивших домохозяйств составила 2% по стране, не превысила 3% в провинциях, но достигла почти 10% в Нунавуте (площадь Нунавута – 1,9 млн кв. км, численность населения – 37 тыс. чел.)⁸. Итоги переписи в Австралии 2021 г. содержат сведения о 4,2% неответивших по стране и 8,7% в ее Северной территории (площадь – 1,4 млн кв. км, население – 250 тыс. чел.)⁹.

В переписях объем «неответов» на вопросы о культурной, этнической принадлежности, языках, как правило, превышает общий показатель неответивших. В Канаде на вопрос о знании официальных языков не ответило 4,5% домохозяйств; языках домашнего общения – 4,3%; языках, используемых на работе, – 2,9%; родном языке – 4,6%; этническом, культурном происхождении – 3,5%. Различия между штатами незначительны, но показатели выше на территориях с меньшим и более рассредоточенным населением (показателен Нунавут)¹⁰.

Для устранения пробелов в данных и снижения погрешности, вызванной отсутствием ответов¹¹, статистическое управление Канады прибегает к автоматизированному процессу импутации (условному расчету) ответов в случае их отсутствия или недействительности. Процент импутаций рассчитывается по каждому вопросу, штату/территории и размещается в Интернете. В Австралии индивидуальный показатель «неответов» на вопрос о происхождении был 6,2%, языке – 5,7%, религии – 6,9%. После импутации он снизился до 2,1, 1,6 и 2,8% (см. сноску 9).

Помимо учета «неответов» и общего уровня отвечаемости качество полученных в результате переписи опросных данных оценивается через валидность ответов, отсутствие смещений, сходство в распределении ответов, полученных разными методами [Мягков, Журавлева, 2011: 33–34]. В нашем исследовании опубликованные на сайте Федеральной

⁴ Instituto Nacional de Estadística. Encuesta de Características Esenciales de la Población y Viviendas 2021. URL: https://www.ine.es/metodologia/cuestionario_ECEPOV.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

⁵ Statistics Canada. Dictionary, Census of Population, 2021. Mother tongue. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/ref/dict/az/definition-eng.cfm?ID=pop095> (дата обращения: 20.05.2023).

⁶ Руководящие принципы использования регистров и административных данных в целях переписей населения и жилищного фонда. Женева: Европейская экономическая комиссия ООН, 2018. URL: https://unece.org/DAM/stats/publications/2018/ECESTAT20184_R.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

⁷ Office for National Statistics. Maximising the quality of Census 2021 population estimates. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/methodologies/maximisingthequalityofcensus2021populationestimates> (дата обращения: 11.08.2023).

⁸ Statistics Canada. 2021 Census of Population collection response rates. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/ref/response-rates-eng.cfm> (дата обращения: 11.08.2023).

⁹ Australian Bureau of Statistics. 3.3 Response rates. URL: <https://www.abs.gov.au/census/about-census/census-statistical-independent-assurance-panel-report/33-response-rates> (дата обращения: 11.08.2023).

¹⁰ Statistics Canada. Ethnic or Cultural Origin Reference Guide, Census of Population, 2021. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/ref/98-500/008/98-500-x2021008-eng.cfm> (дата обращения: 11.08.2023).

¹¹ Statistics Canada. Languages Reference Guide, Census of Population, 2021. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/ref/98-500/003/98-500-x2021003-eng.cfm> (дата обращения: 07.08.2023).

службы государственной статистики результаты вопросов ВПН-2020 о национальности («Ваша национальная принадлежность?») и языках («Ваш родной язык?», «Владеете ли вы русским языком?», «Какими иными языками вы владеете?», «Какие [из языков] используете в повседневной жизни?») подверглись оценке с помощью следующих индикаторов: «охват населения переписью», «общий уровень “ответаемости” и число “неответов”», «типы “неответов”», «смещение данных по регионам, городу-селу, возрасту опрошенных», «валидность ответов», «неопределенность вопросов-ответов», «несоответствие ответов о национальности и языке». Не претендуя на завершенность исследования, считаем, что проблематизация вопроса о причинно-следственных связях итогов ВПН-2020 может способствовать приращению «науки, идущей от данных» [Китчин, 2017], позволит проанализировать влияние социального контекста на качество переписных данных.

Анализ показателей качества переписных данных. Охват населения переписью – первый показатель качества данных, получаемых в ходе общенациональной переписи. О намерении принять участие в ВПН-2020, по данным ВЦИОМ, заявило 85% респондентов, но планировало это сделать 8% россиян¹². Участие откладывала «студенческая молодежь...», которая была не в курсе переписи¹³. Реальное участие россиян Левада-Центром* оценено в 57%, среди 18–24-летних – 48%. Показатель тех, кто не сообщил сведений о себе, назван «беспрецедентно высоким» и связывается прежде всего с отсутствием визита переписчика¹⁴. По мнению Ш.Ф. Фарахутдинова и Н.Г. Хайруллиной, ситуацию усугубила плохая организация работы переписчиков, недостаточный контроль за их работой, подбор в этом качестве студентов, не имеющих опыта коммуникации с разными аудиториями, негативная эпидемиологическая обстановка из-за COVID-19, индифферентность людей к мероприятию из-за снижения доверия к власти, низкая информированность россиян [Фарахутдинов, Хайруллина, 2022: 72–73].

Охват населения переписью оказался выше в городах с населением до 100 тыс. человек (71%). В Москве он составил 27% (см. сноску 14). Регионы по-разному включились в переписную кампанию [Мокин, Барышная, 2022].

Показатель участия в ВПН-2020 связывается экспертами с тем, что согласно Федеральному закону «О Всероссийской переписи населения» от 25.01.2002 № 8-ФЗ (далее – Закон) перепись в РФ признается общественной процедурой, а потому не предусматривает правовую ответственность граждан за неучастие в ней. Инерция советской установки об обязательности участия в переписях обеспечила, по данным фонда «Общественное мнение», 93% охват населения ВПН-2002 [Полян, 2004]. Она оказалась утерянной при ВПН-2020.

Последующее внесение поправок в Закон¹⁵ предоставило возможность получения информации о населении России из административных источников. В перепись был введен принцип анонимности. Это вызвало экспертную критику из-за невозможности контроля полноты данных [Захаров, Вишневыский, 2010: 14]. Увеличился риск двойного счета, «дописывания переписчиками недостающей информации на основе фантазий» [Андреев, 2012]. В случае отсутствия переписываемого или его отказа сообщать сведения достаточным стало включение в базу половозрастных сведений из регистрирующих организаций.

¹² Всероссийская перепись населения – 2021. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vserossiiskaja-perepis-naselenija-2021> (дата обращения: 04.05.2023).

¹³ Казакова Д. Когда мы увидели потерю 600 тысяч татар, тоже удивились: Росстат предлагает искать их в «неответах». Бизнес online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/584255> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁴ Участие россиян в переписи. Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения: 01.06.2023). *АНО «Левада-Центр» внесена Министерством юстиции РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

¹⁵ Федеральный закон от 28 ноября 2009 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения»; Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 204-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Высокие ожидания у организаторов ВПН-2020 были от онлайн-участия жителей страны через портал Госуслуги. К такой возможности среди планирующих переписаться намеревались обратиться 41% (около 35% опрошенных)¹⁶. Переписались через Госуслуги 29% принявших участие в ВПН-2020 (около 17% опрошенных), в Москве – 26–27% (по данным Левада-Центра), Санкт-Петербурге – 23%¹⁷. Регионы сильно отличаются по охвату населения переписью (пример – Республика Коми), что связано с долей лиц, не проживающих по месту регистрации и соответственно не сообщивших о национальности (см. там же). В 3 млн электронных записей, в которых указан язык, не прописана национальность (см. сноску 13).

Насколько правильно в переписи отражено население в целом? Проверим включение в ее итоги группы, порядок величины которой известен, – кейс индийских студентов из регионов с низкой иммиграцией. По данным ВПН-2020, в Марий Эл и Чувашии проживало 339 и 63 гражданина Индии соответственно, хотя только в медицинских вузах столиц республик в 2021/22 уч. г. обучалось около 1800 и 350 индийских студентов. Этот весьма специфический случай вызывает сомнения в способности переписи отразить иностранное и мобильное население.

Общий уровень «отвечаемости» и число «неответов». В таблице 1 показана динамика доли отсутствующих сведений по национально-языковым вопросам за последние три российских переписи. За исключением вопроса о национальности количество неответивших в опубликованных данных переписи не уточняется, а отрицательные ответы объединяются с неответившими (например, в случае знания русского языка отсутствуют различия между теми, кто заявил, что не знает его, и теми, кто не ответил на вопрос). Причиной объединения является отсутствие данных, позволяющих разграничить эти два случая.

В 2002 г. «неопределившиеся» с национальностью оказались в основном в Москве, Санкт-Петербурге и Московской области (1 млн из 1,5 млн), в 2010 г. – еще в 10 регионах

Таблица 1

Доля отсутствующих сведений по национально-языковым вопросам во Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг., чел., %

Показатели	2002		2010		2020	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Все население	145 166 731	100	142 856 536	100	147 182 123	100
Не указавшие...						
национальную принадлежность	1 460 751	1	5 629 429	3,9	16 594 759	11,3
владение русским языком	2 593 399	1,8	5 361 643	3,8	12 905 881	8,8
владение языками кроме русского	1 420 544	1	4 544 001	3,2	12 056 452	8,2
родной язык*	–	–	4 544 578	3,2	16 638 532	11,3

Примечание. *В 2002 г. вопрос не задавался.

Источники: Всероссийская перепись населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Росстат. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 02.05.2023). Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.05.2023). Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁶ Всероссийская перепись населения – 2021. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vserossiiskaja-perepis-naselenija-2021> (дата обращения: 04.05.2023).

¹⁷ Перепись населения 2020 // Демоскоп Weekly. 30 ноября – 14 декабря 2021. № 923–924. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0923/perep01.php#2> (дата обращения: 01.06.2023).

(более чем по 100 тыс. в каждом регионе) [Богоявленский, 2012: 5], в 2020 г. – в 16 субъектах страны (более чем по 100 тыс. неопределившихся в каждом субъекте). Одной из причин роста, по мнению экспертов, является увеличение числа граждан, отказывающихся от национально-языкового самоопределения. Некоторые не готовы говорить об этом частном обстоятельстве [Богоявленский, 2012: 5].

Очень серьезная проблема в итогах ВПН-2020 просматривается в части несоответствия показателей «неответов» и незнания русского языка. Согласно ВПН-2002 русским языком владело 97,6% населения и 98,2% тех, кто заявил о своей национальности, ВПН-2010 – 96,2 и 99,1%, ВПН-2020 – 91,3 и 98,3%. Число не знающих этот язык, по данным ВПН-2020, увеличилось по сравнению с ВПН-2010 в 2,4 раза. Однако полагаться на эту цифру нельзя из-за того, что процент «неответов» намного выше незнания русского языка.

Типы «неответов». Результаты ВПН-2020 оказались намного менее надежны и труднее сопоставимы с результатами предыдущих переписей из-за недоучета разных вариантов «неответов». Опубликованные итоги содержат сведения о тех, у кого «нет национальной принадлежности» (0,4% «неответов»), о «лицах, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана» (11,3%) и об «отказавшихся отвечать на вопрос о национальной принадлежности» (они включены во вторую группу, таковых 4,8%). Доля неответов на вопрос о национальной принадлежности сопоставима с долей неответов на вопросы о знании языков. Если из количества «лиц, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана», вычесть число лиц, «отказавшихся отвечать на вопрос о национальной принадлежности», и сравнить результат с числом лиц, «не указавших владение языком», разница составит менее 1 п.п. в 17 из 22 республик и менее 2 п.п. в 20 национальных субъектах страны (отличающиеся республики – Ингушетия и Дагестан). Результат вычитания из числа лиц с отсутствующими сведениями о национальной принадлежности доли респондентов, отказавшихся отвечать на вопрос о своей национальной принадлежности, оказывается довольно близок показателю о тех, чьи данные были получены из административных источников – 9,6 млн человек, но он выше заявленного Росстатом РФ – 9 млн человек¹⁸. Если по национальности существуют показатели, которые могут помочь в происхождении «неответов», то для языковых вопросов они отсутствуют.

Смещение данных по регионам, городу-селу рассмотрим на примере республик (табл. 2). В Коми доля лиц с отсутствующими сведениями о национальности составила 22,5%, в пяти республиках превысила 10%, в семи – от 6,2 до 9,5%, в 15 – составила менее 4,6%. В среднем доля лиц, у которых в переписных листах не указана национальность, в республиках оказалась в два раза ниже (5,7%), чем по стране. Доля «неответов» по родному языку составила 6,6% (по РФ – 11,3%), владению языками кроме русского – 5,2% (8,2%). Для сравнения: в Ульяновской области нет данных о национальности 15,9% населения, родном языке – 15,5%, владении языками – 12%; в Москве – 22,7, 23,8, 15,3% соответственно. Результаты национально-языковых вопросов среди горожан менее надежны, чем среди сельчан.

При рассмотрении распределения «неответов» о владении языками в зависимости от возраста выделяются четыре группы. В возрастных группах 10–19 лет и старше 60 лет доля не ответивших на вопросы ниже, чем в среднем по стране (по 6,9% в обеих когортах против 8,2% в среднем по населению). Напротив, в возрастной когорте 20–39 лет ситуация обратная (9,5% неответивших). Тенденция является общей для регионов, но может иметь некоторые различия. Например, в Москве, где доля неответивших значительно выше, чем в среднем по стране, различия по возрастным группам не столь заметны¹⁹.

¹⁸ Всероссийская перепись населения 2020 г. Методологические пояснения. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том5_Методолог_VPN-2020.docx (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁹ Итоги ВПН-2020. Том 5. Табл. 12. Владение языками населением разных возрастных групп. Росстат. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FТом5_tab12_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 02.05.2023).

Таблица 2

**Доля отсутствующих сведений по национально-языковым вопросам
ВПН-2020 по республикам и РФ в целом, в %**

Республики и РФ	Не указано...					
	национальность		родной язык		владение языками	
	город	село	город	село	город	село
По РФ в целом	14	3,3	14,2	2,8	10,3	1,8
Кабардино-Балкарская Республика	3,6	1,4	6,1	0,7	0,8	1,1
Карачаево-Черкесская Республика	2,1	0,9	3,5	0,8	1,4	0,9
Республика Адыгея	14,8	5,6	14,8	3,8	12,4	3
Республика Алтай	11,3	3,9	11,5	3,8	10,5	3,1
Республика Башкортостан	2	0,9	2,9	0,6	0,8	0,5
Республика Бурятия	10,6	1,9	10,5	1,8	8,8	1,3
Республика Дагестан	2,0	1,1	15,1	1,3	7,7	3,1
Республика Ингушетия	4,6	2,4	5,8	3,1	6,4	6,2
Республика Калмыкия	8,3	1,5	9,8	1,3	7,4	1,3
Республика Карелия	13,9	2,2	13,2	1,9	12	0,5
Республика Коми	28,2	2,9	27,4	2,4	25,6	1,6
Республика Крым	11,8	4,4	10,9	3,7	7	2,2
Республика Марий Эл	12,3	2,5	13,1	3,1	10	1,5
Республика Мордовия	5,5	2	6	1,1	3,3	0,4
Республика Татарстан	3,1	0,8	3,6	0,6	2,5	0,6
Республика Тыва	10,1	1,6	9,7	0,8	9,8	1,6
Республика Саха (Якутия)	21,8	0,7	22,6	0,8	20,4	2,3
Республика Северная Осетия – Алания	9,2	0,5	11,6	0,8	8,2	0,8
Республика Хакасия	26,1	3,2	25,9	3,1	24	1,5
Удмуртская Республика	20,8	2,2	20,4	1,9	19,3	1,1
Чеченская Республика	0	0	1,7	0,9	1,4	1,5
Чувашская Республика	13,6	2	13,6	2,1	9,9	1,3

Источник: Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 02.05.2023).

Обозначенные различия усложняются при сравнении с предыдущими переписями. Изучим количество говорящих на удмуртском языке в Удмуртии. По данным ВПН-2010, их было 247 259 человек, ВПН-2020 – 215 070. Снижение составило 17,8%. Если вместо сравнения абсолютных данных сопоставить процент говорящих от общего числа ответивших на вопрос о знании языков (кроме русского), то падение составит 5,4%. Однако если учесть неравномерное распределение «неответов» между городскими и сельскими жителями (соответственно 19,3 и 1,1%, табл. 2), то разница составит 16,1%²⁰. Она объясняется

²⁰ По данным ВПН-2020, в Удмуртии насчитывается 43 655 носителей удмуртского языка в городах и 159 626 в селах, при том, что в городах ответили на вопрос о знании языков 80,7% населения, в селах – 98,8%. При пересчете процента говорящих на удмуртском языке от общего числа ответивших на вопрос о знании языков (кроме русского) в городах можно предполагать 54 074 носителей удмуртского, в селах – 161 355, всего – 215 419 чел. (см. Итоги ВПН-2020. Том 1. Табл. 4. Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom1_tab4_VPN-2020.xlsx; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Табл. 4. Владение языками и использование языков населением. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 02.05.2023). Для 2010 г. эквивалентные расчеты

тем, что говорящие на удмуртском языке проживают преимущественно в селах, а охват сельского населения гораздо выше, чем городского. Поэтому в случае необходимости составления аналогичных расчетов для России в целом, особенно для распространенных языков народов страны, важно учитывать особенности данных по регионам.

Валидность ответов. Увеличение числа «неответов» и их неравномерное распределение не объясняют всех различий в итогах ВПН-2020 по сравнению с ВПН-2010. Например, в 2010 г. в Москве 15,6% населения, указавшего владение языками, знало английский язык [Борисович, 2017: 32]. В 2020 г. таких оказалось 5,8%, хотя количество людей, указавших владение языками по двум переписям, практически не изменилось (около 11 млн). Население стало по-другому понимать, что такое владение английским языком? Или во время переписи использовались иные критерии определения количества «указавших владение языком»? Отсутствие ответов на эти вопросы делает невозможным сравнение динамики полиглотизма между двумя последними переписями. В 2010 г. в Москве респонденты, ответившие на вопросы о знании языков, в среднем владели 1,23 языка, 2020 г. – 1,1. Трудно поверить, что москвичи за последние 11 лет стали меньше знать языки, особенно английский.

Неопределенность вопросов-ответов. Определение национальности и родного языка во время переписей в России осуществляется по усмотрению респондента. Вопрос о том, что он подразумевает под этими терминами, приводит к проблеме неопределенности ответов. Часть участников ВПН-2020 вопрос о национальности восприняла как способ узнать об их идентификации с этнической группой. Другими он воспринялся с национально-гражданским смыслом (206081 человек назвали себя россиянами, еще 652387 человек указали «РФ»). Появление надэтнических самоназваний объясняется некоторыми экспертами снижением значимости этнической идентичности²¹.

Неточными с точки зрения фактического знания языков оказываются сведения о родном языке. Как показывают опросы для немалого числа населения России, он приобрел значение идентичности, языка национальности [Дробижева, Рыжова, 2015: 17], а не языка, на котором они говорили в детстве. Эту проблему, на первый взгляд, решают переписные вопросы о владении русским языком и иными языками народов России, иностранными языками. Однако указанные вопросы дихотомичны – респондент сам решает, какой уровень знаний необходим для владения языком. Такой же характер имеет введенный в ВПН-2020 вопрос об использовании языков. Достаточно пассивного использования языка? Или необходимо говорить на нем на ежедневной основе? Является ли школьный учитель иностранного языка повседневным пользователем языка, если он использует его исключительно в учебном процессе? Отсутствие разъяснения переписного вопроса затрудняет интерпретацию ответов.

Несоответствие ответов о национальности и языке проверим на примере выходцев из арабских стран, проживающих в Республике Чувашия (500 чел., по данным ВПН-2020) и представляющих собой группу с четкими культурными границами. Принимая во внимание возможность присутствия национальных и языковых меньшинств среди выходцев из арабских государств (берберов, курдов, езидов), можно ожидать близкие показатели по доле лиц арабской национальности и родного арабского языка в этой республике. Однако перепись зафиксировала лишь почти 400 арабговорящих человек и 300 тех, чей

дают 256 810 чел. (см. Итоги ВПН-2010. Том 4. Табл. 7.47. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. Удмуртская Республика. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.rar (дата обращения: 02.05.2023). Потери составляют 16,1%.

²¹ Колебакина-Усманова Е. «Идентифицировали себя как россияне»: Росстат объяснил «потерю» 590 тысяч татар. Бизнес онлайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/583782> (дата обращения: 01.06.2023).

родной язык арабский²². Подобные несоответствия могут быть вызваны плохой проверкой данных, не выявившей неправильные или отсутствующие ответы в анкете переписи.

Обработка данных. ВПН-2020 зафиксировала в России 1658 наименований национальностей. В графу «прочие национальности» отнесены ответы 109891 респондента. Среди этнонимов встречаются самоназвания детей из смешанных браков (русско-греки, сахаляры), «новые» этнические общности (русич, советский, старовеер, орловец, землянин), разные наименования одной этнической общности (башкирцы-башкиры-башкорт-башкурт), ранее бытовавшие самоназвания народов и родоплеменных сообществ. Созданный лоббистскими группами информационный фон во время переписи привел к тому, что люди под давлением пересматривали самоопределение или переходили в нейтральный статус (см. сноску 21). Так произошло в Астраханской области, когда часть татар переписали ногайцами²³.

Анализ данных осложняет предусмотренная переписным инструментарием возможность указания второй национальности. Однако в опубликованных результатах учитывается только первый ответ. Исключением стали коренные малочисленные народы РФ, в отношении которых «учитываются все лица, указавшие соответствующую национальную принадлежность в качестве любого (первого или последующего) ответа на вопрос о национальной принадлежности» (см. сноску 18). Заложенное в ВПН-2002 и использованное в ВПН-2020 стремление отдельных экспертов к выявлению множественной этнической и языковой идентичностей россиян [Этнография..., 2003; Степанов, 2001] оценивается некоторыми исследователями как неудачный способ использования дорогостоящей переписи для научного экспериментирования [Полян, 2004].

Список национальностей России, использованный при обработке ВПН-2020, включает 194 народа и практически повторяет инструментарий переписей 2002 и 2010 гг. В списке национальностей, использованном в ВПН-2002, в ряде этнических групп были выделены самостоятельные общности, однако в отношении других народов этот принцип не использовался [Исхаков, 2002], избирательный подход сохранился и в ВПН-2020. Например, к испанской национальности отнесены каталонцы и галисийцы, а баски обособлены как отдельный народ. ВПН-2020 зафиксировала 372 языка, из них 155 языков народов России. В списке несуществующие языки – европейский, азиатский, среднеазиатский, стран СНГ, народов Севера, финно-угорский, канадский, швейцарский, монегаскский, сенегальский, камерунский, полинезийский и др. Зафиксирован язык программирования, носители которого считают, что могут на нем говорить, видимо, из-за особенностей инструкции к переписи (см. там же). Число «новых» языков увеличилось с 10 в 2010 г. до 45 в 2020 г. Самый крупный новый «дагестанский» язык (19 тыс. ответов) является загадкой для специалистов (см. сноску 13). Некоторые языки объединены в один – каталанский и испанский, лангедокский и французский, гасконский и баскский. ВПН-2020 зафиксировала людей, умеющих говорить (не только читать!) на латыни, древнегреческом, древнеегипетском, авестийском, половецком, старославянском, недешифрованном этрусском языке. Подобный абсурд реже встречается в данных о родных языках, хотя и там зафиксированы габонский, латинский, старославянский языки.

Выводы. Исследование выявило ряд неточностей и противоречий в результирующей статистике ВПН-2020 о национальном и языковом составе России. Перепись оказалась существенно менее достоверным опросом, чем предыдущие всероссийские переписи, а потому требуется осторожное обращение с ее итогами при научно-аналитической работе и реализации государственной национальной политики.

Итоги ВПН-2020 показали резкий рост числа не ответивших на национально-языковые вопросы. Их доля намного выше, чем в Австралии, Великобритании, Канаде. Сложности

²² Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 02.05.2023).

²³ «Врагом стала пандемия ковида»: как ВКТ объяснил «потерю» 600 тысяч татар. Бизнес онлайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/579311> (дата обращения: 01.06.2023).

для анализа представляют неравномерные распределения «неответов» в территориальном и возрастном разрезе, валидность ответов (как, например, со знанием иностранных языков в Москве), неразделенность отсутствия ответа и отрицательного ответа на вопросы (что затрудняет использование данных о владении русским языком), сомнительная группировка национальностей и языков.

Анализ опыта зарубежных стран проведения переписей выявил его разнообразие и динамику в организации полевых работ для обеспечения их эффективности. Государства стали включать в переписи опросы, расширили способы измерений, начали активно публиковать обширную информацию о качестве переписных данных. ВПН-2020 стала для России первой попыткой масштабного включения во входные данные сведений из административных источников (регистров). Требуется дальнейшее ее критическое осмысление по каждой переписной переменной, включая национально-языковые вопросы. Это крайне важно для чувствительной в России сферы национально-языковых отношений, в которую включены многочисленные этнические сообщества страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.
- Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. 2012. № 531–532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/demoscope531.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
- Борисович К.Ю. Языки Москвы по данным переписи 2010 года // Родной язык. 2017. Т. 7. № 2. С. 24–44.
- Варшавер Е.А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе Всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2150.
- Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
- Захаров С.В., Вишневский А.Г. Что знает и чего не знает российская демографическая статистика // Вопросы статистики. 2010. № 2. С. 7–17.
- Исхаков Д.М. Взгляд на всероссийскую перепись из Татарстана (В ответ на статью Соколовского С.В. «Татарская проблема» во Всероссийской переписи населения) // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 235–249.
- Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: 4М. 2017. № 44. С. 111–152.
- Краснопольская И.И., Солодова Г.С. Перепись населения как инструмент строительства наций // Мир России. 2016. Т. 25. № 1. С. 55–78.
- Мокин К.С., Барышная Н.А. Перепись населения как форма фиксации территориальной идентичности в оценках молодежи // Вестник Поволжского ин-та управления. 2022. Т. 22. № 2. С. 62–72.
- Мягков А.Ю., Журавлева С.Л. Экспериментальная оценка качества данных в телефонном интервью // Социология: 4М. 2011. № 32. С. 26–52.
- Полян П. Подготовка, проведение и некоторые качественные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Демоскоп Weekly. 2004. № 155–156. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit01.php> (дата обращения: 20.04.2023).
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1972.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.
- Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 145. М.: ИЭА РАН, 2001.
- Тишков В.А. Переписи населения и конструирование идентичностей // На пути к переписи. М.: Авиаиздат, 2003. С. 9–38.
- Фарахутдинов Ш.Ф., Хайруллина Н.Г. Всероссийская перепись населения 2020–2021 гг. глазами переписчика // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 66–73.
- Этнография переписи – 2002 / Под. ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: Авиаиздат, 2003.

- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York, 2006.
- Bernard B., King T., Valente P. The Modern Census: Evolution, Examples and Evaluation // *International Statistical Review*. 2013. No. 81. DOI: 10.1111/insr.12036.
- Juran S., Pistiner A. The 2010 Round of Population and Housing Censuses (2005–2014) // *Statistical Journal of the IAOS*. 2016. Vol. 33. No. 2. P. 399–406. DOI:10.3233/SJI-160282.
- Treviño Maruri R., Domingo A. ¿Adiós al censo en España? Elementos para el debate / Goodbye to the Spanish Census? Elements for Consideration // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 2020. No. 171. P. 107–124. DOI: 10.5477/cis/reis.171.107.

Статья поступила: 08.06.23. Финальная версия: 19.09.23. Принята к публикации: 26.09.23.

ON THE QUESTION OF FIXING THE NATIONAL-LANGUAGE COMPOSITION OF THE POPULATION IN THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS 2020–2021

GABDRAKHMANOVA G.F.*, ALÒS i FONT H.**

*Institute of History named after Sh. Mardjani, Russia; **University of Barcelona, Barcelona, Catalonia, Spain

Gulnara F. GABDRAKHMANOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Ethnology, Institute of History named after Sh. Mardjani, Kazan, Russia (medi54375@mail.ru); Hector ALÒS i FONT, External Collaborator, Center for Sociolinguistics and Communication Research, University of Barcelona, Barcelona, Catalonia, Spain (hectoralos@gmail.com).

Abstract. The article carries out a critical analysis of the quality of the results of the questions of the 2020–2021 Russian population census on nationality, native language, knowledge of Russian and other languages, and language use. The study reveals the uneven distribution of “non-answers” by regions, between urban and rural areas, and age groups. The interpretation of the published census results is hampered by the quality of answers, lack of distinction between non-answers and negative answers to questions, and questionable grouping of nationalities and languages. Therefore, it is not possible to use the results of Russian language proficiency and knowledge of other languages in several of Russia’s federal subjects. The situation is aggravated by a sharp increase in the number of non-responses to the questions on nationality and language in the 2020–2021 census compared to the previous censuses. This hinders the analysis of these questions of the 2020–2021 census and the understanding of the dynamics of national and language processes in Russia using census statistics.

The article reveals foreign experiences of conducting censuses and statistical survey of the national and linguistic sphere. Many countries resort to various methods (including the use of surveys as a source of census), ways of assessing national, cultural affiliation, knowledge and proficiency of languages, ensuring the efficiency of fieldwork, and evaluating the quality of census data. They pay more attention to the methodological support of the national and language block of the census.

The authors call for a balanced use of the results of the national and language issues of the 2020–2021 Russian population census in research work and in decision-making in the government national policy, since national and language relations in Russia are very sensitive for the country’s numerous ethnic communities.

Keywords: 2020–2021 Russian population census, nationality, language, data, critical analysis.

REFERENCES

- Anderson B. (2006) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York.
- Andreev E.M. (2012) On the accuracy of the results of Russian population censuses and the degree of trust in various sources of information. *Voprosy statistiki* [Bulletin of Statistics]. No. 11: 21–35. (In Russ.)
- Bernard B., King T., Valente P. (2013) The Modern Census: Evolution, Examples and Evaluation. *International Statistical Review*. No. 81. DOI: 10.1111/insr.12036.
- Bogoyavlensky D. (2012) Census 2010: ethnic profile. *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly]. No. 531–532. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/demoscope531.pdf> (accessed 20.05.2023). (In Russ.)

- Borisovich K.Yu. (2017) Languages of Moscow according to the 2010 census. *Rodnoy Yazyk* [Mother Tongue]. Vol. 7. No. 2: 24–44. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. (2015) Civic and ethnic identity and perception of the preferable state in Russia. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 9–24. (In Russ.)
- Ethnography of the census – 2002*. (2003) Ed. by E. Filippova, D. Arel, K. Gusef. Moscow: Aviaizdat.
- Farahutdinov Sh.F., Hajrullina N.G. (2022) All-russian population census 2020–2021: censusists' point of view. *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 66–73. (In Russ.)
- Iskhakov D.M. (2002) A look at the All-Russian census from Tatarstan (In response to the article by Sokolovsky S.V. "The Tatar problem" in the All-Russian population census). *Ab Imperio* [Ab Imperio]. No. 4: 235–249. (In Russ.)
- Juran S., Pistiner A. (2016) The 2010 Round of Population and Housing Censuses (2005–2014). *Statistical Journal of the IAOS*. Vol. 33. No. 2: 399–406. DOI: 10.3233/SJI-160282.
- Kitchin R. (2017) Big data, new epistemologies and paradigm shift. *Sociologiya: 4M* [Sociology: 4M]. No. 44: 111–152. (In Russ.)
- Krasnopol'skaya I., Solodova G. (2016) National census as an instrument of nation building in the postindustrial age. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 25. No. 1: 55–78. (In Russ.)
- Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2022) Population census as a form of fixing territorial identity in youth assessments. *Vestnik Povolzhskogo In-ta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management]. Vol. 22. No. 2: 62–72. (In Russ.)
- Myagkov A.Yu., Zhuravleva S.L. (2011) Experimental assessment of data quality in a telephone interview. *Sociologiya: 4M* [Sociology: 4M]. No. 32: 26–52. (In Russ.)
- Polyan P. (2004) Preparation, conduct and some qualitative results of the 2002 All-Russian population census. *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly]. No. 155–156. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit01.php> (accessed 20.04.2023). (In Russ.)
- Social and national. Experience of ethno-sociological research based on the materials of the Tatar ASSR*. (1972) Yu.V. Harutyunyan (ed). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Social inequality of ethnic groups: ideas and reality*. (2002) Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Stepanov V.V. (2001) Russian Census 2002: Ways of Measuring the Identity of Large and Small Groups. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii* [Studies in Applied and Urgent Ethnology]. No. 145. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2003) Population censuses and identity construction. In: *On the way to the census*. Moscow: Aviaizdat: 9–38. (In Russ.)
- Treviño Maruri R., Domingo A. (2020) ;Adiós al censo en España? Elementos para el debate / Goodbye to the Spanish Census? Elements for Consideration. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. No. 171: 107–124. DOI: 10.5477/cis/reis.171.107.
- Varshaver E.A. (2022) Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 199–221. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2150. (In Russ.)
- Zakharov S.V., Vishnevsky A.G. (2010) What does Russian demographic statistics know and what does it not know. *Voprosy statistiki* [Bulletin of Statistics]. No. 2: 7–17. (In Russ.)

Received: 08.06.23. Final version: 19.09.23. Accepted: 26.09.23.

А.Б. НЕУСТРОЕВА, А.С. БАРАШКОВА

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В ЯКУТИИ: ПРИЧИНЫ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

НЕУСТРОЕВА Аиза Борисовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональной социологии Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия); доцент кафедры социологии и управления персоналом (aizok@mail.ru); БАРАШКОВА Анастасия Спиридоновна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института региональной экономики Севера (asbarashkova52@mail.ru). Обе – Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. Якутск, Россия.

Аннотация. В статье анализируются вопросы внутрирегиональной миграции через призму стратегий миграционного поведения населения, под которыми подразумеваются предпринятые ранее действия мигранта по смене места проживания, его установки и возможные шаги в будущем. На основе данных социологического исследования и статистических показателей проанализированы частота переездов респондентов, использованные ими средства при последнем переезде, состав одновременно переехавших. Раскрыты различия районов Якутии по коэффициенту миграционной мобильности. Установлена степень выраженности миграционных настроений и ее связь с длительностью проживания респондентов в данном поселении. Показано, что оценка обстоятельств жизни лежит в основе причин не только последнего переезда, но является сильным мотивом принятия решения о смене места проживания в будущем. При этом четко видны различия стратегий поведения потенциальных мигрантов в зависимости от направления переезда, наличия социального капитала на новом месте.

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция • миграционный опыт • потенциальная миграция • стратегии миграционного поведения • акторы миграции • Якутия

DOI: 10.31857/S0132162524010045

Повышенная миграционная мобильность населения северных регионов в советское время традиционно была связана с их обеспечением трудовыми ресурсами [Переведенцев, 1966; Рыбаковский, 1973; Моисеенко и др., 1997]. Быстрый рост населения Якутии за счет внешней миграции происходил в 1950–1980-е гг. при активной государственной поддержке промышленного освоения территорий региона, при этом ставилась задача формирования постоянного населения. Переустройство политической, социально-экономической систем в России 1990-х гг. отразилось на объемах, характере и структуре миграции населения, особенно в северных регионах [Heleniak, 1999; Мотрич, Найден, 2009; Фаузер и др., 2016; Денисов, 2017]. Наблюдаемые явления непосредственно сказались не только на ходе демографических процессов, но косвенно и на формировании этнической, культурной, социальной и профессиональной структуры общества [Зайончковская, 1999; Карачурина, Мкртчян, 2013; Адаптация..., 2022]. Четко выделились районы притока и оттока мигрантов, в число районов-доноров вошла и Якутия. Здесь «пики» числа прибытий внешних мигрантов середины 1980-х гг. сменились провалом в 1990–2010 гг. (с 59,2 тыс. прибывших в 1990 г. до 14,5 тыс. чел. в 2010 г.)¹. Только в последние годы показатель прибытия из-за пределов республики стал расти (в 2022 г. в Республику Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) прибыло 54,1 тыс. чел.)². Эти потоки остались узконаправленными, конкретно в промышленные

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 22-28-20180.

¹ Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. / Саха(Якутия)стат. Якутск, 2022. С. 194.

² Миграция населения Республики Саха (Якутия): Стат. сб.: в 2 т. (т. 1) / Саха (Якутия)стат. Якутск, 2022. С. 8.

центры, где реализуются мегапроекты (Мирнинский, Ленский и Нерюнгринский районы). При этом политика привлечения мигрантов с 1990-х гг. ориентирована на их краткосрочное пребывание, а не длительное проживание, что влечет за собой высокие объемы как прибытий, так и выбытий мигрантов. Миграционные потери республики за 1990–2022 гг. превысили 284,4 тыс. чел.³ В этих условиях роль миграции населения в республике как компоненты укрепления демографического потенциала, на наш взгляд, сильно ослабла по сравнению с советским периодом [Демографические..., 2017: 85].

С 2000-х гг. характер миграционных процессов в Якутии определяется внутренней миграцией, удельный вес которой возрос с 29–37% в 1990-е гг. до 48–63% в последнее десятилетие⁴. Разумеется, выросла численность мигрантов в общем числе жителей районов. Так, если в 2000 г. в сельских районах Якутии (13 из 34 районов) в среднем 50,3 человека приняла участие в миграции, то в 2021 г. – уже 89,0⁵. Основная часть внутренних мигрантов устремлена в города (Якутск, Нерюнгри, Мирный) и центральные районы. В среднем за 2010–2022 гг. на долю прибытий в городскую местность внутри республики приходится более 61,5% всех внутриреспубликанских прибытий, в том числе 40% – на долю Якутска. Концентрация населения в столице Якутии и близлежащих районах приводит к обезлюдению остальной территории, ослаблению трудового и экономического потенциала сел.

В этой связи изучение вопросов внутрорегиональной миграции через призму стратегий миграционного поведения населения Якутии, под которыми мы подразумеваем принятые ранее действия индивида по смене места проживания, а также личностные проективные миграционные установки, возможные шаги в будущем, направленные на достижение поставленной цели, представляются своевременными и актуальными.

Материалы и методы исследования. В данной работе в качестве концептуальной рамки используется теория трех стадий миграционного процесса, при которой на первой стадии обозначается потенциальная готовность и способность к переезду; на второй стадии происходит сам переезд; на завершающей стадии – приживаемость и адаптация на новом месте [Заславская, Рыбаковский, 1978; Рыбаковский, 2019]. Предполагается, что каждой стадии соответствуют свои стратегии поведения акторов миграции, а основой действия (бездействия) является оценка и сравнение условий в местах проживания и возможного переезда, преломленная через основные социально-демографические характеристики мигрантов. Стадии миграционного процесса мы попытались рассмотреть через призму опыта миграции респондентов (частоты смены места жительства, направления и причин последнего переезда). Успешность/неуспешность стадии приживаемости мигрантов анализировалась с помощью оценок обстоятельств жизни до и после переезда, что также позволило выявить выталкивающие и притягивающие факторы в районах Якутии [Lee, 1966].

Эмпирической базой исследования стали результаты социологического опроса, проведенного в марте – апреле 2023 г. Сбор данных проводился методом анкетирования⁶ ($N = 622$) по трехступенчатой квотной выборке среди населения республики старше

³ Общие итоги миграции населения. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasia> (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Общие итоги миграции населения. Официальный сайт ТО ФСГС по РС(Я). URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasia> (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ Коэффициент интенсивности миграционного оборота рассчитывался на 1000 населения. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. / Саха(Якутия)стат. Якутск, 2018. С. 17, 202; Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. / Саха(Якутия)стат. Якутск, 2021. С. 17, 216, 217.

⁶ Анкета исследования включала 32 вопроса, объединенных в следующие блоки: социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, место проживания, брачный статус, уровень образования, место работы, наличие детей, материальное положение); миграционный опыт респондентов; влияние территориального перемещения на материальное, социальное, трудовое положение респондента; потенциальная миграция (личностные установки на изменение места проживания в будущем, мотивы и направления возможного переезда, предпринимаемые действия).

18 лет. По пяти экономическим зонам РС(Я)⁷ были отобраны районы с высокой интенсивностью миграции трудоспособного населения за последние годы⁸. Отдельно был выделен Якутск – столица и центр притяжения сельского населения, где проживает 37,5% жителей республики. Внутри выбранных районов были отобраны поселения в зависимости от их административно-территориального статуса и людности. Всего опросом охвачено 6 городов, 8 поселков и 23 села.

Сбор материала проводился с помощью анкетеров, в том числе привлекались специалисты районных управлений социальной защиты населения и труда при Министерстве труда и социального развития РС(Я), а также посредством онлайн-анкет, распространенных через социальные сети. После сбора данных был проведен контроль и ремонт выборки по таким признакам, как пол, возраст, уровень образования, брачный статус⁹, что позволило обеспечить репрезентативность выборки (ошибка выборки не превышает 5%)¹⁰.

Миграционный опыт и причины миграции. Опрос показал, что 28,7% респондентов ни разу не переезжали из поселения, в котором родились, либо переезжали на короткий срок, но вернулись обратно. В данной группе имобильных респондентов преобладали женщины, молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, лица со средним общим образованием, сельские жители, респонденты, занятые в домохозяйстве и аграрном секторе. Остальные 71,3% респондентов хотя бы раз меняли место жительства, в том числе 29,7% переезжали один раз, 19,3% – меняли место жительства два раза, 11,9% – три раза, 10,4% – четыре и более раз. Средняя частота переездов по всей выборке была невысокой и составила 1,57 раза.

Выявлена связь между частотой переездов и местом проживания – горожане переезжали чаще, чем сельчане¹¹. Это коррелирует с данными переписи 2020 г.: среди сельского населения Якутии доля непрерывно проживающих в месте своего постоянного жительства с рождения составила 72,1%, тогда как среди горожан – 57,8%¹². Кроме того, частота переездов зависела от возраста респондентов (чем старше, тем больше число переездов) и количества детей (чем меньше детей, тем выше частота переездов). Наиболее высокая средняя частота переездов была среди респондентов, проживающих в городах (3,3 раза), в Южной Якутии (2,3), среди лиц старших возрастов (2,2), мужчин с высшим образованием (2,2), представителей коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) (1,8). Реже всего переезжали сельчане (1,3), жители Восточной и Западной Якутии (1,0 и 1,2), респонденты со средним общим образованием (1,0), молодежь (1,2).

Расчет коэффициента мобильности / имобильности населения по экономическим зонам Якутии (табл. 1) показал, что наиболее мобильными являются жители Южной

⁷ Экономические зоны РС(Я) даны согласно перечню в «Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года». URL: <https://mineconomic.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2688227> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ В центральной зоне были отобраны Мегино-Кангаласский, Чурапчинский районы; в западной зоне – Сунтарский, Мирнинский, Нюрбинский; в южной зоне – Нерюнгринский, Алданский; в восточной зоне – Томпонский, Оймяконский; в арктической зоне – Оленекский, Булунский, Верхоянский районы.

⁹ Распределение по полу: 44% мужчин и 56% женщин, средний возраст 43,3 года. Уровень образования респондентов: среднее общее – 17,1%, среднее начальное и среднее профессиональное – 36,1%, незаконченное высшее и высшее – 36,8%. Брачный статус респондентов: 53,1% в браке, 28,2% одинокие, 10% в разводе и 8,8% вдовы. Распределение респондентов по месту жительства: в городах – 54,6%, в поселках – 8,7%, в селе – 36,7%.

¹⁰ Математико-статистическая обработка данных проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 27 посредством составления частотных распределений, таблиц сопряженности, сравнения средних зависимых и независимых переменных, анализа множественных ответов.

¹¹ Для выявления значимости связи между частотой переездов и социально-демографическими характеристиками респондентов был использован критерий Пирсона хи-квадрат.

¹² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Официальный сайт Территориально-го органа Федеральной службы государственной статистики по РС(Я). URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 09.09.2023).

Таблица 1

Коэффициенты миграционной мобильности / иммобильности населения по экономическим зонам Якутии (в % к итогу по столбцам)

Количество переездов	Экономические зоны Якутии					
	Центральная	Западная	Восточная	Южная	Арктическая	Якутск
Ни одного	32,0	40,7	44,4	10,5	24,0	25,1
Один	17,3	27,5	25,9	21,1	32,0	35,3
Два	24,0	17,6	14,8	15,8	28,0	17,8
Три	10,7	11,0	11,1	36,8	16,0	10,2
Четыре и более раз	16,0	3,3	3,7	15,8	–	11,6
Коэффициент мобильности-иммобильности	0,013	–0,363	–0,407	0,368	–0,120	–0,208

Примечание. Коэффициент мобильности вычислялся по следующей формуле: (число респондентов, переезжавших 2 и более раз, – число респондентов, ни разу не переезжавших или переезжавших 1 раз) / число ответивших. Коэффициент, равный нулю, означает, что в выборочной совокупности количество «мобильных» и «иммобильных» одинаковое. Чем ближе коэффициент к +1, тем больше мобильных респондентов, которые переезжали 2 и более раз, и, наоборот, чем ближе к –1, тем больше в выборочной совокупности иммобильных респондентов, не переезжавших ни разу или только один раз.

Источник: составлено авторами по материалам опроса, 2023 г.

Якутии (0,368), а иммобильными – жители Восточной и Западной Якутии (–0,407 и –0,363 соответственно).

Материалы опроса дают возможность показать состав одновременно переехавших и средства, которые позволили им сменить место проживания. Почти в каждом втором случае (44,4%) переезд был совершен совместно с семьей, супругом(ой) и ребенком (детьми). В 38,6% случаев респонденты мигрировали одни, в основном это была молодежь. Абсолютное большинство респондентов, поменявших место проживания хотя бы один раз, осуществили переезд за счет средств семьи (88%). Поддержку от государства при переезде получили 4% респондентов, среди них жители сельских поселений, арктических районов, лица в возрасте 26–35 и 56 лет и старше, имеющие высшее образование, работающие (проработавшие) в бюджетной сфере (образовании, здравоохранении) и промышленности. Средствами предприятий при переезде воспользовались 4,2% мигрантов, среди них мужчины, лица с высшим образованием, занятые в промышленности, строительстве, IT-технологиях, жители Южной Якутии.

Основными причинами последнего переезда для 39,4% респондентов явились семейные обстоятельства, для 21,6% – трудовые, для 19,6% – образовательные, что вполне сопоставимо с данными статистики. В 2022 г. в РС(Я) основными обстоятельствами смены места жительства внутри республики стали личные причины (34,1%), причины, связанные с учебой (23,4%) и работой (15,7%)¹³.

Мотивы миграции существенно различаются в зависимости от половозрастных характеристик респондентов. Среди мотивов женской миграции, за исключением молодых женщин, преобладают семейные и личные обстоятельства: желание дать детям хорошее образование, поиск спутника жизни, миграция ради вступления в брак или его сохранения. Немаловажной причиной для переезда женщин, особенно с возрастом, являются

¹³ Миграция населения Республики Саха (Якутия): Статистический сборник. 2022 год. Том 1 / Саха (Якутия) стат. Якутск, 2023.

проблемы с собственным здоровьем или здоровьем близких, желание получать качественные медицинские услуги и «*быть поближе к своим детям и родным*». Именно среди респондентов старших возрастов больше возвратных мигрантов.

Мужчины среднего и старшего возраста главными причинами переезда назвали поиск подходящей высокооплачиваемой работы, желание решить жилищный вопрос.

Для молодежи до 25 лет важными мотивами миграции служат получение образования и выход на рынок труда, что является общей чертой сельско-городской миграции как в России, так и в зарубежных странах. Среди респондентов в возрасте от 26 до 35 лет наибольшая доля переезжавших руководствовалась мотивом обеспечить комфортную жизнь семье, достойный уровень медицины и образования для детей (17,4%). У 36–55-летних преобладала трудовая миграция, поиск более высокого заработка (21%).

Среди переехавших в южную и арктическую зоны республики каждый пятый приехал с целью трудоустройства на высокооплачиваемую и подходящую работу (20 и 18,8% соответственно). Опрос показал, что 31,2% респондентов из арктической зоны приехали, желая улучшить жилищные условия, в том числе в рамках реализации республиканской программы по обеспечению жильем сельских педагогов и медицинских работников. Отметим, что желание улучшить жилищно-коммунальные условия и благоустройство является важным мотивом переезда из сельской в городскую местность (41,2%).

Сравнение ожидаемых и реальных условий жизни после переезда. Совершенный переезд – это итог совокупности действий индивида (семьи) с учетом влияния множества факторов, приводящий к изменению всех условий жизни участников процесса. Улучшает ли миграция благосостояние переехавших, на какие стороны жизни больше всего влияет переезд? Чтобы ответить на эти вопросы, мы проанализировали мнения респондентов относительно некоторых обстоятельств их жизни до и после последнего переезда. 56,1% респондентов признают, что в целом жизнь после миграции стала лучше. Так, у 56,7% респондентов после переезда улучшились условия для учебы и самообразования. Улучшение материального положения ощутили на себе 52,5% переехавших семейных опрошенных, примерно такой же процент переселившихся решили свои жилищные и трудовые вопросы. Наибольшее число положительных оценок дано респондентами, в разное время поселившимися в Якутске и районах Центральной Якутии.

Негативная оценка («*стало хуже*») встречается реже: она касается досуга и отдыха (у 15,2% опрошенных), условий для лечения, получения медицинской помощи (у 14,4%), жилищных условий (у 13,9%). Больше всего недовольных переездом среди жителей арктических районов, где, по мнению респондентов, фиксируется наибольшая концентрация выталкивающих факторов (табл. 2). Опрошенные указывают на ухудшение условий для лечения и получения медицинской помощи, для учебы и самообразования, качества питания, условий для культурного и спортивного досуга и отдыха. Дегradировали также условия труда, в конечном счете влияющие на материальное положение индивида (семьи). Именно среди этой группы респондентов следует ожидать появления наиболее выраженных миграционных настроений в будущем как итог неоправдавшихся ожиданий.

Опрос показал, что чем дольше мигрант проживает в населенном пункте, тем позитивнее он оценивает обстоятельства своей жизни, и наоборот. Средний оценочный коэффициент обстоятельств жизни респондентов, проживающих в поселении более 11 лет, составил 0,591, при сроке проживания от 6 до 10 лет – 0,423, менее пяти лет – 0,236. Старожилы наиболее оптимистично оценивают свое материальное положение, условия труда и жилье. Новоселы и старожилы сходятся в оценках возможности получить квалифицированную медицинскую помощь, качества питания. Резкие различия в их взглядах фиксируются в отношении возможностей получения образования и проведения досуга.

Различие оценок характерно для лиц разного возраста и уровня образования. Молодежь после переезда отмечает ухудшение питания, материального и жилищного положения (37, 26,1 и 24% соответственно), тогда как среди лиц среднего и старшего возрастов доля ухудшивших свое положение не превышает 14%. Респонденты с высшим

Таблица 2

Оценочные коэффициенты обстоятельств жизни респондентов после переезда по экономическим зонам Якутии

Условия жизни респондентов	Экономические зоны Якутии					
	Центральная	Западная	Восточная	Южная	Арктическая	Якутск
Материальное положение	0,688	0,438	0,727	0,231	-0,182	0,411
Условия работы, оплата труда	0,484	0,387	0,778	0,300	-0,200	0,450
Жилищные условия	0,515	0,265	0,600	0,154	0,333	0,476
Условия для лечения, получения медицинской помощи	0,321	-0,065	-0,1	-0,385	-1	0,525
Условия для учебы, самообразования	0,333	-0,032	-0,1	0,200	-1	0,677
Питание	0,464	0,333	0	-0,154	-0,8	0,269
Досуг, отдых	0,250	-0,2	-0,100	0	-0,667	0,521
В целом ваша жизнь	0,563	0,387	0,818	0,214	-0,500	0,537
В среднем по всем показателям	0,452	0,189	0,328	0,07	-0,502	0,483

Примечание. Коэффициенты вычислялись по следующей формуле: (число респондентов, отметивших улучшение условий, – число респондентов, отметивших ухудшение условий) / число ответивших. Коэффициент, равный нулю, означает, что в выборочной совокупности количество положительных и отрицательных оценок одинаковое. Чем ближе коэффициент к +1, тем больше положительных оценок, и, наоборот, чем ближе к -1, тем больше отрицательных оценок.

образованием чаще других указывают на улучшение почти всех условий своей жизни после переезда.

Итак, смена места проживания в целом способствовала повышению качества жизни участников опроса и улучшению их положения на рынке труда. 74,4% переселившихся с целью устроиться на высокооплачиваемую работу отметили повышение оплаты и улучшение условий труда.

Планы респондентов на миграцию. В ближайшем будущем 17,4% респондентов намерены поменять место жительства, около половины респондентов (48,9%) пока не собираются мигрировать, но при определенных условиях, возможно, переедут. Доля респондентов, которые ни при каких условиях не хотели бы переезжать, составила 30,8%. Полученные данные в сравнении с результатами исследования 2005 г. [Сукнева и др., 2007: 104] говорят о сокращении числа тех, кто уже готовит почву для переезда, и тех, кто вообще не рассматривает миграцию как возможное событие в жизни семьи.

Наибольшая доля респондентов, планирующих вскоре мигрировать, зафиксирована в районах Восточной Якутии (37%). Жители южных и арктических районов чаще остальных не планируют переезд, хотя при определенных условиях, возможно, решатся на смену места жительства (75 и 70,8%). Больше всего приверженцев оседлости – среди жителей Центральной Якутии: 51,4% ни при каких условиях не собираются мигрировать.

Чем дольше респондент проживает в данном районе или поселении, тем ниже значение потенциальной миграции. Среди тех, кто непрерывно проживает в населенном пункте 20 и более лет, доля намеренных переехать составляет 9,3%, тогда как среди респондентов-новоселов – 34,5%. Прослеживается также связь между потенциальной миграцией и демографическими характеристиками респондентов. Так, чаще всего о миграции размышляет молодежь, с возрастом миграционные настроения снижаются. Более выражена

готовность к смене места жительства среди холостых и незамужних респондентов, бездетных, проживающих в городских поселениях. Среди сельских семейных респондентов с детьми намерения переехать редки.

Иная картина складывается при анализе этнического аспекта потенциальной миграции. Так, 34% русских намерены переехать в ближайшем будущем, 47,2% хотят уехать при определенных условиях и только у 13,2% вопрос о переезде не стоял и не будет стоять на повестке дня. Причем большинство этой группы составляют мужчины, которые в качестве основной причины нежелания уезжать назвали любовь к природе, рыбалке и охоте. Среди саха лишь 14,5% планируют переезд в ближайшее время, 51,3% решатся на переезд при определенных обстоятельствах, чаще всего связанных с судьбой детей, и 33,1% – приверженцы оседлости.

Среди представителей КМНС высока доля обсуждающих вопрос переезда, причем 32,1% хотят мигрировать в ближайшее время, 17,9% – при определенных обстоятельствах. Вместе с тем доля КМНС, не собирающихся переезжать, выше, чем у других народов (35,7%). В их высказываниях («нужно поднимать свой поселок», «в городе начинаю задыхаться без природы», «здесь похоронена вся моя родня») видна сила традиционных устоев, сложившихся социальных связей, чувства защищенности в окружении родных.

Среди возможных направлений для переселения в 49,7% случаев респонденты указали другие регионы России, в 47,7% случаев – внутрирегиональные направления и в 25% случаев – другие страны.

Ожидаемо высок процент стремящихся пополнить ряды жителей Якутска (25,6%). Довольно популярным направлением является переезд в село или районный центр (15,5%). Непопулярными оказались поселки городского типа и другие города Якутии.

Выбор предпочтительного места для будущего переезда внутри региона зависит от того, где в данный момент проживает респондент. Выявлено сильное стремление сельских жителей переехать в столицу республики (63,6%). Вторым привлекательным направлением для сельчан являлись районные центры и другие города Якутии (36,4%). Столичных жителей Якутии в основном привлекали другие регионы России и другие страны (68,5 и 44,4% соответственно), возможность внутриреспубликанских перемещений рассматривали лишь 22,3% опрошенных из Якутска. При этом довольно часто горожане планировали переехать в малые села (14,8%), которые, в свою очередь, были малопривлекательны для самих сельских жителей (9,1% сельчан хотели бы переехать в другое село).

Мотивы потенциальной миграции связаны в основном с оценкой социально-экономического положения в конкретном поселении. По частоте упоминаний среди выталкивающих мотивов миграции пальму первенства удерживают высокие цены на продукты питания, товары повседневного спроса, не говоря уже о стоимости товаров длительного пользования, что особенно актуально в арктических районах. Более 43,3% респондентов связывают возможную миграцию с низким уровнем жизни в месте проживания, 41,1% – с отсутствием перспектив и возможностей для саморазвития.

Климат и экология региона важны для 40% опрошенных. Респонденты признаются, что устали от сурового климата, продолжительной холодной туманной зимы без солнца, а летом – лесных пожаров и дыма. На данный фактор как на причину возможной миграции указали 47,1% русских, 42,9% саха и 11,1% представителей северных народов. Воздействие климата на здоровье оказалось очень важным для семей с детьми (45,5%).

Для сельских жителей, намеренных в ближайшее время мигрировать, стимулом к переезду является отсутствие подходящей работы для взрослых членов семьи, ограничения в передвижениях из-за высокой стоимости поездок и плохих дорог, желание обрести специальность. Для горожан более важны высокие цены, суровый неподходящий климат, отсутствие перспектив и возможностей, желание увидеть другие страны и регионы, наличие жилищных проблем.

На желание испытать себя в совершенно иной среде, путешествовать, раскрыть свой личностный потенциал указывают 18–25-летние респонденты (59,1%). Кроме того, 42,4%

молодежи не нравится климат. Третьей причиной потенциальной миграции молодые респонденты называют желание получить образование (39,4%). Для 26–35-летних четко выражены экономические мотивы возможного переезда (56,1%), отсутствие перспектив и возможностей для саморазвития (40,9%). В средней и старшей возрастных группах растет значимость таких причин потенциальной миграции, как забота о здоровье, семейные обстоятельства. Среди лиц старшего возраста 15,8% хотели бы вернуться в родные места, при этом наиболее высокой долей таковых была среди представителей КМНС.

Стратегии при планировании возможного переезда. Разные варианты стратегий миграционного поведения прослеживаются при планировании переезда новичками и опытными мигрантами, семейными и одиночными, сельскими и городскими жителями. Большинство ориентированных на переезд респондентов заблаговременно готовятся, предпринимают различные действия, используют собственные накопленные средства (77%). В вопросах приобретения жилья возможны покупка, обмен, долевое участие, но более реальным является возведение собственного дома силами всей родни, что широко практикуется в Якутии [Барашкова, 1994]. Вместе с тем 23% респондентов, планирующих переезд в ближайшее время, сообщили, что не предпринимали еще никаких действий.

Респонденты, планирующие мигрировать в другой регион России или за рубеж, понимая, что переезд на отдаленное расстояние требует огромных затрат, действовали заблаговременно и довольно разнообразно. Так, 41,7% намеренных переехать в другой регион России и 23,3% – в другую страну совершали неоднократные поездки с целью ознакомления с возможным местом переезда, интересовались условиями проживания (56,2 и 66,7% соответственно), заранее искали или уже нашли работу (10,4 и 23,3%), приобрели жилье (18,8 и 6,7%). Большинство потенциальных внешних мигрантов рассчитывали на собственные накопленные средства, планировали продажу или сдачу в аренду имеющегося в Якутии жилья. Более 10,5% надеялись на всевозможные государственные и грантовые программы по переселению, 6,7% планировали осуществить будущий переезд за счет средств предприятия, где они работают или будут работать.

Стратегия действий потенциальных внутрорегиональных мигрантов зависит от места переезда и может быть охарактеризована как умеренно-активная, в отличие от энергичных действий тех, кто планирует выехать за пределы Якутии. Среди желающих переехать в село половина потенциальных мигрантов не предпринимала никаких существенных шагов, 20% нашли или искали работу, 18,2% интересовались мерами поддержки со стороны предприятия или государства, 10,2% приобрели жилье. Их умеренно-активная стратегия обусловлена тем, что планируется недалекий переезд в поселение со схожими условиями.

Большинство желающих переехать в районный центр или поселок городского типа заранее зондировали возможность трудоустройства (66,7 и 50% соответственно), предварительно выезжали туда и интересовались условиями жизни, однако мало кто приобрел там жилье. Данная группа респондентов возлагает определенные надежды на оплату проезда до нового места жительства, предоставление денежных средств на покупку жилья, помощь в трудоустройстве со стороны государства (66,7%). Среди выразивших желание переехать в районный центр или поселок городского типа достаточно велико число тех, кто ничего не предпринимал (33,2 и 25,4%). Их стратегия скорее выжидательная.

Более активные действия осуществляли те, кто планировал переезд в Якутск: 45,5% респондентов приобрели жилье, 27,3% – нашли работу.

Важное значение при переезде может играть наличие социальных связей на новом месте, так как чаще всего мигрируют туда, где есть знакомые, родственники, друзья, что открывает больший доступ к социальному капиталу через возможности уже живущих там [Massey, 1993]. В нашем исследовании 63,1% потенциальных мигрантов имели знакомства и связи на новом месте, а более 31% переезжали к родственникам, готовым помочь на стадии адаптации. У 36,9% респондентов, планирующих переезд в ближайшее время, не было «тылов» на новом месте, в том числе отсутствовало жилье, не было родственников

и крепких социальных связей, а также гарантий трудоустройства. Однако эта группа не предпринимала каких-либо действий, надеясь на благоприятное стечение обстоятельств.

На наш взгляд, на разных стадиях миграционного процесса набор и характер действий мигрантов могут пересматриваться, видоизменяться. Динамичность самого миграционного процесса, вариативность принимаемых мигрантами решений следует учитывать при совершенствовании мер миграционной политики в Республике Саха (Якутия).

Заключение. На материалах одного конкретного обследования апробирована возможность применения основных положений теории трех стадий миграционного процесса. При всем различии последовательности стадий миграции в теории и на фактическом материале избранный подход работает.

Обнаружена достаточно явная зависимость коэффициента миграционной мобильности, оценки обстоятельств жизни, степени выраженности миграционных настроений от опыта миграции, длительности проживания в данном поселении (районе, зоне) и социально-демографического портрета мигранта.

Основные причины последнего переезда для большинства респондентов чаще всего связаны с вопросами улучшения материального положения, поиском подходящей работы для взрослых членов семьи либо образованием детей. Каждый второй респондент-мигрант признает, что в целом его жизнь после переезда улучшилась. Это касается тех, кто в разное время поселился в Якутске и центральных районах Якутии. Однако сохраняется и негативная оценка миграционного опыта, что служит предпосылкой очередной потенциальной миграции, а стратегия миграционного поведения будущих мигрантов может быть активной, умеренной, выжидательной и пассивной. Стратегия активных действий по поиску финансовых средств, трудоустройству, решению жилищного вопроса чаще характерна при переезде в столицу республики. Стратегия умеренных действий более присуща для тех, кто планирует переезд в знакомую среду. Выжидательная стратегия основана преимущественно на ожиданиях гарантированного доступа к социальному капиталу на новом месте. Пассивная стратегия или абсолютное бездействие – расчет на случай, благоприятное стечение обстоятельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Барашкова А.С. Жилищные условия молодых семей на Севере (на примере Республики Саха (Якутия)) // Социологические исследования. 1994. № 7. С. 115–119.
- Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. Якутск: Сахаада, 2017.
- Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах Российского Севера в 1990–2010-е гг. // Региональные исследования. 2017. № 2(56). С. 44–55.
- Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8. № 4. С. 22–34.
- Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–66.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центрo-периферийные соотношения // Вопросы географии. 2013. № 135. С. 82–107.
- Моисеенко В.М., Чудиновских О.С., Донец Е.В. Миграция и семейный состав населения // Домохозяйство, семья и семейная политика / Под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверевой. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 73–87.
- Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67.
- Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, 1966.
- Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3. Теория трех стадий миграционного процесса. М.: Экон-Информ, 2019.
- Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973.

- Сукнёва С.А., Кузьмина Р.А., Барашкова А.С. Миграционные настроения населения северных районов Якутии. Сб. науч. раб. 2007. Вып. 13. С. 103–113.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг. / Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: СГУ им. П. Сорокина, 2016.
- Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999. № 3. P. 155–205.
- Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
- Massey D. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. No. 2. P. 431–466.

Статья поступила: 21.08.23. Финальная версия: 25.10.23. Принята к публикации: 15.11.23.

INTRAREGIONAL MIGRATION IN YAKUTIA: CAUSES AND STRATEGIES OF POPULATION BEHAVIOR

NEUSTROEVA A.B., BARASHKOVA A.S.

North-Eastern Federal University, Russia

Aiza B. NEUSTROEVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Research Fellow of the Center for Regional Sociology of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia); Assoc. Prof. of the Department of Sociology and Personnel Management (aizok@mail.ru); Anastasia S. BARASHKOVA, *Cand. Sci. (Econ.)*, Research Fellow, Institute of Regional Economics of the Research Institute of Regional (asbarashkova52@mail.ru). Both – North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Acknowledgements. The study was prepared within the framework of the RSF project No. 22-28-20180.

Abstract. The article analyzes the issues of intraregional migration through the prism of migration behavior strategies of the population, which mean the actions taken earlier by a migrant to change his place of residence, his attitudes and possible steps in the future. Based on the data of a sociological study and statistical indicators, the frequency of respondents' relocations, the funds they used during the last move, and the composition of those who moved at the same time were analyzed. The differences between the regions of Yakutia in terms of the coefficient of migration mobility are revealed. The degree of severity of migration sentiments and its relationship with the length of residence of respondents in this settlement has been established. It is shown that the assessment of life circumstances underlies the reasons not only for the last move, but is a strong motive for making a decision to change the place of residence in the future. At the same time, differences in the behavior strategies of potential migrants are clearly visible, depending on the direction of relocation, the availability of social capital in a new place.

Keywords: intraregional migration, migration experience, potential migration, migration behavior strategies, migration actors, Yakutia.

REFERENCES

- Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators* (2022). Ed. by V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva. Moscow: FNIISTC RAN. (In Russ.)
- Barashkova A.S. (1994) Housing conditions of young families in the North (on the example of RS (Ya). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 115–119. (In Russ.)
- Demographic processes in the Republic of Sakha (Yakutia): territorial aspect* (2017). Yakutsk: Sahaada. (In Russ.)
- Denisov E.A. (2017) Migration processes in the cities of the Russian North in the 1990–2010-ies. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional studies]. No. 2 (56): 44–55. (In Russ.)
- Fauser V.V., Lytkina T.S., Fauser G.N. (2016) *Demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000*. Ed. by V.V. Fauser. Syktvykar: SGU im. P. Sorokina. (In Russ.)
- Heleniak T. (1997) Internal Migration in Russia during the Economic Transition. *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 38(2): 81–104.
- Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. (2013) Population change in administrative districts and cities of Russia (1989–2010): central-peripheral relations. *Voprosy geografii* [Questions of geography]. No.135: 82–107. (In Russ.)

- Lee E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1: 47–57.
- Massey D. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 2: 431–466.
- Moiseenko V.M., Chudinovskikh O.S., Donets E.V. (1997) Migration and family composition of the population. In: *Household, family and family policy* / Ed. by V.V. Elizarov, N.V. Zvereva. Moscow: Dialog-MGU: 73–87. (In Russ.)
- Motrich E.L., Found S.N. (2009) Population and social development of the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economy]. No. 2: 47–67. (In Russ.)
- Perevedentsev V.I. (1966) *Migration of the population and labor problems of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Rybakovsky L.L. (1973) *Regional analysis of migrations*. Moscow: Statistika. (In Russ.)
- Rybakovsky L.L. (2019) *History and theory of population migration*. B. 3. *The theory of the three stages of the migration process*. Moscow: Econ-Inform. (In Russ.)
- Sukneva S.A., Kuzmina R.A., Barashkova A.S. (2007) Migration sentiments of the population of the northern regions of Yakutia. In: *Institute of Social Problems of Labor (Yakutsk). Coll. of scientif. papers*. Iss. 13: 103–113. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I., Rybakovsky L.L. (1978) Migration processes and their regulation in socialist society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 56–66. (In Russ.)
- Zayonchkovskaya Zh.A. (1999) Internal migration in Russia and the USSR in the XX century as a reflection of social modernization. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 8. No. 4: 22–34. (In Russ.)

Received: 21.08.23. Final version: 25.10.23. Accepted: 15.11.23.

© 2024 г.

Н.С. ВОРОНИНА

ДИНАМИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН (по результатам исследований 1995–2023 гг.)

ВОРОНИНА Наталья Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИЦС РАН, Москва, Россия (navor@bk.ru).

Аннотация. В статье анализируется динамика межэтнических установок россиян на основе пяти волн исследования 1995–2023 гг. На материалах лонгитюдного исследования RUSSET (Российские социально-экономические тренды) и исследования ЦЕССИ показано, что межэтнические установки россиян значительно изменились за 28 лет. В 2023 г. наблюдается тренд уменьшения негативных межэтнических установок к представителям национальных меньшинств, что может быть связано с переносом внимания населения на СВО и конфронтацию с «коллективным Западом». Негативные межэтнические установки наиболее распространены в возрастной группе 66 лет и старше, что связано с отсутствием контакта их представителей с людьми других национальностей. Позитивные межэтнические установки распространены среди респондентов с высоким уровнем образования, а также ощущающих себя безопасно в ближайшем окружении. В 1995, 1996 и 1999 гг. межэтнические установки россиян связаны с показателем доверия: чем меньше доверия к людям, тем негативнее межэтнические установки. В 2023 г. с межэтническими установками сильнее всего связана частота контактов с представителями нацменьшинств, а именно – наличие в семье представителей нацменьшинств увеличивает положительные межэтнические установки.

Ключевые слова: межэтнические (межнациональные) установки • межэтнические отношения • лонгитюдное исследование • доверие • контакт • национальные меньшинства

DOI: 10.31857/S0132162524010055

За последние 30 лет в нашей стране произошли значительные экономические, социальные, политические трансформации, оказавшие существенное влияние на установки россиян. Постсоветский период российской истории насыщен и противоречив: уже в начале 1990-х гг. стало понятно, что «конец истории», провозглашенный Ф. Фукуямой, не случился, весь мир и Россия столкнулись с вызовами, которые определяют вектор исторического развития. Распад СССР и образование независимых государств оказали влияние на межэтнические отношения. Одной из важных проблем, с которой столкнулась Российская Федерация, стала проблема поиска баланса межэтнических установок [Кузнецов, 2017], позволяющего, с одной стороны, уменьшить риски межэтнической напряженности, открытых конфликтов на этнической почве, а с другой – увеличить уровень солидаризации и принятия культурного разнообразия в российском обществе. За период исследования – с 1995 по 2023 г. – произошло множество событий, которые могли отразиться на

межэтнических установках¹ россиян: террористические акты (например, взрывы домов в 1999 г., Беслан в 2004 г. и др.), военные конфликты (первая и вторая чеченские войны, СВО), использование националистической риторики политическими лидерами (например, президентская кампания В. Жириновского в 1996 г.), экономические кризисы (дефолт 1998 г., финансово-экономический кризис 2008 г. и др.). В настоящий момент весь мир и Россия столкнулись с новыми вызовами, запускающими экономические трансформации, обостряющими социальные противоречия.

Проблема межэтнических отношений приобретает особую актуальность на фоне СВО. В стратегии государственной национальной политики до 2025 г. подчеркивается необходимость создания условий для обеспечения межнационального мира, в особенности на приграничных территориях, в связи с чем отмечается необходимость мониторинга состояния сферы межэтнических отношений². Знание о том, насколько стабильными или изменчивыми являются межэтнические установки на протяжении длительного периода времени, расширяет понимание того, какие факторы могут способствовать нормализации межэтнических отношений. Цель статьи – рассмотреть динамику межэтнических установок россиян в период с 1995 по 2023 г., а также определить факторы, связанные с межэтническими установками россиян в указанный период.

Межэтнические установки в работах социологов и социальных психологов. Предыдущие исследования стабильности межэтнических установок в целом показали, что они динамичны и связаны с общесоциальной, политической и экономической ситуацией в стране [Дробижева, 2011, Щеголькова, 2020], однако лонгитюдных исследований в России на эту тему нами не было обнаружено.

Анализируя факторы, связанные с межэтническими установками, обратимся к исследованиям социологов, социальных психологов (например: Г. Олпорт, Т. Адорно, Г. Блумер, Дж. Берри, Д. Кэмпбелл, А. Тэшфел, Дж. Тернер, У. Стефан, К. Стефан, Л. Тропп, Т. Петтигрю, Б. Мельман, Э. Давидов, В. Тартаковски, Т. Стефаненко, Л. Дробижева, Н. Лебедева, А. Татарко, Д. Григорьев, В.А. Тишков, Э.А. Паин и др.) и условно выделим следующие уровни описанных ими теорий: *теории индивидуального уровня* и *теории группового уровня*. Последователи теорий индивидуального уровня рассматривают в качестве ключевого фактора личностные качества участников групп (например, теория авторитарной личности Т. Адорно, авторитаризм правого толка Б. Альтмеер и др.) и отмечают, что мужчины более склонны иметь негативные межэтнические установки, чем женщины. В исследованиях выявлена зависимость межэтнических установок от возраста – молодые люди более склонны проявлять негативные межэтнические установки: «у молодых людей бывают порой бунтарские идеи, но, когда они взрослеют, они должны это преодолеть и успокоиться» [Adorno et al., 1950: 220].

Теории группового уровня связывают межэтнические установки с принадлежностью человека к социальной группе: 1) *теория групповой угрозы* (Г. Блумер и др.), суть которой заключается в конкуренции за ограниченные ресурсы между национальными меньшинствами и этническим большинством, тогда первые воспринимаются как угроза в борьбе за ресурсы; 2) *теория социальной идентичности* (А. Тэшфел, Дж. Тернер) описывает знание о принадлежности к определенной социальной группе, участники которой положительно идентифицируют себя со своей собственной группой, негативно оценивая отличные от них группы; 3) *теория контакта*, предложенная Г. Олпортом, предполагает

¹ Под *межэтническими установками* в данной работе будем понимать «установки на взаимодействие (отрицательное или положительное) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде – от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития или еще шире – иных цивилизационных форм» [Арутюнян и др., 1999: 160].

² Указ Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» в редакции от 06.12.2018 г. № 703 см.: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 08.10.2023).

ослабление негативных межэтнических установок при наличии продолжительного, неслучайного контакта между представителями этнического большинства и национальных меньшинств. Исследования Т. Петтигрю и Л. Тропп подтвердили гипотезу Г. Олпорта: между контактом и силой предрассудков существует значимая корреляция.

Теории изучения факторов, связанных с межэтническими установками, не ограничиваются перечисленными, но важно упомянуть наиболее применяемые в современных эмпирических работах. Подробно историю изучения межэтнических установок и влияющих на них факторов см.: [Дробижева, 2015; Фадеев 2017]. Многолетние исследования Л.М. Дробижевой и сотрудников Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН показали, что на межэтнические установки могут влиять исторический и политический контексты, культурные факторы, к которым относится религиозная принадлежность, а также контекстные факторы – наиболее острые социальные, экономические проблемы. Исследования, выполненные в рамках теории контакта, позволили установить: важны характер и разнообразие контакта, то есть более вероятно, что контакт является фактором благоприятных отношений, когда имеет место длительное и неформальное общение с представителями иных этносов, а также когда взаимодействующие группы обладают схожим статусом. Среди индивидуальных факторов Л.М. Дробижева отмечала, что наиболее этнически предубежденные люди встречаются среди мужчин в возрасте 18–24 лет, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, менее образованных и менее удовлетворенных работой [Дробижева, 2017: 120]. С.В. Рыжовой показано, что доверие является одной из основ этнической толерантности [Рыжова, 2016].

В работе Е.Ю. Щегольковой прослежена связь межэтнических установок и социального самочувствия, в частности, с такими показателями, как самооценка материального благополучия, удовлетворенность жизнью, и с материальным положением, а также эмоциональным состоянием [Щеголькова, 2022: 152]. Е.М. Арутюновой выявлены в качестве факторов, связанных с межэтническими установками, субъективное ощущение безопасности в темное время суток в собственном районе, а также доверие институтам власти [Арутюнова, 2010: 19].

Личное осмысление того, к какой этнической группе принадлежит индивид и какие поведенческие паттерны применимы в отношении других этнических групп, могут быть основаны на общем понимании действительности, транслируемом в СМИ. Поэтому можно ожидать, что межэтнические установки связаны с количеством времени, которое респонденты тратят на просмотр и чтение массмедиа, а также на обсуждение новостей в кругу семьи. Данная связь показана, например, в работе М. Эхала, А. Забродской [Ehala, Zabrodskaja, 2011].

В развитие темы представлены некоторые результаты исследования, где межэтнические установки были одной из ключевых проблем. Описанные факторы индивидуального и группового уровня легли в основу эмпирического анализа.

Эмпирическая база исследования. Общероссийский опрос о межэтнических установках россиян является частью исследовательского проекта «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е». Опрос проведен ЦЕССИ в июле 2023 г. методом телефонных компьютеризированных интервью по случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше. Выборка строилась на основе случайной генерации мобильных и стационарных телефонных номеров по всей территории РФ ($N = 1006$). В генеральную совокупность не вошло население, не имеющее постоянного доступа к мобильной или стационарной телефонной связи. Опрос проходил на протяжении трех недель, по каждому номеру было сделано не менее пяти звонков в разные дни недели и разное время дня, чтобы увеличить достижимость отобранных единиц. Структура полученной выборки близка генеральной совокупности по основным социально-демографическим и географическим показателям. Дополнительно был построен демографический вес для корректировки половозрастной структуры выборки внутри федеральных округов. Всего в опрос были включены выборочные единицы из 76 федеральных округов и более 150 населенных пунктов РФ.

Целью опроса являлось получение данных для временного сравнения показателей – середины 1990-х гг. и 2023 г. Для сравнения используются данные исследования RUSSET (Российские социально-экономические тренды), полученные на основе общероссийской выборки населения 18 лет и старше методом личных интервью по месту жительства. Вопросы о межэтнических установках были включены в третью волну панели 1995 г. ($N = 2273$), четвертую 1996 г. ($N = 2073$) и седьмую 1999 г. ($N = 2867$). Также мы используем некоторые данные шестой волны 1998 г. ($N = 2001$) для анализа установок, связанных с этноцентризмом. Для каждой волны построен демографический вес, чтобы скорректировать смещения по основным социально-демографическим параметрам вследствие движения панели по времени и ее осыпания.

Межэтнические установки россиян. Для оценки межэтнических установок респондентам предлагалось определить, насколько они согласны или не согласны с приведенными на рис. 1 суждениями о национальных меньшинствах по 5-балльной шкале, где 5 означало полностью согласны, а 1 – совершенно не согласны. Для наглядности представления результатов приведены только варианты согласны и полностью согласны. При упоминании в формулировках вопросов словосочетания «национальные меньшинства» интервьюер уточнял, что речь идет о представителях национальностей, которые составляют меньшинство в России – татары, башкиры, белорусы и так далее.

Практически по всем вопросам наибольшая доля согласных с суждениями респондентов, характеризующихся негативными межэтническими установками, приходится на 1999 г. – год, запомнившийся серией терактов, а также началом второй чеченской войны.

Несмотря на то что присутствует достаточно большой процент респондентов, согласных с утверждением о том, что культуры нацменьшинств обогащают русскую культуру (например, 65,3% в 2023 г.), результаты носят несколько амбивалентный характер. С одной стороны, мы видим, что согласие с данным утверждением увеличилось на 8,8% за 28 лет.

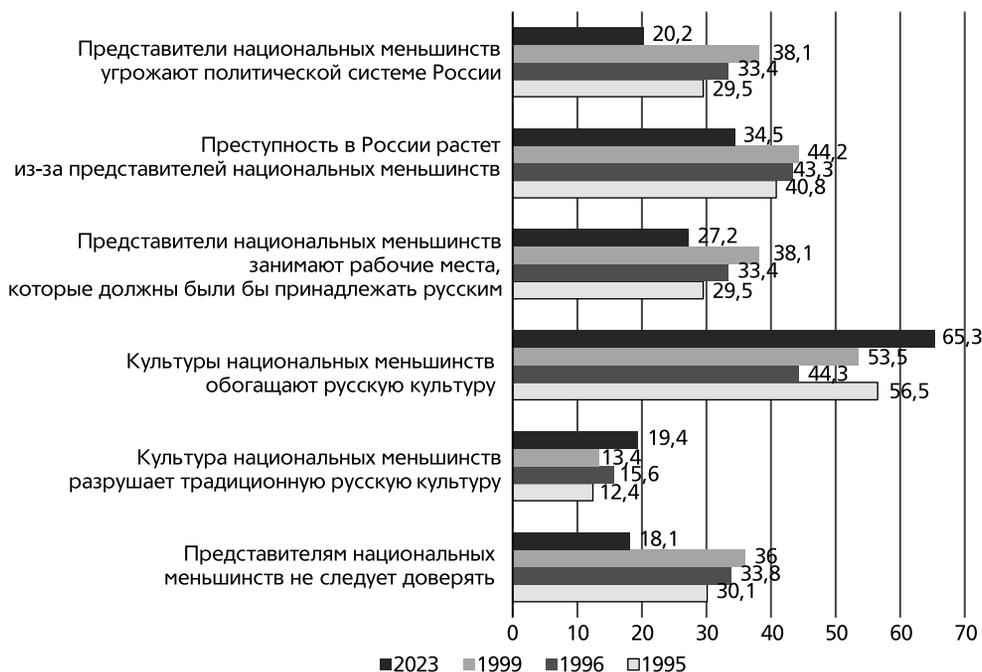

Рис. 1. Доля скорее согласных и полностью согласных с утверждениями о национальных меньшинствах, в %

Рис. 2. Динамика оценок согласных/полностью согласных респондентов с утверждениями, характеризующими этноцентрические установки за 1998 и 2023 гг., %

В то же время с противоположным по смыслу суждением о том, что культура национальных меньшинств разрушает традиционную русскую культуру, доля согласных тоже увеличилась на 7,7%, если сравнить значения 1995 и 2023 гг.

В целом межэтнические установки россиян значительно изменились за 28 лет, а именно: произошло уменьшение негативного отношения к представителям национальных меньшинств. Такой вывод можно сделать по динамике некоторых ответов: «представители нацменьшинств угрожают политической системе России» (значение уменьшилось на 9,1% за 28 лет); «преступность в России растет из-за представителей нацменьшинств» (уменьшилось на 6,3%); «представители нацменьшинств занимают рабочие места, которые должны были бы принадлежать русским» (уменьшилось на 2,6%); «представителям нацменьшинств не следует доверять» (уменьшилось на 12,2%).

Изменение оценок россиян может быть частично объяснено смещением фокуса внимания на более насущные проблемы, такие как СВО и последствия западных санкций. Согласно опросу Левада-Центра* в марте 2023 г. позиция «рост национализма, ухудшение межнациональных отношений» находилась на шестой строчке с конца среди 24 проблем, которые тревожат респондентов³. Наши результаты согласуются с исследованием Н.Е. Тихоновой, И.В. Дудина, согласно которому снижение значимости межэтнических противоречий в обществе говорит «о консолидации массовых слоев общества под влиянием усиления конфронтации с “коллективным Западом”» [Тихонова, Дудин, 2023: 19]. По сравнению с 1998 г. произошли значительные сдвиги по переменным «западное влияние разрушает традиционные российские ценности» (доля согласных с утверждением увеличилась на 52,2% при сравнении 2023 и 1998 гг.), «Россия – это особенная страна, которая принципиально отличается от Запада, и поэтому должна идти своим путем» (доля согласных увеличилась на 70,4%).

³ Представления о проблемах российского общества // Левада-Центр. 07.09.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/09/07/predstavleniya-o-problemah-rossijskogo-obshhestva-avgust-2023-goda/> (дата обращения: 08.10.2023). *Левада-Центр включен в реестр иноагентов РФ.

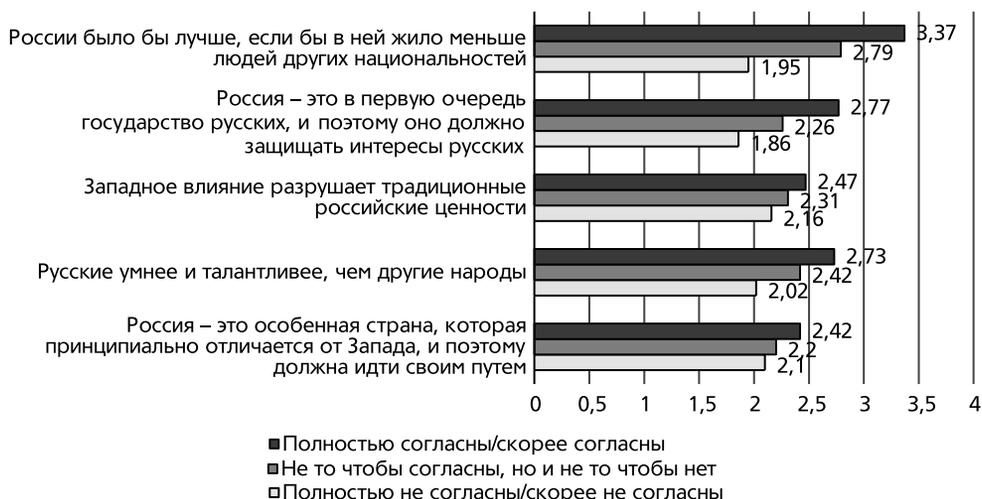

Рис. 3. Средние значения межэтнических установок в группах с различными этноцентрическими установками, 2023 г.

Были составлены специальные интегральные переменные, отражающие межэтнические установки⁴ (рассчитана как средняя от переменных, представленных на рис. 1.; переменная «культуры национальных меньшинств обогащают русскую культуру» была перевернута таким образом, что 5 означало «совершенно не согласен», а 1 – «полностью согласен», что позволило создать единый показатель. Наименьшее значение этого показателя означало полюс позитивных межэтнических установок, а наибольшее значение – негативных). Всего получены четыре переменные, отражающие межэтнические установки за каждый год исследования⁵.

Рассчитаны средние значения по интегральной переменной, отражающей межэтнические установки россиян в 2023 г. в группах «полностью/скорее согласных», «не то чтобы согласных, но и не то чтобы нет» и «полностью/скорее не согласных» по переменным, представленным на рис. 2. Наибольшее значение интегральной переменной отражает наиболее негативные межэтнические установки. Как видно из результатов (рис. 3), наибольшее значение приходится на группы «полностью и скорее согласных» по переменным «России было бы лучше, если бы в ней жило меньше людей других национальностей» (3,37), «Россия – это в первую очередь государство русских, и поэтому оно должно защищать интересы русских» (2,77), «Русские умнее и талантливее, чем другие народы» (2,73), «западное влияние разрушает традиционные российские ценности» (2,47), «Россия – это особенная страна, которая принципиально отличается от Запада, и поэтому должна идти своим путем» (2,24).

Таким образом, результаты исследования показывают, что респонденты, полностью и скорее согласные с данными утверждениями, в среднем имеют наиболее негативные межэтнические установки, что подтверждает связь негибких этноцентрических убеждений, проявляющуюся в ярко выраженном ингрупповом фаворитизме, с негативными межэтническими установками. Однако, как показывает рис. 2, подобные установки не сильно распространены среди россиян. Например, с утверждением «России было

⁴ Показатель Альфа Кронбаха равен 0,9 в каждой волне исследования, что говорит об адекватности объединения переменных (рис. 1) в интегральные переменные «межэтнические установки».

⁵ За 1998 г. данные переменные не были включены, так как не были включены в анкету этого года исследования.

бы лучше, если бы в ней жило меньше людей других национальностей» доля согласных в 2023 г. составляла 24,3% по сравнению с 53,7% в 1998 г., а также немного уменьшился процент согласных с утверждением «русские умнее и талантливее, чем другие народы» (с 45,4% в 1998 г. до 42,6% в 2023 г.). Увеличение доли согласных респондентов касается суждений, которые отражают консолидацию общества против «коллективного Запада», это суждения о защите интересов русских, о влиянии Запада на традиционные русские ценности и об особом пути развития России.

Социально-демографические профили. Среди социально-демографических переменных показатель, отражающий межэтнические установки, дифференцируется только по возрасту и уровню образования. Ни по типу поселения, ни по религиозности, ни по полу статистически значимых различий не обнаружено.

Установлена следующая тенденция: в самой старшей возрастной группе респонденты более склонны к негативным межэтническим установкам во всех волнах исследования (табл. 1). Наиболее положительные межэтнические установки варьируются в зависимости от волны исследования. Например, в 1995 г. положительные межэтнические установки наблюдаются в возрастных группах 26–33, 42–49, 34–41-летних, показатели которых между собой статистически значимо не различаются. В 1996 г. – в группе 34–41-летних. В 1999 г. – в группе самых молодых – 18–25 лет. А в 2023 г. положительно настроены группы 50–57-летних и 18–25-летних.

Дальнейший анализ показал, что сильнее всего распределение значений межэтнических установок в зависимости от возраста дифференцируется по частоте контакта с представителями национальных меньшинств. Результаты показывают одну и ту же тенденцию в 1996 и в 2023 гг. (табл. 2): чем старше респондент, чем реже он встречается с представителями нацменьшинств, тем негативнее у него межэтнические установки.

При этом дополнительные вопросы, заданные только в волне 2023 г., показывают, что в старшей возрастной группе превалирует доля респондентов, которые никогда не бывали в бывших республиках Советского Союза и в странах «дальнего зарубежья», и именно у этой группы респондентов (66 лет и старше) распространены наиболее негативные межэтнические установки. В группе 66 лет и старше среднее значение показателя межэтнических установок у тех, кто никогда не выезжал в указанные места, составляет 2,71, в то время как, например, в группе 18–25-летних, которые выезжали много раз, этот показатель равен 2,20.

Таблица 1

Средние значения по показателю межэтнических установок в различных возрастных группах

Год исследования	18–25	26–33	34–41	42–49	50–57	58–65	66 и старше
1995	2,66* (0,84)	2,58 (0,78)	2,55 (0,81)	2,54 (0,85)	2,68* (0,98)	2,89* (0,88)	2,98* (0,90)
1996	2,80* (0,84)	2,76 (0,84)	2,68* (0,86)	2,74 (0,85)	2,86* (0,93)	2,99* (0,94)	3,20* (0,94)
1999	2,57* (0,87)	2,69* (0,84)	2,82* (0,87)	2,87* (0,93)	2,76* (0,95)	2,99* (0,96)	3,11* (0,89)
2023	2,30 (0,84)	2,40* (0,99)	2,39* (0,99)	2,42* (0,93)	2,29 (0,99)	2,31* (0,99)	2,44* (0,99)

Примечание. Здесь и далее применяются сравнения средних значений для параметрических данных (однофакторный дисперсионный анализ, Т-критерий Стьюдента), что обусловлено нормальным распределением данных (проверка осуществлена с помощью теста Колмогорова – Смирнова). Здесь и далее знаком * отмечены средние значения в группах, которые статистически значимо различаются между собой. В скобках указаны значения стандартного отклонения.

Таблица 2

Средние значения межэтнических установок в зависимости от частоты контакта с представителями национальных меньшинств, с применением фильтра по возрастным группам за 2023 г.

Частота контакта с представителями нацменьшинств	18–25	26–33	34–41	42–49	50–57	58–65	66 и старше
Никогда/редко	2,57* (0,83)	2,73* (0,99)	2,77* (0,90)	2,73* (0,91)	2,75* (0,98)	2,77* (0,91)	2,80* (0,99)
Иногда	2,32* (0,93)	2,55* (0,94)	2,42* (0,83)	2,25* (0,84)	2,16* (0,94)	2,21* (0,93)	2,20* (0,82)
Часто/очень часто	2,01* (0,67)	2,02* (0,98)	2,00* (0,86)	2,05* (0,78)	2,04* (0,90)	2,06* (0,78)	2,07* (0,90)

Значения интегральной переменной, отражающей межэтнические установки, также дифференцируются по уровню образования: чем выше уровень образования, тем меньше среднее значение интегральной переменной, тем менее распространены негативные межэтнические установки. А также в зависимости от того, чувствуют ли себя респонденты безопасно в своем районе в темное время суток. Среди тех, кто не чувствуют себя в безопасности, наблюдаются более высокие средние значения по интегральной переменной, более негативные межэтнические установки.

Факторы, связанные с межэтническими установками россиян. Нами были построены регрессионные модели⁶ с постепенным включением переменных отдельно по каждому году исследования. В качестве зависимой переменной выступала интегральная переменная, отражающая межэтнические установки россиян, в качестве независимых подбрани переменные – аналоги факторов, предположительно связанных с межэтническими установками, описанные в разделе о работах предшественников.

В итоговой модели за 1995 г. (табл. 3) коэффициент детерминации составил 0,23⁷. Четыре переменные связаны с зависимой переменной на статистически значимом уровне,

Таблица 3

Факторы, связанные с межэтническими установками россиян в 1995 г., результаты линейного регрессионного анализа

Независимые переменные	Нестандартизованный бета-коэффициент	Стандартная ошибка	Стандартизованный бета-коэффициент	t	Значимость
Год рождения респондента	-0,003	0,001	-0,054	-2,096	0,036
Размер населенного пункта	0,018	0,008	0,056	2,362	0,018
В наши дни трудно понять, кому еще можно доверять	0,087	0,019	0,113	-4,578	0,000
Трудовое положение: работает	-0,074	0,046	-0,097	-3,772	0,000

⁶ Всего было построено 59 моделей, мы приводим итоговые результаты с наибольшим значением коэффициента детерминации (приведены только значимые коэффициенты). Применение линейной регрессии обосновано нормальным распределением данных. 1. Были осуществлены проверки независимых переменных на мультиколлинеарность с помощью корреляционного анализа. Результат показал, что в данных отсутствует корреляция, превышающая 0,6 на статистически значимом уровне (коэффициент Пирсона), следовательно мультиколлинеарность отсутствует. 2. Дисперсионный анализ показал, что везде подтверждается нулевая гипотеза о гомогенности дисперсии (остатки гомоскедастичны).

⁷ Приведены значения скорректированного R².

Таблица 4

Факторы, связанные с межэтническими установками россиян в 1996 г., результаты линейного регрессионного анализа

Независимые переменные	Нестандартизованный бета-коэффициент	Стандартная ошибка	Стандартизованный бета-коэффициент	t	Значимость
Как часто вы общаетесь с представителями национальных меньшинств	-0,151	0,019	-0,195	-8,095	0
В наши дни трудно понять, кому еще можно доверять	0,125	0,019	0,155	6,440	0

Таблица 5

Факторы, связанные с межэтническими установками россиян в 1999 г., результаты линейного регрессионного анализа

Независимые переменные	Нестандартизованный бета-коэффициент	Стандартная ошибка	Стандартизованный бета-коэффициент	t	Значимость
Год рождения респондента	0,007	0,001	0,123	-6,018	0
В наши дни трудно понять, кому еще можно доверять	0,206	0,17	0,241	12,123	0

но лишь одна имеет значение стандартизованного бета-коэффициента больше, чем 0,1, по модулю – это переменная, отражающая доверие. Наблюдается прямая зависимость: чем больше респонденты согласны с утверждением «в наши дни трудно понять, кому еще можно доверять», тем больше значение интегральной переменной, тем более негативны межэтнические установки респондентов.

В итоговой модели за 1996 г. (табл. 4) коэффициент детерминации составил 0,32. В данной модели две переменные связаны с зависимой переменной. Наибольший вклад вносит переменная частоты общения с представителями национальных меньшинств: чем реже общаются, тем негативнее межэтнические установки. Также есть связь с переменной доверия, чем больше согласны с утверждением о том, что в наши дни трудно кому-то доверять, тем более негативны межэтнические установки.

В итоговой модели за 1999 г. (табл. 5) коэффициент детерминации составил 0,32. Здесь две переменные связаны с зависимой переменной. Наибольший вклад вносит переменная доверия: чем больше согласны с утверждением о том, что в наши дни трудно кому-то доверять, тем более негативны межэтнические установки.

Также связь есть с переменной возраста: чем старше, тем более негативны межэтнические установки.

В итоговой модели 2023 г. (табл. 6) коэффициент детерминации составил 0,27. С зависимой переменной наиболее сильно связана переменная, отражающая наличие/отсутствие в семье респондента представителей национальных меньшинств. Наличие в семье такого человека увеличивает положительные межэтнические установки, так же, как и наличие высшего образования. В то время как переменная субъективной оценки того, какую долю жителей округа составляют представители нацменьшинств, находится

Таблица 6

Факторы, связанные с межэтническими установками россиян в 2023 г., результаты линейного регрессионного анализа

Независимые переменные	Нестандартизованный бета-коэффициент	Стандартная ошибка	Стандартизованный бета-коэффициент	t	Значимость
Сколько % от жителей вашей округи составляют представители национальных меньшинств	0,117	0,002	0,146	3,777	0
В семье есть представители нацменьшинств	-0,412	0,084	-0,189	-4,907	0
Образование: высшее	-0,348	0,080	-0,179	-4,351	0

с зависимой переменной в следующих отношениях: чем большим респонденту кажется доля представителей нацменьшинств, тем более негативны его межэтнические установки.

Заключение. В период с 1995 по 2023 г. произошли значительные изменения в межэтнических установках россиян. Наиболее негативные оценки фиксируются в 1999 г., что может быть связано с контекстом тех лет. Если сравнивать данные по годам, наблюдается тенденция увеличения положительных оценок по суждениям о межэтнических отношениях в 2023 г. Она может быть частично объяснена переносом фокуса внимания с межэтнических отношений на события, связанные с конфликтом на Украине, а также борьбой со странами «коллективного Запада», что косвенно подтверждают наши данные: результаты демонстрируют значительное увеличение доли респондентов, считающих, что западное влияние разрушает традиционные российские ценности, а Россия должна идти своим путем.

Исследование показало, что установки дифференцируются по возрасту, но связь носит нелинейный характер: наиболее негативны установки в группе 66-летних и старше во всех волнах исследования, тогда как наиболее положительные установки свойственны различным возрастным группам в зависимости от года опроса. Негативные межэтнические установки в группе 66-летних и старше связаны с контактами с представителями нацменьшинств: чем старше респондент, чем реже он встречается с представителями нацменьшинств, тем хуже и негативнее у него межэтнические установки. При этом негативные установки усиливаются в случае, если респондент никогда не выезжал в бывшие республики СССР и в страны дальнего зарубежья.

Позитивные межэтнические установки связаны с высоким уровнем образования и ощущением безопасности ближайшего окружения.

Регрессионный анализ факторов, влияющих на межэтнические установки россиян, показал, что доверие является устойчивым предиктором, который воспроизводится в 1995, 1996 и 1999 гг. Чем выше уровень доверия, тем менее негативны межэтнические установки. В 2023 г. главным предиктором становится контакт с представителями национальных меньшинств. Если в семье есть представители нацменьшинств, растут и положительные межэтнические установки. Связь есть и с уровнем образования, а также с оценкой респондентами доли нацменьшинств в составе жителей округи – в случае, если она оценивается как высокая, растут негативные межэтнические установки. Ограничением исследования является тот факт, что не было возможности сравнения связи единых показателей, так как многие из них отсутствовали в некоторых волнах исследования. Данное ограничение мы планируем частично устранить за счет проведения новой волны лонгитюдного исследования в 2024 г.

Межэтнические установки россиян тесно связаны с общей ситуацией в стране. Когда происходят важные внешнеполитические события, отражающиеся на экономике страны,

межэтническая проблематика уходит на второй план, однако это не означает, что проблемы в данной области решены. Сохранится ли существующий тренд уменьшения негативных межэтнических установок, покажут будущие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Е.М. Факторы межэтнической напряженности в московской молодежной среде. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1965> (дата обращения: 08.10.2023).
- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Дробижина Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
- Дробижина Л.М. Межнациональные (межэтнические) отношения в России в зеркале мониторинговых опросов ФАДН и региональных исследований // Вестник российской нации. 2017. № 4. С. 107–127.
- Дробижина Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10. СПб.: ИС РАН, Нестор-История, 2011. С. 72–85.
- Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.
- Леденева В.Ю. Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 128–137.
- Рыжова С.В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 72–94.
- Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 6–24.
- Фадеев П.В. Особенности межэтнических установок молодых российских рабочих: автореф. дис. к. соц.н. 2017. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5105> (дата обращения: 08.10.2023).
- Щеголькова Е.Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 499–520. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1260.
- Щеголькова Е.Ю. Межэтнические установки сквозь призму субъективных характеристик социального самочувствия // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4. С. 132–156.
- Adorno T.W., Frankel-Brunswick E., Levinson D., Sanford N.R. The Authoritarian Personality. N. Y.: Harper, 1950.
- Ehala M., Zabrodskaja A. Interethnic discordance and stability in Estonia // Journal of Baltic Studies. 2011. No. 42(2). P. 213–237.

Статья поступила: 23.10.23. Финальная версия: 20.11.23. Принята к публикации: 29.11.23.

DYNAMICS OF INTER-ETHNIC ATTITUDES OF RUSSIANS: RESEARCH RESULTS 1995–2023

VORONINA N.S.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Natalya S. VORONINA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (navor@bk.ru).

Acknowledgements. Work on this paper was supported by RSF Project No. 23-18-00635.

Abstract. The article analyzes the Russians' interethnic attitudes dynamics based on five waves of 1995–2023 surveys. Based on the materials of the longitudinal study RUSSET (Russian Socio-Economic Trends) and the CESSI study, it is shown that interethnic attitudes among Russians have changed significantly over 28 years after 1999. In 2023, there is a trend of decreasing negative interethnic attitudes towards representatives of national minorities, which may be due to shifting population attention to confrontation with the “collective West”. Negative interethnic attitudes are most common in the age group of 66 and older due to lacking contact of this age group with representatives of national minorities. Positive interethnic attitudes are common in groups with a high level of education, high income, as well as in the group of respondents who feel safe in their immediate environment. In 1995, 1996 and 1999, the interethnic attitudes of Russians were influenced by the trust indicator: the less respondents trust people, the more negative the interethnic attitudes. In 2023, the greatest influence is exerted by the frequency of contacts with representatives of national minorities, namely, the presence of representatives of national minorities in the family increases positive interethnic attitudes.

Keywords: interethnic (international) attitudes, interethnic relations, longitudinal research, trust, contact, national minorities.

REFERENCES

- Adorno T.W., Frankel-Brunswick E., Levinson D., Sanford N.R. (1950) *The Authoritarian Personality*. New York: Harper.
- Arutyunova E.M. (2010) Factors of Interethnic Tension in the Moscow Youth Environment. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1965> (accessed 08.10.2023). (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. (1999) *Ethnosociology*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2015) The potential of interethnic harmony: understanding the concept and social practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 80–90. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2011) Russian Identity and Trends in Interethnic Attitudes Over 20 Years of Reforms. In: M.K. Gorshkov (eds) *Reforming Russia: Yearbook*. Iss. 10. St. Petersburg: IS RAN, Nestor-Istoria: 72–85. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) Interethnic (Interethnic) Relations in Russia in the Mirror of FADN Monitoring Surveys and Regional Studies. *Vestnik rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation]. No. 4: 107–127. (In Russ.)
- Ehala M., Zabrodskaja A. (2011) Interethnic discordance and stability in Estonia. *Journal of Baltic Studies*. No. 42(2): 213–237.
- Fadeev P.V. (2017) Features of Interethnic Attitudes of Young Russian Workers: Abstract. of Diss. Cand. Sociol. Sci. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5105> (accessed 08.10.2023). (In Russ.)
- Kuznecov I.M. (2017) Balance of interethnic attitudes as an indicator of the state of interethnic relations. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 1(26): 58–80. (In Russ.)
- Ledeneva V.Yu. (2022) Reflection of problems of interethnic relations in Russian media. *Evrasijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. No. 1 (16): 128–137. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2016) Trust and ethnic tolerance in conditions of social change. *Sociologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 1 (22): 72–94. (In Russ.)
- Shchegol'kova E.Yu. (2020) Interethnic Relations in the Assessments of Russians: Sociological Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 4: 499–520. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1260. (In Russ.)
- Shchegol'kova E.Yu. (2022) Interethnic Attitudes Through the Prism of Subjective Characteristics of Social Well-being. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 4(10): 132–156. (In Russ.)
- Tihonova N.E., Dudin I.V. (2023) The main contradictions of Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 2(11): 6–24. (In Russ.)

Received: 23.10.23. Final version: 20.11.23. Accepted: 29.11.23.

О.В. ВАСИЛЬЕВА

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЯКУТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

ВАСИЛЬЕВА Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия (ovasileva.igi@mail.ru).

Аннотация. В статье исследуется социальное самочувствие якутов (саха) в контексте процессов урбанизации. Проведен сравнительный анализ социального самочувствия представителей данной этнической группы, проживающих в городской и сельской местности. Выявлено, что в целом материальное положение горожан из числа саха лучше, чем у сельчан, но оценки эмоционального состояния выглядят более позитивно в сельской местности. Установлена зависимость оценок эмоционального состояния от значимости этнической идентичности для респондентов. Предложены возможные факторы, способствующие формированию данной взаимосвязи. Выдвинуто предположение, что потеря плотной коммуникации и социальных связей в рамках сахаязычной и мононациональной среды при переезде в город оказывает выраженное негативное влияние на наиболее неблагополучные слои населения, что и вызывает чувство подавленности, апатии, безразличия. Социальное самочувствие городского и сельского населения рассмотрено как индикатор развития этносоциальных процессов.

Ключевые слова: социальное самочувствие • эмоциональное состояние • село • город • урбанизация

DOI: 10.31857/S0132162524010069

В России как уникальном многонациональном государстве при реализации национальной политики на федеральном и региональном уровнях следует учитывать этносоциальные процессы, одним из них является урбанизация. Участие в урбанизации различных этнических групп и общностей России неравновесное, что имеет свои последствия во многих сферах жизни общества – от демографии и экономики до этноязыкового разнообразия и культуры. В силу данных обстоятельств урбанизация изучается в контексте решения множества вопросов: от формирования социальной политики до поддержания баланса заселенности тех или иных территорий в рамках национальной безопасности страны. Представляет интерес и исследование социального самочувствия населения в городской и сельской среде как один из индикаторов оценки этносоциальных процессов.

Якуты (саха) к настоящему времени еще не прошли стадию так называемого урбанизационного перехода, когда более половины общей численности этнической группы проживает в городской местности. Напротив, значительная доля якутов являются жителями сельских территорий. В данной статье рассмотрим социальное самочувствие этой этнической группы, сравнив горожан и селян. Проведенное исследование позволит нам не только проследить тенденции урбанизационных процессов у якутов, но и выяснить возможные причины сохранения такой структуры расселения в регионе, при которой значительная часть населения саха проживает в сельской местности. Данное обстоятельство обычно связывают с поздним вовлечением этнических групп в индустриализацию и сохранением

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (Поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.), руководитель – акад. РАН В.А. Тишков.

традиционного хозяйства, что во многом верно. Однако представляется, что сохранение сельского образа жизни в Якутии может быть обусловлено и другими факторами.

Теоретические основы. При анализе этносоциальных процессов мы ориентируемся на исследовательскую традицию отечественных ученых [Арутюнян, Дробижева, 2000: 12; Попков, Тюгашев, 2009: 93], работы которых раскрывают взаимосвязь социальных и этнических процессов. Этносоциальные процессы – это социальные события, процессы, связи, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве [Дробижева, 2006: 92]. Ю.В. Попков определяет этносоциальные процессы как устойчиво-динамическую систему развивающегося взаимодействия этносоциальных субъектов и изменения этих субъектов в данном процессе, характеризую их как единство устойчивости и изменчивости, регулируемости и стихийности, объективности и субъективности [Попков, 2023: 19]. Этносоциальные процессы, таким образом, являются продуктом взаимообусловленного и взаимозависимого развития этнических групп, общностей и отдельных носителей этнической идентичности. Урбанизацию как отражение развития этнических субъектов можно рассматривать как часть этносоциальных процессов.

А.А. Черкасов отмечает, что большинство этнических групп в России уже прошли стадию урбанизационного перехода, но есть народы, у которых он еще не состоялся, такие как марийцы, чеченцы, удмурты, башкиры, коренные народы Севера и др., к ним же относятся и якуты [Черкасов, 2018: 110]. По его мнению, процессы урбанизации этносов приводят к изменению социокультурного, конфессионального ландшафта, хозяйственной специализации многих населенных пунктов, что должно быть учтено государственными органами власти в части политики гармонизации межэтнических отношений [Черкасов, 2016: 240]. Однако проблемы социального самочувствия в условиях процессов урбанизации им не затрагиваются.

Р.А. Гресь приходит к выводу, что в городской среде этническое поле разрушается. При его отсутствии происходит дезадаптация этнических субъектов, что дестабилизирует всю систему идентичностей человека и может приводить к отрицательным последствиям. В частности, этот процесс выводит на передний план другие, зачастую искусственные, идентичности, а также химерные конструкции, наподобие тех, которые культивировались в Германии в 1930-х гг. [Гресь, 2017: 57]. Таким образом, отмечается, что снижение роли этнической идентичности в городской среде приводит к увеличению возможностей внедрения в сознание чуждых ценностей и идей.

Различия в развитии этничности и межэтнических отношений в городской и сельской местности фиксируются региональными исследованиями. Так, социологическое исследование, проведенное в Хакасии, показало, что урбанизация не только оказывает влияние на национальную хакасскую культуру и традиции, но также формирует новые социальные стратегии поведения хакасов [Тиникова, 2020: 539]. М.Н. Чистанов отмечает, что потеря этнической идентификации в городской среде для современного человека зачастую обозначает ценностную дезориентацию и потенциальную опасность распада личности [Чистанов, 2021: 2102].

В Республике Саха (Якутия) процессы этнической урбанизации были зафиксированы исследованиями А.И. Аргунова [Социальное развитие..., 1984], В.Б. Игнатъевой [1984] и Д.Г. Брагиной [2021]. Ими были проанализированы демографические сдвиги, раскрыты особенности трансформации образа жизни сельских и городских саха-якутов. Интерес представляют работы А.Г. Томаска, которая в своих текстах анализирует территориальную и социальную мобильность якутов и других коренных народов Республики Саха (Якутия) [Томаска, 2017].

Таким образом, исследования показывают, что процессы урбанизации сказываются на образе жизни, социальных паттернах, самовосприятии представителей этнических групп. Можно предположить, что изменения, которые происходят в городской среде с этническими культурами, могут отражаться на социальном самочувствии представителей этнических групп. Однако современные исследования, которые бы касались проблемы социального самочувствия населения в контексте усиливающихся процессов урбанизации в Якутии, отсутствуют.

Этнодемографический облик современной Якутии в XX в. формировался под влиянием нескольких факторов – индустриализации и следующей за ней миграции и урбанизации, в то же время коренные народы Якутии в разной мере были подвержены влиянию этих процессов. Расселение якутов в рамках страны нельзя назвать дисперсным, в этом отношении стабильно сохраняется ситуация, при которой в границах Республики Саха (Якутия) проживают 98,9% всех россиян, указавших свою принадлежность народу саха (якутам)¹. Современный этап развития характеризуется активными этномиграционными процессами в основном у иных народов, проживающих в Якутии, что приводит к формированию «новой» этнической картины региона.

Согласно результатам переписи 2020 г. за последний межпереписной период количество людей, которые не указали свою национальную принадлежность, увеличилось с 2,5 до 14,8% (146918 чел. в 2020 г.). При этом в городе доля лиц, не указавших национальность, существенно выше, чем в сельской местности, – 21,7 против 0,6%². Данное обстоятельство не позволяет в полной мере оценить, каким образом меняется этническая картина в городах. Резкий рост числа лиц, не указавших свою национальную принадлежность, может быть связан с изменением методики проведения переписи (появление возможности заполнения переписных листов онлайн), однако в то же время указывает на то, что значение национальной принадлежности для немалой части горожан не очень велико.

Также следует отметить процессы снижения доли русских среди населения Якутии – с 36,8% в 2010 г. до 27,8% в 2020 г. Доля якутов (саха) незначительно сократилась с 48,6% до 47,1%; доля других народов составила 10,3%, из них лиц, указавших национальности бывших республик СССР, – 4,1%³.

К особенностям этносоциальной ситуации относится проявленность этнических границ в социальном пространстве Республики Саха (Якутия). Самым зримым из них является исторически сложившееся расселение этнических групп республики. Жителями сельской местности, как правило, являются представители коренного населения – якуты (саха) и малочисленные народы Севера. Русские и представители иных национальностей проживают в основном в городах и рабочих поселках. Так, в городской среде доля якутов в 2010 г. составляла 30%, в то время как в сельской местности – 81,9%. По результатам переписи 2020 г. в сельской местности доля якутов достигла 83,6%, еще 8,8% составляют коренные малочисленные народы Севера (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи), 5,8% – русские. В городской среде доля русских – 38,7%, доля якутов – 29%, 21,7% не указали национальную принадлежность, 10,6% – другие народы.

Распределение этнических групп в пространстве имеет непосредственную связь с этническим разделением труда в республике, а также с сохранением традиционных хозяйственных практик. В советский период Якутская АССР (образованная в 1922 г.) вступила с крайне низким уровнем социально-экономического развития, ее производственная специализация среди других регионов страны преимущественно была связана с развитием животноводческого хозяйства [Бурнашева, Игнатьева, 2020: 64]. Данное обстоятельство предопределило этнические границы разделения труда в регионе, поскольку направленность на развитие животноводства в сельской местности сохранялась длительное время. В настоящий момент Республика Саха (Якутия) также развивает животноводческое хозяйство и даже занимает лидирующие позиции среди регионов ДФО по количеству скота, хотя социально-профессиональная структура якутов претерпела в XX в. колоссальные изменения. Уже в советское время для якутов была характерна сравнительно высокая доля работников, занятых в сферах управления, просвещения, здравоохранения, науки, культуры и искусства. Русское население Якутии отличалось более высоким удельным

¹ Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1: Национальный состав населения Российской Федерации.

² Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1: Национальный состав населения Республики Саха (Якутия).

³ Там же.

весом квалифицированных рабочих, прежде всего, в промышленности. Это предопределило то, что в 1990-е гг. после развала Советского Союза имевшиеся в сфере приложения труда этнические границы отчетливо проявились через миграционный отток русского населения вследствие спада промышленного производства и потери рабочих мест.

Этнические особенности имеет и репродуктивное поведение населения Якутии. По общему коэффициенту рождаемости республика находится в первой десятке субъектов Российской Федерации во многом за счет репродуктивного контингента якутов (сах) [Мостахова, 2017: 785]. При этом в городской и сельской местности репродуктивное поведение якутов отличается [Игнатьева и др., 2020]. По данным демографов, в сельской местности сохраняется расширенное воспроизводство населения, в городской – уже нет. Исследования определили, что репродуктивные ориентации людей той или иной национальности зависят от того, компактно ли они проживают в данном регионе или, наоборот, «растворены» в населении другой(их) национальности(ей), так как это может влиять на степень приверженности национальной культуре [Архангельский, 2006: 120].

Как уже отмечалось, до недавнего времени якуты являлись одной из наименее урбанизированных этнических групп России. По данным В. Игнатьевой, в 1959 г. лишь 16,9% якутов были горожанами, в 1970 г. доля якутов-горожан составляла 22,9%; в 1979 г. – 24,3%; в 1989 г. – 25,1% [Игнатьева, 1994: 89]. При этом доля горожан среди якутов не возросла значительно на фоне общего увеличения их численности. Такая картина складывается под влиянием традиций репродуктивного поведения якутов, стремления к формированию больших семей, многодетности.

В постсоветское время процессы урбанизации ускорились. В 2010 г. доля горожан среди якутов достигла 37,4%, а к настоящему времени, по данным переписи, составляет минимум 41,6% населения (значительная часть горожан не указали своей национальной принадлежности в ходе переписи)⁴. Процессы урбанизации не только не прекращаются, но и имеют тенденцию к ускорению ввиду упадка социальной инфраструктуры села. Региональные органы власти не способны повсеместно обеспечить обновление и расширение социальной инфраструктуры при дисперсном расселении на громадной территории Якутии. Это вызывает центростремительные миграционные процессы, причем большая часть якутов предпочитает переезжать в Якутск, что способствует миграционному приросту в столице [Бреславский, 2020] и приводит к изменению её этносоциальной структуры. В 1989 г. якуты составляли 25,1% населения Якутска, русские – 62,4%, другие – 12,5%. В 2002 г. якуты составляли 42%, русские – 46,1%, другие – 12%. В 2010 г. якуты составляют уже 47%, русские – 38,4%, другие – 14,6%⁵. Последняя перепись, к сожалению, не дает полного представления о национальном составе столицы, поскольку лишь у 66,8% населения в переписных листах указана национальная принадлежность. Среди этой части столичных жителей якуты составляют 59,2%, русские – 26,3%, другие – 14,5%.

Вытесняющими факторами в сельской местности являются сокращение социальной инфраструктуры [Игнатьева и др., 2020: 190], отсутствие рабочих мест, низкая заработная плата. По данным статистики, в Якутии проживание в селе существенно повышает вероятность попадания в социальную категорию бедного населения, что связано, с одной стороны, с меньшим количеством рабочих мест, с другой – с большим количеством детей в семье.

Об исследовании. В период с ноября 2021 г. по февраль 2022 г. был проведен анкетный опрос в рамках проекта «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации». Для опроса была использована квотная по полу, возрасту выборка репрезентативная для Республики Саха (Якутия). По этническому

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1: Национальный состав населения Республики Саха (Якутия).

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия); Итоги Всероссийской переписи населения – 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия); Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками.

составу присутствие квот отдельных этнических групп было укрупнено. Сам опрос в связи с пандемийными ограничениями проводился в смешанном формате. Часть массива данных (959 ответов) была набрана с помощью онлайн-опроса и впоследствии скорректирована (144 ответа были исключены). Другая (550 ответов) была собрана при помощи формализованного опроса face-to-face. В итоге общий объем массива в данном исследовании составил 1365 опрошенных (доверительный интервал 95%, погрешность 3,5%).

В целях реализации задач данной статьи из общего числа опрошенных была выделена группа респондентов якутской национальности. Их количество в общем массиве составило 765 респондентов, из них 743 (97,1%) указали тип поселения, в котором они проживают. В выборке: 48,3% – мужчины, 58,7% – женщины; в сельской местности проживают 49%, в городе – 51%. Далее в статье будут рассматриваться эти данные.

Настроения и установки этнической группы якутов (саха) стали объектом исследования в данной статье. Социальное самочувствие представляет собой устойчивое отражение в сознании людей основных параметров объективных и субъективных условий качества жизни, но, главным образом, фиксирует эмоциональное, субъективное переживание. В статье мы сфокусируемся на таком индикаторе социального самочувствия, как эмоциональное состояние. Оно измерялось через оценку респондентом своего эмоционально-психологического состояния посредством выбора одного из предложенных вариантов ответа: эмоциональный подъем; спокойствие и уравновешенность; безразличие, апатия, подавленность; тревога, страх; раздраженность, озлобленность, агрессия. Субъективная оценка социально-экономического благополучия измерялась с помощью традиционного закрытого вопроса о доходах с шестью позициями. Полученные данные были ранжированы с перекодировкой крайних позиций («1»+«2»; «5»+«6») и сведены к четырем группам: бедные, малообеспеченные, среднеобеспеченные и обеспеченные.

Социальное самочувствие сельских и городских саха (якутов). Сопоставим оценку социально-экономического благосостояния и эмоционального благополучия якутов в городской и сельской местности. По данным исследования, социально-экономическое положение в сельской и городской местности в субъективных оценках различается (табл. 1). В городе фиксируется более оптимистичная картина, по-видимому, связанная с тем, что здесь больше возможностей для трудоустройства, учебы, повышения качества жизни; в сельской местности больше бедных респондентов.

Респондентам было также предложено оценить личное эмоционально-психологическое состояние (табл. 2). Так, безразличие, апатию, подавленность намного чаще отмечают у себя горожане (20,1 против 12,8%), а спокойствие, уравновешенность и эмоциональный подъем в большей степени отмечают сельские жители (62,2 против 58,6% и 8,8 против 4,2% соответственно). Можно предположить, что на эмоциональное состояние людей оказала влияние пандемия, на время которой пришелся опрос, ведь ограничения в передвижении в городе были более жесткими.

Интересно, что в сравнении с общероссийскими данными картина по Якутии относительно эмоционально-психологического состояния выглядит более позитивной. Наиболее заметные различия наблюдаются в том, что в 2021 г. на всероссийской выборке более отчетливо проявились чувства тревоги и страха 28%, в меньшей степени чувства спокойствия и уравновешенности 43% [Российское общество..., 2022: 52].

Таблица 1

Социально-экономические группы якутов в разрезе типа поселения, в %

Социальные группы	Город	Село	Всего
Бедные	17,8	22,8	20,2
Малообеспеченные	35,6	41,3	38,4
Среднеобеспеченные	37,8	23,9	31,1
Обеспеченные	8,8	12	10,3

Таблица 2

Эмоциональное состояние якутов в разрезе типа поселения, в %

Эмоциональное состояние	Город	Село	Всего
Эмоциональный подъем	4,2	8,8	6,4
Спокойствие, уравновешенность	58,6	62,2	60,3
Безразличие, апатия, подавленность	20,1	12,8	16,6
Тревога, страх	11,1	10,2	10,7
Раздраженность, озлобленность, агрессия	6,1	6	6

Примечание. Ответы на вопрос «Оцените ваше личное эмоционально-психологическое состояние». Выбрать можно было один вариант ответа.

Очевидно, что среди якутов как в городской, так и в сельской местности чаще всего испытывают подавленность, безразличие и апатию люди с наиболее неблагоприятным социально-экономическим положением. Причем в городской среде эта тенденция выражена намного сильнее. Так, среди бедных, проживающих в городах, 31,3% указали, что испытывают безразличие и апатию, в то время как на селе таковых всего 19,5% (среди малообеспеченных – 21,6 и 13,7% соответственно; среднеобеспеченных – 16,9 и 8,4%). Таким образом, бедные и малообеспеченные слои населения в сельской местности в меньшей степени подвержены негативному эмоциональному состоянию, нежели жители города. Выявлено также, что у горожан безразличие, апатия и подавленность характерны как для мужчин, так и для женщин, в то время как на селе основную долю респондентов, ответивших подобным образом, составляют мужчины.

Возникает вопрос: с чем связано негативное эмоциональное состояние горожан? Вероятно, один из факторов – это разочарование мигрантов в возможностях социальной мобильности при смене места жительства. Согласно данным исследования, пиковые значения по числу лиц, испытывающих апатию и безразличие, наблюдаются у мигрантов из села, проживающих в городе около 10 лет (28,1%). Чаще подавленность испытывают люди, получившие неполное высшее и среднее специальное образование. В то время как на селе подавленность чаще характерна для лиц с полным средним образованием, но не имеющих никакого профессионального образования.

Следует учитывать, что социально-экономическое положение и уровень образования являются статистически взаимозависимыми категориями. На выборке в целом можно видеть четкую корреляцию между субъективной оценкой социально-экономического положения и уровнем образования. В городе среди людей со средним специальным и неполным высшим образованием доля лиц, указавших на материальное неблагополучие, выше, чем среди тех, кто получил высшее образование. В сельской же местности пиковая частота количества лиц (37,5% среди лиц со средним общим образованием), отнесших себя к бедным, наблюдается среди людей, не имеющих никакого профессионального образования. Также надо учитывать включение значительной части сельских переселенцев в низкодоходные группы населения Якутска, создающее ситуацию конкуренции с мигрантами из других регионов страны и ближнего зарубежья. Последние в основном претендуют на занятость в тех же сегментах региональной экономики, на которые ориентированы внутренние трудовые ресурсы с низкой квалификацией.

Ранее мы выявили, что наиболее негативное отношение к трудовым мигрантам испытывают наименее обеспеченные люди с низким уровнем образования и отсутствием властного ресурса. Борьба за рабочие места с невысокой квалификацией становится источником роста «антимигрантских» настроений в принимающем обществе, а также, по-видимому, оказывает влияние на эмоциональное состояние мигрантов из сельской местности [Васильева, 2020].

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «На кого в своей жизни вы можете рассчитывать?» по типу поселения, в %

Варианты ответа	Город	Село	Всего
На себя	65,9	56	61,1
На поддержку семьи, родственников, друзей	28,6	37,1	32,7
На поддержку земляков, национальной общины	1,9	0,8	1,3
На поддержку со стороны государства	3,7	6	4,9

Еще одним фактором, оказывающим влияние на сложившуюся ситуацию, является потеря близких социальных контактов. Как указывал И.А. Аргунов, миграция из села в город в XX в. являлась для якутского населения не только пространственным перемещением, но и глубокой социальной перестройкой и была сопряжена с дополнительными трудностями [Социальное развитие..., 1984]. Исследователь отмечал, что при сельском типе расселения, характерном для якутов, доминирует внутринациональное родственное и соседское общение [там же], в городе такое общение выстроить сложнее.

Как показывают результаты опроса, городские жители в меньшей степени рассчитывают на свое окружение, чем сельские (табл. 3). Сельская местность характеризуется более плотными сетями общения и взаимовыручки, нежели городская, которая несколько атомизирует людей. Переезжая в города, люди стараются сохранить родственные, земляческие связи, но уже не могут рассчитывать на поддержку в том объеме, в котором она возможна при проживании в одном населенном пункте.

Влияние урбанизации на манифестацию этнической идентичности амбивалентно. Анализ данных опроса показал, что для якутов (саха), проживающих в городах, этническая консолидация имеет меньшую значимость, по сравнению с живущими на селе. Предлагалось выбрать одно из двух суждений. С первым «современному человеку не обязательно чувствовать себя частью национальности» согласились 41,4% якутов-горожан и только 25,1% из сельской местности. Со вторым утверждением «современному человеку необходимо ощущать себя частью этнической группы» в большей степени согласны сельские (74,9 против 58,3%). Надо отметить, что оба утверждения сформулированы абстрактно: речь идет не столько о личном выборе респондента, сколько о его представлениях о людях и обществе.

В то же время проблемы реализации этнической культуры более остро стоят именно в городской местности. К примеру, на вопрос «Удовлетворены ли вы состоянием вашего родного языка в населенном пункте проживания и в целом в республике?» городские саха (якуты) чаще выбирали ответ «скорее и полностью не удовлетворен» (20,4 и 6,1% соответственно против 13,4 и 1,4%). Однако в целом уровень удовлетворенности высокий – скорее удовлетворены 52,4% в городе и 55% в селе, а полностью удовлетворенных в селе больше (24,9 против и 16,1% соответственно).

По результатам исследований якутских социолингвистов, тенденция к снижению уровня владения якутским языком была перекрыта влиянием продолжающейся миграции сельского сахаязычного населения [Иванова, 2022: 190]. Однако это может быть временным явлением, поскольку в условиях полиэтничного города общение зачастую происходит на русском языке, который служит языком межэтнического общения. Кроме того, обучение на якутском языке с 1 по 11 класс в условиях Якутска невозможно, хотя является желательным для сахаязычных жителей города [Иванова, 2018: 161]. Малообеспеченные и бедные горожане из числа саха действительно чаще заявляют о своей неудовлетворенности свободно выражать свою этническую принадлежность через поддержание культуры, традиций, праздников. Представляется, что культурные мероприятия менее доступны для наиболее неблагополучных слоев населения из числа саха (якутов).

Снижение значимости этнической консолидации напрямую сказывается на доле респондентов-якутов, испытывающих апатию и подавленность. Так, среди тех, кто

согласился с утверждением, что современному человеку необходимо ощущать себя частью этнической группы, «безразличие, апатию и подавленность» испытывают лишь 13,3%, в то время как среди тех, кто считает, что современному человеку не обязательно чувствовать себя частью этнической группы, – 23,3% (если говорить о городском срезе, то тут разрыв еще больше – 13 и 29% соответственно). Таким образом, этническая идентичность, ориентированность на интересы этнической группы, для якутов является одним из факторов, оказывающих влияние на эмоциональное состояние.

Заключение. Более низкие темпы урбанизации якутов в сравнении с другими этническими группами России имеют глубокие связи как с экономикой, так и со стратегиями взаимодействия внутри этносоциальной сети, этнокультурными особенностями. Проведенное исследование позволило выявить зависимость эмоционального состояния от типа населенного пункта проживания якутов (саха). Наиболее часто апатия, подавленность обнаруживаются у наиболее бедной части населения как в сельской, так и в городской местности. Однако у сельчан данное эмоциональное состояние возникает реже, чем у горожан, что, по всей видимости, связано с более плотными сетями социального взаимодействия в сельской местности, а также с возможностью рассчитывать на поддержку окружающих. Одним из факторов, воздействующих на эмоциональное состояние, является ориентированность на собственную этническую идентичность. Респонденты, для которых этническая консолидация не является значимой, чаще указывали, что испытывают негативное эмоциональное состояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 11–21.
- Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
- Брагина Д.Г. Этнические особенности расселения якутов в конце XX – начале XXI вв. // Интерактивная наука. 2021. № 4(59). С. 13–16.
- Бреславский А.С. Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. 2020. № 1. С. 68–81.
- Бурнашева Н.И., Игнатъева В.Б. М.К. Аммосов: из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 63–77.
- Васильева О.В. Влияние социально-экономического статуса населения Северо-Востока России на отношение к мигрантам // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 4. С. 152–171.
- Гресь Р.А. К вопросу о влиянии процесса урбанизации на интенсификацию этнических и квазиэтнических идентичностей // Символ науки: международный научный журнал. 2017. № 9. С. 51–57.
- Дробижина Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 89–101.
- Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в., этносоциолингвистический аспект. Новосибирск, 2022.
- Иванова Н.И. Языковые установки саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 163–167.
- Игнатъева В.Б. Национальный состав населения Якутии. Этностатистическое исследование. Якутск, 1994.
- Мостахова Т.С. Региональная специфика воспроизводства населения северного региона и приоритеты демографической политики // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 4. С. 784–798.
- Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в концептосфере новосибирской научной этносоциологической школы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30. № 2. С. 14–23.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2009. № 3(299). С. 93–100.
- Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Социальное развитие сельского населения Якутской АССР: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Бойко. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1984.

- Тиникова Е.Е. Особенности этничности и межэтнических отношений в городской и сельской среде Хакасии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4(158). С. 533–548.
- Томаска А.Г. Внутреннее миграционное движение в Республике Саха (Якутия) // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 45–49.
- Черкасов А.А. Особенности вовлечения в урбанизационные процессы этносов в России // Наука. Инновации. Технологии. 2018. № 4. С. 105–116.
- Черкасов А.А. Этнические аспекты урбанизации в России. Ставрополь, 2016.
- Чистанов М.Н. Визуальный поворот в структуре этнической идентификации и самоидентификации городских жителей // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 46. С. 2102–2107.
- Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Якутск, 2020.

Статья поступила: 27.03.23. Финальная версия: 09.10.23. Принята к публикации: 16.11.23.

SOCIAL WELL-BEING AND ETHNICITY IN THE CONTEXT OF URBANIZATION PROCESSES AMONG THE YAKUTS

VASILEVA O.V.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Russia

Olga V. VASILEVA, Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS, Yakutsk, Russia (ovasileva.igi@mail.ru).

Abstract. This article considers the problem of social well-being of an ethnic group in the context of urbanization processes. One of the ethnic groups of Russia, the Yakuts (Sakha), was chosen for analysis. The data of a sociological study on the project “The Republic of Sakha (Yakutia) and big challenges: social well-being, mobility and adaptation strategies” are presented. The main reflection of social well-being in this article is the emotional state of the respondents and their subjective assessment of their own socio-economic situation. The answers of 765 respondents who noted their belonging to the Yakuts are analyzed. In a comparative vein, an analysis of social well-being in urban and rural areas was carried out. It was revealed that, despite the fact that, in general, the financial situation of Sakha citizens is better than that of the villagers, the estimates of the emotional state look more positive in rural areas. The respondents who assessed their socio-economic situation as unfavorable assess their emotional state most negatively. The dependence of assessments of the emotional state on the significance of ethnic identity has been revealed. Possible factors contributing to the formation of this situation are proposed. It has been suggested that the loss of close communication and social ties within the Sakha-speaking and mono-ethnic environment when moving to the city is more problematized for the most disadvantaged segments of the population, which causes a feeling of depression, apathy, and indifference.

Keywords: social well-being, emotional state, village, city, urbanization.

REFERENCES

- Arkhangelsky V.N. (2006) *Fertility factors*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Arutiunian YU.V., Drobizheva L.M. (2000) Ethnosociology: past and new horizons. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 11–21 (In Russ.)
- Bragina D.G. (2021) Ethnic features of the settlement of the Yakuts in the late XX and early XXI centuries. *Interaktivnaya nauka* [Interactive science]. No. 4 (59): 13–16. (In Russ.)
- Breslavsky A.S. (2020) Urbanization processes in the Sakha Republic (Yakutia): the dynamics of key parameters (1989–2018). *Urbanistika* [URBAN STUDIES]. No. 1: 68–81. (In Russ.)
- Burnasheva N.I., Ignatieva V.B. (2020) M.K. Ammosov: a prominent national leader of the early soviet period. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 19. No. 1: 63–77. (In Russ.)
- Cherkasov A.A. (2016) *Ethnic aspects of urbanization in Russia*. Stavropol. (In Russ.)
- Cherkasov A.A. (2018) Features of involvement in urbanization processes of ethnic groups in Russia. *Nauka. Innivacii. Tehnologii* [Science. Innovation. Technologies]. No. 4: 105–116. (In Russ.)

- Chistanov M.N. (2021) Visual turn in the structure of ethnic identification and self-identification of urban residents. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* [Innovations. Science. Education]. No. 46: 2102–2107. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2006) Methodological problems of ethnosociological research. *Sociologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 3/4: 89–101. (In Russ.)
- Ethnosocial processes in Yakutia: a modern perspective and development prospects.* (2020) Yakutsk: IGIIPMINS SO RAN. (In Russ.)
- Gres R.A. (2017) On the issue of the impact of the urbanization process on the intensity of ethnic and quasi-ethnic identities. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*. [Symbol of Science: International Scientific Journal]. No. 9: 51–57. (In Russ.)
- Ignatieva V.B. (1994) *National composition of the population of Yakutia. Ethno-statistical study.* Yakutsk. (In Russ.)
- Ivanova N.I. (2018) Lingual disposition of Sakha in education in context of modern extralinguistic realities (based on polls in Yakutsk). *Novyje issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. No. 1: 163–167. (In Russ.)
- Ivanova N.I. (2022) *Language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the 21st century, ethnosociopsycholinguistic aspect.* Novosibirsk. (In Russ.)
- Mostakhova T.S. (2017) Regional specifics of the reproduction of the population of the northern region and the priorities of demographic policy. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. Vol. 15. No. 4: 785. (In Russ.)
- Poghosyan G. (1994) The fate of the Armenian in Armenia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 150–154. (In Russ.)
- Popkov Yu.V. (2023) Ethnosocial processes in the concept sphere of the Novosibirsk scientific ethnosociological school. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia]. Vol. 30. No. 2: 14–23. (In Russ.)
- Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2009) The subject of ethnosociology: a re-conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3(299): 93–100. (In Russ.)
- Russian society and the challenges of the time.* Book 6. (2022). Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Social Development of the Rural Population of the Yakut ASSR: a coll. of scientif. papers.* (1984). Ed. by V.I. Boyko. Yakutsk: Yakutskoe kn. Izd-vo. (In Russ.)
- Tinikova E.E. (2020) Features of ethnicity and interethnic relations in the urban and rural environment of Khakasia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4(158): 533–548. (In Russ.)
- Tomaska A.G. (2017) Internal migration movement in the Republic of Sakha (Yakutia). *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]. No. 12: 45–49. (In Russ.)
- Vasilyeva O.V. (2019) The Impact of Socio-economic Status on Attitudes towards Migrants in the North-East of Russia. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 28. No. 4: 152–171. (In Russ.)

Received: 27.03.23. Final version: 09.10.23. Accepted: 16.11.23.

© 2024 г.

Р.И. АНИСИМОВ

ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ (2018 – СЕРЕДИНА 2023 г.)

АНИСИМОВ Роман Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (ranisimov@list.ru).

Аннотация. На основе данных статистики и результатов социологических исследований рассматривается влияние пандемии COVID-19 и СВО на экономическую сферу и трудовые отношения в Российской Федерации. Сделаны выводы о том, что первоначальные прогнозы о коллапсе экономики не оправдались, экономическая ситуация стабильна. В период пандемии и начала СВО не выросло количество наемных работников, работающих без оформления договора, наблюдается рост стандартно занятых россиян. Определены три основные причины этого. Первая – сокращение рабочей силы в России, увеличивающее спрос на нее; вторая – действия правительства в период пандемии, направленные прежде всего на помощь официально трудоустроенным работникам, и принятие закона о самозанятых, третья – сокращение в результате пандемии и СВО количества частных предприятий малого и среднего бизнеса (основных мест работы неформально занятых), неформальной экономики и теневого рынка труда. Эти выводы заставляют пересмотреть подходы к факту роста прекариата, ядром которого выступают неформально занятые наемные работники. Количество прекариев растет при благоприятной экономической ситуации, росте экономической инициативы и невмешательстве государства в экономическую сферу. В противоположной ситуации количество прекарных работников уменьшается.

Ключевые слова: COVID-19 • СВО • экономика • трудовые отношения • прекарная занятость • неформальная занятость

DOI: 10.31857/S0132162524010078

Введение. За прошедшие пять лет экономика России испытала два мощных непрогнозируемых удара – пандемию и начало специальной военной операции (СВО). Эти события не могли не оказать влияния на сферу труда, в том числе занятость без письменного оформления трудового договора. В статье мы поставили цель – выявить, как повлияли эти события на уровень такой занятости. Для ее реализации поставили ряд задач: первое – рассмотреть макроэкономические показатели, характеризующие динамику экономики России за период 2018–2023 гг., второе – проанализировать динамику занятости без оформления трудового договора в России, третье – выявить факторы, влияющие на рост/падение такой занятости за прошедшие годы.

Наемные работники, занятые по устной договоренности без письменного договора, являются ядром прекариата, и мы предполагаем, что они выступают своего рода «пилотной группой», в которой наиболее отчетливо проявляются тенденции и влияния, касающиеся трудовых отношений вообще и прекарной занятости в частности. Прекарная занятость определяется как «специфический вид трудовой деятельности в условиях

неопределенности социально-экономического положения работника, выражающийся в полной или частичной неоформленности трудовых отношений, в нестабильной оплате труда, в отсутствии полностью или частично социальных гарантий, в неустойчивости жизненных ориентаций и неуверенности в своем будущем» [Прекарная..., 2021: 66].

В основе анализа – данные официальной статистики (Росстата). Использовались также результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)¹ и исследования РГГУ по изучению прекарной занятости (рук. Ж.Т. Тощенко) в 2018 г.² (П-2018), а также в 2022 г.³ (П-2022) [Прекариат..., 2020; Прекарная..., 2021; От прекарной..., 2022].

Динамика российской экономики в период с 2018 до середины 2023 г. Объявление СВО и последовавшие за этим антироссийские санкции вызвали у исследователей экономической сферы России ощущение тревоги, граничащей с паникой. Статьи марта – апреля 2022 г. предрекали как минимум глубокое падение, а как максимум экономическую катастрофу. Прогнозировалось, что «Россия переживет самый тяжелый экономический кризис с 1994 г. ... По оценкам банковских экспертов, в 2022 г. ожидалось следующие показатели экономического спада России: американский банк Barclays предполагал, что ВВП упадет на 12,4% в 2022 г. и еще на 3,5% в 2023 г. Британский банк Goldman ожидал снижения на 10% в 2022 году» (цит. по: [Сапунова, Сапунов, 2022: 253–254]). Утверждалось, что «в случае продолжения стратегии "выхода" иностранного бизнеса издержки России, являющейся импортозависимой страной, могут преодолеть планку в 10% ВВП (снижения. – Прим. авт.) и вернуть экономику в технологическом и институциональном аспектах на 30 и более лет назад...» [Капогузов, Чупин, 2022: 70, 72].

Отметим, что по данным Росстата падение экономики наблюдалось в 2022 и I квартале 2023 г., но в гораздо меньших размерах, чем предсказывали эксперты: оно не повторило падение 2008 г. и уж тем более кризис развала СССР. А по предварительным данным II квартала 2023 г., экономика России стала расти, обогнав по темпам постпандемийное восстановление 2021 г. (рис. 1).

Прогнозы экспертов также стали более умеренными. В работах исследователей отмечался низкий уровень безработицы [Ляшок, 2022: 50]; выявлялось, что основным способом реакции предприятий и организаций на ухудшение экономической конъюнктуры становятся «традиционные» для России механизмы ценовой подстройка (уменьшение заработных плат), а также связанная с ней «временная» подстройка, т.е. сокращение рабочего времени

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

² Опрос трудоспособного населения проведен в мае – июле 2018 г. (N = 1200) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги). Расчет эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами осуществлен с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по пяти типам поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

³ Опрос трудоспособного населения проведен в мае 2022 г. (N = 1200) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата (Центр социального прогнозирования и маркетинга, рук. Ф.Э. Шереги). Расчет эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами осуществлен с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по пяти типам поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

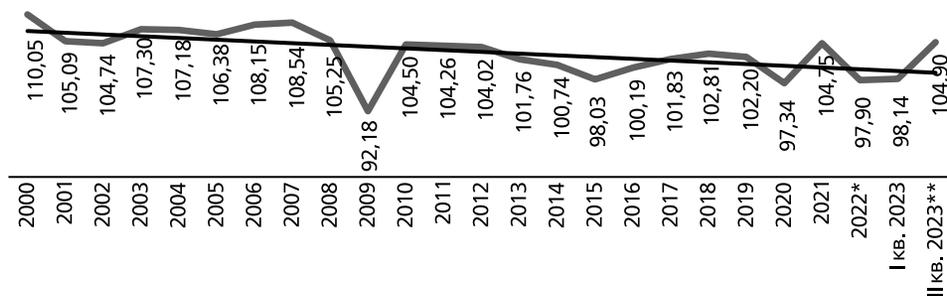

Рис. 1. Динамика индекса физического объема, произведенного ВВП за период с 2000 по II кв. 2023 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Примечания. * Начиная с ноября 2022 г. официальная статистическая информация публикуется без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям. **Первая оценка.

Источник: Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации – 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 04.10.2023).

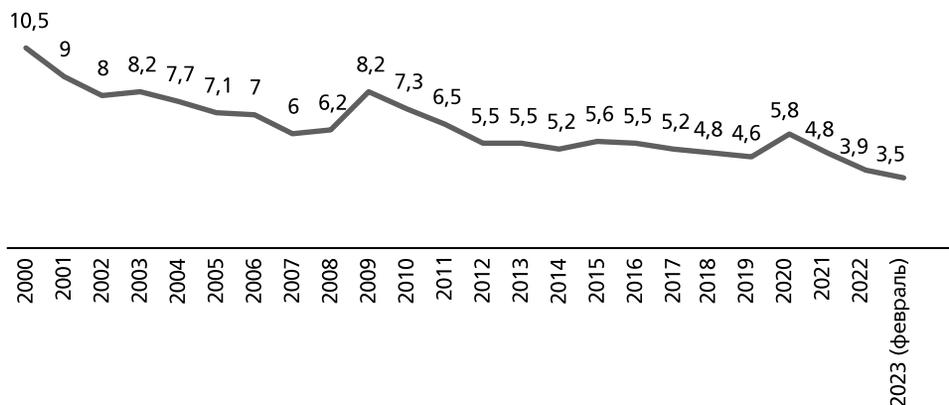

Рис. 2. Динамика уровня безработицы 2000–2023 гг. в возрасте 15–72 лет, в % от общей величины рабочей силы

Источник: Уровень безработицы по данным Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 09.04.2023).

(неоплачиваемые отпуска, сокращенный рабочий день. – Прим. авт.) [Зудина, 2022: 17]. Стоит отметить, что безработица фиксируется на достаточно низком уровне и в 2023 г., достигнув в феврале этого года исторического минимума с начала тысячелетия (рис. 2).

Неполная занятость, достигнув максимума в 14,2% от списочного состава организаций в III квартале 2022 г., в начале 2023 г. также стала сокращаться, опустившись до уровня 2021 г., и лишь на 1% превосходит «благополучный» 2018 г. (рис. 3).

В отмеченный период не наблюдается роста неформального сектора экономики, наоборот, он демонстрирует свое снижение, россияне не уходят «в тень», адаптируясь к ухудшению экономической ситуации (рис. 4).

Представленные выше данные свидетельствуют о «стрессоустойчивости» российской экономики и ее успешной адаптации как к пандемии (2019–2021 г.), так и к началу специальной военной операции (с февраля 2022 г.). Прогнозы по «обвалу» ВВП не оправдались, нет роста безработицы, неполная занятость варьирует в рамках 1% от «обычного»

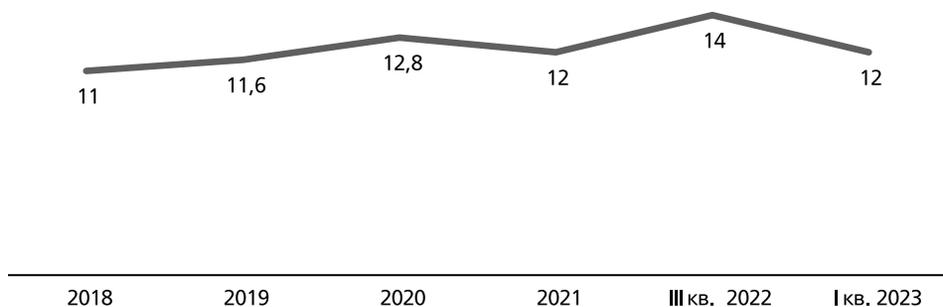

Рис. 3. Неполное рабочее время в России в период 2018–2022 гг., в % от списочной численности организаций

Примечание. В графике объединены работники, работавшие неполное рабочее время по инициативе работодателя; работники, работавшие неполное рабочее время по соглашению между работником и работодателем; работники, находившиеся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника; работники, которым были предоставлены отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника.

Источники: [Труд и занятость..., 2021: 104; Труд и занятость..., 2019: 78; Российский..., 2022: 140; Социально-экономическое..., 2022: 229; Социально-экономическое..., 2023: 223].

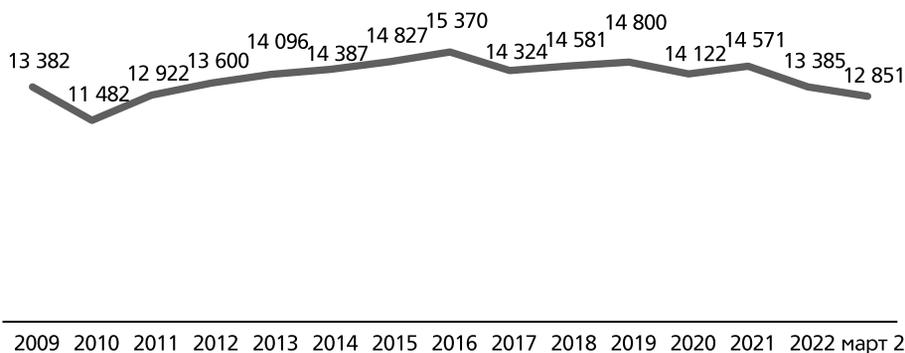

Рис. 4. Динамика численности занятых в неформальном секторе в период с 2009 по март 2023 г., тыс. чел.

Источник: [Рабочая..., 2022: 95]; Итоги выборочного обследования рабочей силы. I квартал 2023 года (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 19.07.2023).

своего уровня, неформальный сектор даже немного снижается по сравнению с допандемийными временами.

Динамика занятости на основе устной договоренности с 2018 по начало 2023 г. Особый интерес для нас представлял вопрос о влиянии пандемии и СВО на занятость на основе устной договоренности и соответственно на ядро прекариата. До этого наблюдался рост прекаризации трудовых отношений, предполагалось, что негативные явления усилят эту тенденцию, так как неоформленная по стандартному письменному договору занятость способствует облегчению фискального бремени работодателя, что является его дополнительным преимуществом. Поэтому было бы логично предположить, что

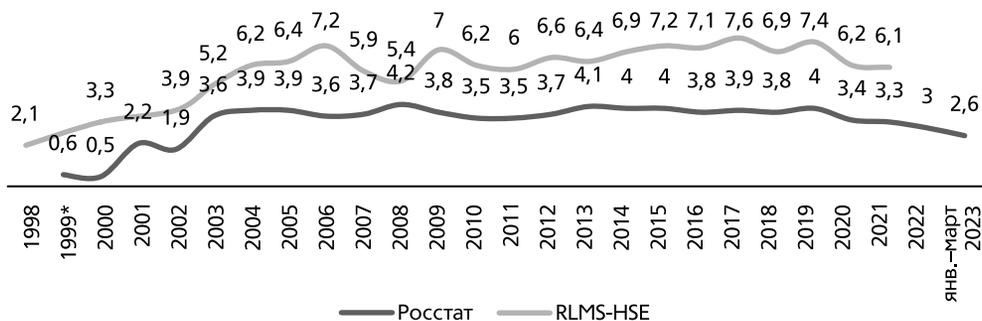

Рис. 5. Динамика занятости на основе устной договоренности в России в период 2000–2021 гг. (по данным Росстата и RLMS-HSE), в %.

Источники: составлено по: [Рабочая..., 2022: 47]; Обследование населения по проблемам занятости – 2010 год. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b10_30/Main.htm (дата обращения: 19.07.2023); Итоги выборочного обследования рабочей силы. I квартал 2023 года (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 19.07.2023); RLMS-HSE.

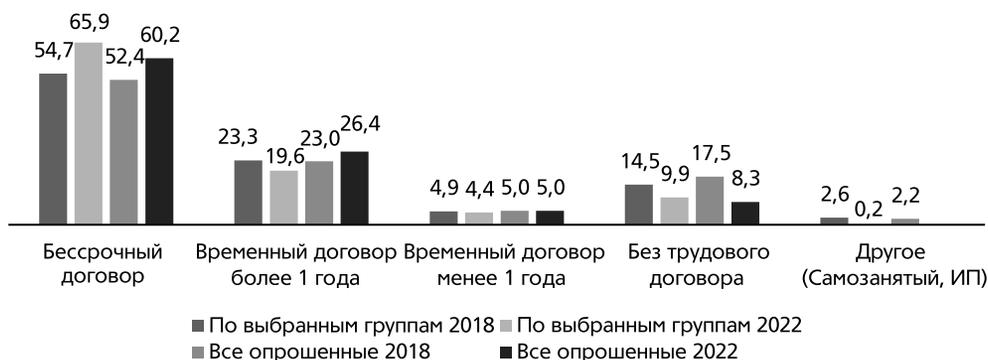

Рис. 6. Виды занятости всех респондентов и респондентов, занятых в промышленности, строительстве на транспорте, 2018–2022 гг., в %

Источники: П-2018; П-2022.

в рассматриваемый период количество занятых таким образом будет увеличиваться. Однако данные показали противоположную ситуацию (рис. 5).

По данным RLMS, наивысших оценок занятость без оформления договора достигла в 2017 г. – 7,6%, в годы пандемии 2020–2021 гг. она снизилась до 6,2–6,1%. Росстат также показывает небольшое снижение занятости на основе устной договоренности. Исследование, организованное РГГУ в 2022 г., в свою очередь, показало снижение уровня неоформленной по договору занятости с 17,5 до 8,3% (рис. 6).

В исследовании 2022 г. на 5% увеличилась доля респондентов, работающих в органах власти и финансов, на 4% – в сфере образования, науки, культуры и здравоохранения, на 8% уменьшилась доля работающих в торговле, на 4% – в строительстве. Торговля и строительство – наиболее прекаризированные сферы экономики, сокращение количества занятых в этих отраслях можно расценивать как уменьшение количества неформально занятых. Мы видим 10-процентное увеличение доли лиц с высшим образованием и такое же уменьшение респондентов со средним и средним специальным. Эти данные можно соотнести с 8-процентным увеличением работников, трудоустроенных по бессрочным договорам, и 9-процентным уменьшением занятых по устной договоренности. Таким

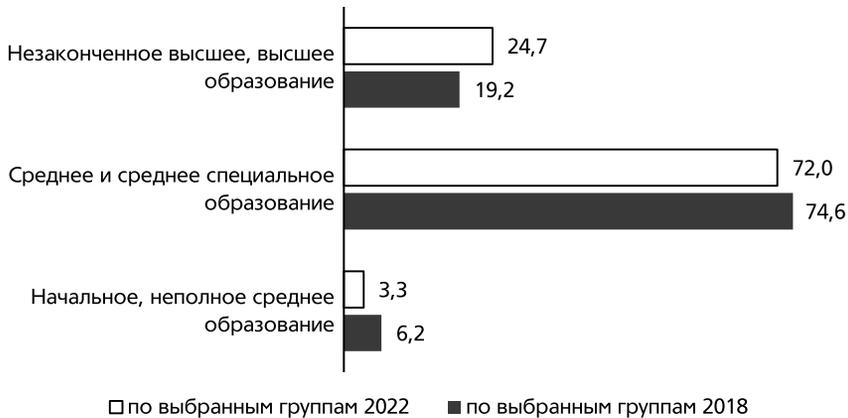

Рис. 7. Уровень образования опрошенных респондентов в промышленности, строительстве, на транспорте, 2018–2022, в %

Источники: П-2018; П-2022.

образом, выборка сместилась в сторону высокообразованных респондентов и соответственно в ней оказалось представлено меньше неформально занятых. Наши исследования показали, что, как правило, прекаризованная занятость характерна для людей с более низким уровнем образования (см. [Анисимов, 2022: 100–111]). Однако, во-первых, даже с учетом смещения выборки, нельзя говорить об увеличении уровня неформальной занятости за прошедшие годы. Во-вторых, для уточнения наших выводов мы отобрали три отрасли (промышленность, транспорт, строительство), в которых в пятилетней динамике не обнаружено существенной дифференциации по уровню образования, т.е. нет смещения в сторону высокообразованных респондентов (рис. 7), однако и там наблюдается уменьшение неформальной стандартно занятости (рис. 6). Поэтому общий вывод не изменился – на фоне пандемии и СВО роста занятых без стандартного оформления договора не происходит и это подкрепляется не только нашими данными, но и данными Росстата и RLMS-HSE.

Возникает вопрос о факторах, влияющих на отсутствие роста неформальной занятости. Ниже мы попробуем дать ответы на этот вопрос, не претендуя на их полноту.

Факторы снижения неформальной по письменному договору занятости в России. Мы выделили несколько, на наш взгляд, значимых факторов, влияющих на занятость, не оформленную официально по письменному договору, не определяя основные и второстепенные причины ее снижения или как минимум роста.

Общее сокращение рабочей силы в России. Рабочая сила в России вследствие демографических причин сокращается (рис. 8). Негативную динамику временно изменило воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., но с 2017 г. опять начинается сокращение рабочей силы. Возможно, новые регионы России опять дадут прирост рабочей силы, но, на наш взгляд, негативный тренд впоследствии возобладает. Сокращение рабочей силы способствует общему сокращению занятости с устным оформлением договора, так как возрастает конкуренция за работников, а стандартная занятость предпочтительнее для них. Одним из факторов, влекущих увеличение неформальной по письменному договору занятости, является увеличенное предложение рабочей силы на фоне снижающегося спроса на нее. В этом случае люди вынуждены соглашаться на худшие условия труда и прекаризованные трудовые отношения.

Проблему сокращения рабочей силы обычно решают за счет миграции. Российская трудовая миграция, как правило, нелегальна, т.е. трудовые отношения между

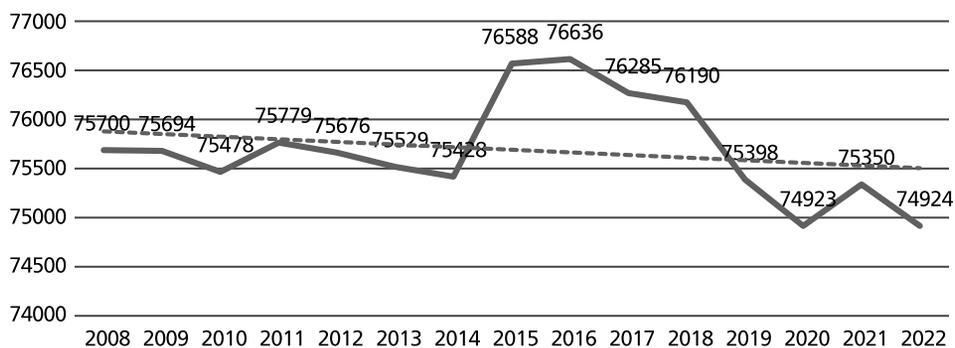

Рис. 8. Динамика рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в России, 2008–2022, тыс. чел.

Источники: составлено по: [Рабочая сила..., 2022: 12]; Трудовые ресурсы, занятость и безработица. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 09.04.2023).

работодателем и мигрантом строятся на устной договоренности, и поэтому трудовая деятельность мигрантов увеличивает количество занятых по устной договоренности работников. Но в настоящее время миграция в Россию становится менее привлекательной вследствие девальвации рубля, а ранее, в период пандемии, это усугубилось закрытием границ [Мкртчян, Флоринская, 2021: 50]. Начало СВО также не способствовало привлекательности России для труда мигрантов. К тому же с началом СВО и особенно с объявлением частичной мобилизации последовал отток россиян в страны ближнего и дальнего зарубежья, что снизило общее количество рабочей силы. В таких условиях неоформленная по письменному договору занятость вряд ли может расти: экономика России испытывает потребность в «живых» рабочих руках, что заставляет работодателя улучшать трудовые отношения и трудоустраивать официально.

Принятие закона о самозанятых. Еще одним фактором отсутствия роста занятых по устной договоренности является придание официального статуса самозанятым. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (закон о самозанятых) 1 января 2019 г. был запущен в 4 пилотных регионах, а с середины октября 2020 г. начал действовать по всей стране. До принятия закона общая численность самозанятых в стране составляла 936 человек (на 1 января 2018 г.), после – начался лавинообразный рост самозанятых работников и по состоянию на 31.03.2023 г. количество самозанятых в стране составило 7 145 684 человека⁴. За три года количество самозанятых в России выросло в 12,6 раза, и в ряде случаев эта форма трудовых отношений является альтернативой для занятости наемных работников на основе устной договоренности. Здесь стоит оговориться – самозанятость подразумевает, что работник выступает в двух «ипостасях»: с одной стороны, он работодатель и выступает как наниматель рабочей силы, но нанимает он сам себя, и в этой ипостаси выступает уже как наемный работник. Закон слабо учитывает последнее обстоятельство, и поэтому самозанятому не обеспечиваются те же социальные гарантии как наемному работнику, хотя по факту он им является. Правительство относится к самозанятому как к «микрпредпринимателю», т.е. учитывается только одна «ипостась» самозанятого, которому нужно помогать, развивая малый бизнес в России. Поэтому с самозанятого идут минимальные налоговые отчисления, и, на наш взгляд, главная цель этого закона – как-то легализовать занятых на основе устной договоренности. Этим пользуются компании, переводя своих де-факто наемных

⁴ Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Официальный сайт ФНС России. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 09.04.2023).

работников в статус самозанятых. В этом случае уместней говорить о лжесамозанятости. Конечно, официальный статус лучше, так как позволяет оформить кредит, ипотеку, субсидии на детей, и государство движется в правильном направлении в процессе легализации занятых без оформления письменного договора. Но, на наш взгляд, данная версия закона, помимо легализации неоформленной по письменному договору занятости, также служит способом снятия налогового бремени с работодателя и несущественно облегчает жизнь наемным работникам, оформленным как самозанятые. Несмотря на вышеперечисленное, мы полагаем, что принятие этого закона – еще один фактор сокращения неоформленной по письменному договору занятости в России.

Сокращение теневого рынка труда. Во время пандемии правительство страны разработало различные программы поддержки предприятий с целью предотвратить рост безработицы и невыплат заработных плат. Прежде всего, это меры, направленные на поддержку занятости на предприятиях (ФОТ 3.0⁵, беспроцентные кредиты на заработную плату⁶). Эти меры, а точнее деньги, распределялись в зависимости от количества работающего на предприятии персонала. По умолчанию эти люди должны были быть официально оформлены. Таким образом, огромный сегмент теневого рынка труда⁷, а именно предпринимателей-работодателей и неформально трудоустроенных граждан, работающих по преимуществу в малом бизнесе, оказался без этой социальной поддержки. А сами предприниматели, ранее извлекавшие дополнительную ренту⁸ из неформальных трудовых отношений, оказались в затруднительных экономических условиях. Неформальная деятельность приносит свои выгоды в благоприятных условиях, но в кризис рассчитывать на поддержку со стороны государства в России могли только предприятия и организации с формально трудоустроенным персоналом, и это по преимуществу были предприятия среднего и крупного бизнеса, имеющие достаточно оборотных средств, а также лоббистских возможностей для помощи со стороны государства. Малые предприятия с преобладанием неоформленной занятости банкротились и/или закрывались, а количество занятых в них сокращалось (рис. 9).

⁵ ФОТ 3.0 – сокращенно от Фонд оплаты труда, пришедшая на смену ФОТ 2.0 льготная кредитная программа, в результате действия которой предприятия и организации из наиболее пострадавших отраслей могли получить льготные кредиты по ставке 3%, остальное субсидировало государство. В течение первого полугодия заемщик не выплачивает основной долг и проценты по кредиту. Во втором полугодии это можно будет делать равными долями ежемесячно. Размер кредита зависит от количества сотрудников, занятых в организации. Она определяется исходя из МРОТ (12.792), на каждого работника в расчете на 12 мес. Максимальная сумма – 500 млн руб. Главное условие: заемщик должен сохранить не менее 90% рабочих мест в период действия кредитного договора. Ключевое условие участия в программе остается прежним: компаниям необходимо было сохранить численность сотрудников на уровне не ниже 90%. Этот показатель контролировался через данные ФНС (т.е. работники должны были быть официально устроены – курсив мой). URL: http://government.ru/support_measures/measure/150/ (дата обращения: 11.09.2023).

⁶ Беспроцентные кредиты на зарплату. Кредитование предприятий из пострадавших отраслей на выплату зарплат сотрудникам будут осуществлять банки при поддержке Центрального банка. Гарантия по кредиту обеспечивается поручительством ВЭБ (до 75%). Первые шесть месяцев ставка по кредитам – 0%, следующие шесть месяцев ставка определяется как ключевая ставка Банка России, уменьшенная на 2 п.п. (в настоящее время – 3,5%). Максимальная величина заемных средств будет рассчитываться по формуле: количество сотрудников (на основании трудовых договоров) × МРОТ × на 6 месяцев (курсив мой). URL: http://government.ru/support_measures/measure/51/ (дата обращения: 11.09.2023).

⁷ Под теневым рынком труда мы понимаем «неформальный вид занятости, демонстрирующий сокрытие реально существующих отношений найма в целях роста доходности трудовой сделки» [Акьюлов, 2020: 99].

⁸ Мы утверждаем, что дополнительный доход, извлекаемый работодателем из-за сокращения издержек на налоги, происходит не вследствие трудовой деятельности работника, а благодаря правовому положению работодателя (т.е. в основе этого дохода лежит не экономика, а власть), и таким образом данный ресурс является рентой, а не прибылью.

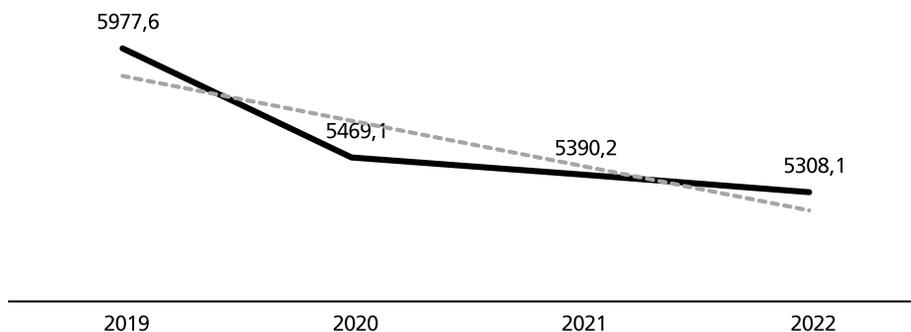

Рис. 9. Динамика средней численности работников малых предприятий без учета микропредприятий, тыс. чел.

Источник: Составлено по: Социально-экономическое положение России – 2020 г. (Росстат). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/IssWWW.exe/Stg/d11/2-3-2.doc (дата обращения: 09.04.2023); Социально-экономическое положение России – 2021 г. (Росстат). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/IssWWW.exe/Stg/d11/2-3-2.doc (дата обращения: 09.04.2023); [Социально-экономическое..., 2022: 121; Социально-экономическое..., 2023: 105].

За период с 2019 по 2022 г. только официальная численность занятых на малых предприятиях сократилась на 600 тыс. человек. Сколько занятых без оформления письменного договора прекратило свою деятельность на этих предприятиях, неизвестно. Мы предполагаем, что часть этих людей перешла в разряд самозанятых, а часть трудоустроилась официально, тем самым как минимум не увеличивая общий объем прекариата.

СВО также внесла коррективы в объем прекариата. От санкций в наибольшей степени пострадали наиболее прекаризированные отрасли экономики – торговля и транспорт. Государство в период СВО увеличило гособоронзаказ, продолжило крупные строительные проекты, и, как правило, деньги, выделяемые правительством, получают крупные предприятия с низким уровнем прекаризации трудовых отношений. К этому стоит прибавить и усиление контроля за расходованием государственных финансов, и «особую чувствительность» правительства к нарушениям трудового законодательства в тех проектах, в которых оно участвует⁹. В таких условиях можно предполагать сокращение неоформленной по письменному трудовому договору занятости на предприятиях, осваивающих бюджетные средства. Помимо этого, немаловажную роль в сокращении прекарной занятости сыграла и частичная мобилизация, а также активная рекламная кампания службы в Вооруженных силах РФ и частных военных компаниях, а также бронь, предоставляемая работникам, выделяемая, как правило, предприятиям ОПК, работающим преимущественно «по-белому». Мы предполагаем, что часть неформально занятых воспользовалась возможностью не быть призванными в рамках частичной мобилизации, трудоустроившись на эти предприятия. Эти меры позволили сократить количество неформально занятого населения в экономической сфере России.

Таким образом, экономические вызовы, с которыми столкнулась Российская Федерация за последние годы, ведут, во-первых, к сокращению малых предприятий, во-вторых, к усилению крупных предприятий, так или иначе связанных с государством. Этот факт, в свою очередь, позволяет предположить, что нынешняя ситуация в экономике способствует укреплению олигополий: перефразируя знаменитое утверждение «выживают крупнейшие». Усиление крупных предприятий способствует как минимум нераспространению

⁹ В качестве показательного кейса см. ситуацию с задержкой заработной платы строителей космодрома «Восточный». URL: <https://www.rbc.ru/society/16/04/2015/552fa99a9a79474738b1a566> (дата обращения: 16.09. 2023).

Таблица

Количество предприятий в 2019–2021 (тыс.)

Годы	Число предприятий и организаций	Государственная и муниципальная форма собственности	Частная форма собственности	Смешанная российская форма собственности
2019	3 826,90	278,9	3 261,00	18,7
2020	3 517,40	274,4	2 974,60	16,9
2021	3 345,10	267,1	2 824,30	14,7

Источник: [Российский..., 2022: 328].

неоформленной занятости – ядра прекарной занятости, что является отрадным фактом для наемных работников и, наоборот, безотрадным для сторонников экономической свободы и развития частного предпринимательства. Свободный рынок вследствие уменьшения числа его субъектов сокращается. За три года количество предприятий уменьшилось на 480 тыс. При этом если количество предприятий с государственной формой собственности сократилось на 11 тыс., то предприятий с частной формой собственности стало меньше на 430 тыс. (табл.), предпринимательская инициатива сужается, но трудовые отношения улучшаются. Уходят с рынка, как правило, частные предприятия малого бизнеса, в которых и преобладала прекарная занятость, так как она являлась дополнительным преимуществом для функционирования этих предприятий, оставляя за скобками то, что преимущество достигалось за счет сокращения социальных гарантий наемных работников этих предприятий.

В годы пандемии и начала СВО государство выступило основным драйвером развития экономики. Это привело к сокращению экономических агентов и складыванию олигополий. Объем рынка, в том числе и его неформального сектора (рис. 4), а также теневой рынок труда сократились, и в настоящий момент преимущество имеют крупные игроки промышленности, работающие на государство.

Выводы. Экономическая сфера России за прошедшие пять лет столкнулась с двумя крупными внеэкономическими вызовами (пандемия и СВО) и в целом, несмотря на изначально катастрофические прогнозы, адаптировалась к ним. При анализе трудовых отношений, произошедших за эти пять лет, мы обнаружили парадоксальный факт отсутствия роста и даже снижение неоформленной на основе письменного договора занятости, несмотря на неблагоприятную экономическую конъюнктуру. Мы указали три причины такого развития процессов прекарнизации трудовых отношений. Во-первых, общее снижение рабочей силы в России, не компенсирующееся увеличением трудовой миграции, что приводит к увеличению спроса на рабочую силу и заставляет работодателя улучшать привлекательность рабочего места, в том числе и за счет выполнения социальных гарантий, положенных стандартно трудоустроенным работникам. Во-вторых, меры поддержки правительства в период пандемии и СВО полагались прежде всего предприятиям и организациям с официально трудоустроенными работниками, что привело к сокращению частных предприятий малого и среднего бизнеса, в которых преобладала неоформленная стандартно занятость. К этому стоит добавить легализацию самозанятости, которая позволила «обелить» часть неформально занятых, присвоив им статус самозанятого. В-третьих, можно выделить общую тенденцию сокращения теневого рынка труда и неформальной экономики в России.

Выявленная нами тенденция требует корректировки подходов к феномену прекарной занятости. Ранее большинством авторов, к числу которых принадлежит и автор статьи, прогнозировалось увеличение прекарной занятости при любой экономической ситуации, тем более при неблагоприятной. Очевидно, это не так. Неоформленная по письменному

договору занятость как часть прекарных трудовых отношений растет при благоприятной экономической ситуации, когда ослабевает контроль государства над экономикой, экономических и финансовых ресурсов хватает на все предприятия и организации, включая малые. При этом благосостояние населения растет и соответственно растет сфера услуг – основной поставщик малого бизнеса и прекариата, страна обладает внешней привлекательностью для трудовых мигрантов, в том числе нелегальных – еще одних поставщиков прекариата. В противоположной ситуации, когда имеющихся экономических ресурсов на всех не хватает, прежде всего сокращается независимая (в том числе и в плане помощи) от государства частная инициатива и как следствие – неоформленная по письменному договору занятость.

Росла бы прекарнизация трудовых отношений, если бы не было пандемии и СВО? Мы предполагаем, что да. Будет ли она расти в дальнейшем? Это зависит от дальнейшего развития экономики. Если будет происходить экономический рост и благосостояние людей, будет развиваться малое предпринимательство, то мы увидим рост прекариата, вполне возможно, в форме лжесамозанятости. В обратном случае сокращающиеся ресурсы будут распределяться по преимуществу в крупные государственные или окологосударственные олигополии и соответственно прекарные трудовые отношения будут сокращаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акьюлов Р.И. Теневой рынок труда и экономическая безопасность России: проблемы и перспективы // Муниципалитет: экономика и управление. № 3(32). С. 97–106.
- Анисимов Р.И. Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1. С. 10–27. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842.
- Анисимов Р.И. Рабочее время и социальные гарантии прекариев (опыт сравнительного анализа) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 100–111. DOI: 10.31857/5013216250021071-1.
- Зудина А.А. Макротренды на рынке труда и новый молодой пролетариат // Социодиггер. 2022. Т. 3. Вып. 10(22). С. 16–23.
- Капогузов Е.А., Чупин Р.И. «Санкции 2022»: возможности и ограничения реакционного регулирования со стороны российского государства // Вопросы регулирования экономики. 2022. № 13(1). С. 67–74. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.1.067-074.
- Ляшок В.Ю. Санкции и российский рынок труда: эффект пока неочевиден // Экономическое развитие России. 2022. № 8(161). С. 50–55.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. Т. 28. № 1. С. 50–54.
- От прекарной занятости к прекарнизации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
- Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): Стат. сб. М.: Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (дата обращения: 09.04.2023).
- Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. М.: Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2022.pdf (дата обращения: 09.04.2023).
- Сапунова Т.А., Сапунов А.В. Анализ инфляционных процессов в России в условиях экономических санкций // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 40(2). С. 251–254.
- Социально-экономическое положение России – 2022 г. М.: Росстат, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2022.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).
- Социально-экономическое положение России – 2023 г. М.: Росстат, 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-05-2023.pdf> (дата обращения: 09.06.2023).
- Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf (дата обращения: 09.04.2023).
- Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. М.: Росстат, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 09.04.2023).

Статья поступила: 31.07.23. Финальная версия: 16.10.23. Принята к публикации: 16.11.23.

DYNAMICS OF EMPLOYMENT IN RUSSIA (2018 – MID-2023)

ANISIMOV R.I.

*Russian State University for the Humanities, Russia**Roman I. ANISIMOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia (ranisimov@list.ru).*

Abstract. The article examines the impact of the pandemic and a special military operation on the economic sphere and labor relations in the Russian Federation. The conclusion is made that the Russian economy has successfully adapted to these phenomena. Initial forecasts about the collapse of the economy did not come true; the economic situation is stable. In addition, based on statistical data and the results of sociological research, a decrease in informal employment of Russians is stated. During the pandemic and its beginning, the number of employees working without a contract has not increased, there is an increase in standard employed Russians. There are three main reasons for this process. The first is the reduction of the labor force in Russia, which increases the demand for it and, accordingly, the improvement of labor relations, the second is the actions of the government during the pandemic, aimed primarily at helping officially employed workers and the adoption of the law on the self-employed, the third is the reduction as a result of the pandemic and a special military operation of private small and medium-sized businesses, the main places of work informally employed, reduction of the informal economy and the shadow labor market. These findings force us to reconsider our approaches to the growth of the precariat, the core of which is informally employed wage workers. The number of precarious is growing with a favorable economic situation, growth of economic initiative and non-interference of the state in the economic sphere. In the opposite situation, the number of precarious workers decreases.

Keywords: Covid-19, special military operation, economy, labor relations, precarious employment, informal employment.

REFERENCES

- Akyulov R.I. (2020) Shadow labor market and economic security of Russia: problems and prospects. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: Economics and Management]. No. 3(32): 97–106. (In Russ.)
- Anisimov R.I. (2021) The Precariat as a New Social Class in the Context of Marxist Theory. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 27. No. 1: 10–27. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7842. (In Russ.)
- Anisimov R.I. (2022) Working hours and social guarantees of the precariat (a comparative analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 100–111. DOI: 10.31857/5013216250021071-1. (In Russ.)
- Kapoguzov E.A., Chupin R.I. (2022). "Sanctions 2022": The impossibility and ban on regulation by the Russian state in a blow. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki* [Journal of Economic Regulation]. No. 13(1): 67–74. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.1.067-074. (In Russ.)
- Labor and employment in Russia. 2019:* Statistical book. (2019) Moscow: Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2019.pdf (accessed 09.04.2023). (In Russ.)
- Labor and employment in Russia. 2021:* Statistical book. (2021) Moscow: Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (accessed 09.04.2023). (In Russ.)
- Labor force, employment and unemployment in Russia (according to the results of sample labor force surveys):* Statistical book. (2022) Moscow: Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (accessed 09.04.2023). (In Russ.)
- Lyashok V.Yu. (2022) Sanctions and Russian Labor Market: The Effect is not Yet Evident. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Russian economic development]. No. 8(161): 50–55. (In Russ.)
- Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2021) Migration to Russia: the lowest level in a decade. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*. [Russian economic development]. Vol. 28. No. 1: 50–54. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook 2022:* Statistical book. (2022) Moscow: Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2022.pdf (accessed 09.04.2023). (In Russ.)
- Socio-economic situation of Russia – 2022.* (2022) Moscow: Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2022.pdf> (accessed 09.04.2023). (In Russ.)
- Socio-economic situation of Russia – 2023.* (2023) Moscow: Rosstat. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-05-2023.pdf> (accessed 09.06.2023). (In Russ.)
- Toschenko Zh., ed. (2020) *The emergence of a new class*. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)
- Toschenko Zh., ed. (2021) *Precarious employment: origins, criteria, features*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toschenko Zh., ed. (2022) *From precarious employment to precarization of life*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Zudina A.A. (2022) Macro trends in the labor market and the new young proletariat. *Sociodigger*. Vol. 3. Iss. 10–11(22): 6–23. (In Russ.)

И.А. КОРШУНОВ, Н.Н. ШИРКОВА, П.С. СОРОКИН

ЗАПРОС РАБОТОДАТЕЛЕЙ НА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ: АНАЛИЗ ОТКРЫТЫХ ВАКАНСИЙ

КОРШУНОВ Илья Алексеевич – кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории непрерывного образования взрослых (ikorshunov@hse.ru); ШИРКОВА Наталия Николаевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Лаборатории непрерывного образования взрослых (nshirkova@hse.ru); СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией исследований человеческого потенциала и образования (psorokin@hse.ru). Все – Институт образования, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Эффективное самостоятельное действие человека в различных областях экономики является важным условием не только его личного успеха и благополучия домохозяйства, но и обеспечивает устойчивость для более широкой социально-экономической среды. На основе проведенного контент-анализа баз данных о работе авторами исследован запрос российских работодателей на самостоятельное поведение работников в разрезе уровня заработных плат, должностей и отраслей экономической деятельности. Самостоятельность наиболее часто запрашивается работодателями в отраслях, ориентированных на интеллектуальную и творческую деятельность с высокой долей внедрения инновационных и креативных технологий. При этом конкретные характеристики, связанные с самостоятельностью, коррелируют с должностью и размером предлагаемой заработной платы. В сегменте низких заработных плат доминирует запрос на характеристики, предполагающие осознанное действие работника и его умение решать текущие задачи, тогда как на уровне высоких зарплат дополнительно возрастает необходимость проявления лидерских компетенций, решительности, автономности, многозадачности, стратегического планирования, организационного управления коллективами и запуска новых самостоятельных проектов (корпоративное предпринимательство).

Ключевые слова: самостоятельность • рынок труда • запрос работодателей на навыки • работник • базы данных о работе • вакансии

DOI: 10.31857/S0132162524010085

Самостоятельность в сфере труда: подходы и определения. Понятие самостоятельности по-разному трактуется отечественными и зарубежными исследователями. Согласно одному из взглядов, оно рассматривается как зонтичный конструкт, объединяющий широкий круг понятий, отражающих эффективное индивидуальное действие, которое связано с определенной степенью свободы, осознанным выбором цели и средств ее достижения, в противовес поведению, детерминированному исключительно внешней (управленческой) средой и трудовыми регламентами [Сорокин, 2023]. В круг понятий, которые было предложено относить к аспектам самостоятельности, входят автономия, инициативность, трансформационное лидерство, гиперменеджмент, проактивность, предприимчивость и др.¹

Авторы статьи выражают благодарность Юлии Николаевне Корешниковой, кандидату педагогических наук, аналитику Лаборатории непрерывного образования взрослых Института образования, за оказанную помощь при проведении данного исследования и за работу по анализу и обобщению эмпирических данных.

¹ Запрос работодателей на навыки, связанные с самостоятельностью и предпринимательством в различных отраслях экономической деятельности: отчёт о НИР (заключ.) // Национальный

В социологии понятие самостоятельности и связанный с ним круг описываемых аспектов трудовой жизни важны с точки зрения комплексного понимания того, как преломляется фундаментальная проблема «структуры-действия» к вопросам организационного поведения в меняющейся социальной реальности, характеризующейся деструктуризацией и определяемыми ею новыми требованиями и возможностями [Сорокин, Фруммин, 2020; Сорокин, Попова, 2022].

Среди наиболее проработанных попыток отразить место проблемы самостоятельности в моделях социальной реальности можно отметить несколько теорий в менеджменте, психологии и социологии. В модели *рабочих характеристик* самостоятельность определяется как уровень свободы человека во время планирования своей работы и определения способов её выполнения [Hackman, Oldham, 1976]. Чем большей самостоятельностью обладает сотрудник, тем больше результаты его работы зависят от затраченных усилий, а не от четкости инструкций со стороны руководителя. Самостоятельное поведение рассматривается как проактивная, самоиницированная деятельность [Yaakobi, Weisberg, 2020], которая не регламентируется какими-либо формальными документами [Ильина, 2022]. Отмечается также, что самостоятельность отражает высокий уровень вовлеченности, связанный с лидерскими характеристиками человека [Старикова, Маничев, 2019] и его умением работать в условиях неопределенности, многозадачности и высокой нагрузки [Ashfaq et al., 2021]. Указанные разработки пока недостаточно осмыслены в социологической литературе, в том числе с позиций фундаментальных вопросов теории, включая один из центральных вопросов о «структуре-действии» – способности индивидуального действия инициативно трансформировать социальную среду.

В теории *самоопределения (самодетерминации)* самостоятельность объясняется с точки зрения процесса выбора и принятия решений и потребности в автономии [Deci, Ryan, 2008]. Автономное поведение работника позволяет ему быть инициатором, объектом рабочего процесса. Самостоятельность рассматривается как естественная потребность человека, которая должна быть удовлетворена для оптимального поддержания жизнедеятельности [Мандрикова, 2010; Rajan et al., 2021].

Исследователи отмечают, что самостоятельность может быть двух видов: реактивной и рефлексивной [Koestner, 2008]. Реактивная самостоятельность в основном проявляется в отказе от принятия помощи, независимости и предпочтении работать обособленно. Рефлексивная – характеризуется свободой выбора целей, вовлеченностью в трудовые процессы, предприимчивостью и генерацией новых способов решения.

В литературе появляется всё больше исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на самостоятельность работников. Отмечается, что авторитарный стиль управления или особенности культуры могут быть препятствиями для проявления автономного поведения. Так, высокий уровень самостоятельного поведения в большей степени поощряется в западном обществе, но сталкивается с определенными ограничениями в коллективистских сообществах [Arefin et al., 2019]. А.Л. Темницкий замечает, что по сравнению с другими ценностями, связанными с рабочими процессами (заработок, гарантия занятости, интерес, карьерный рост, польза для общества, оказание помощи, личные контакты), самостоятельное поведение находится у российских работников только на шестом месте из восьми [Темницкий, 2019].

В научной литературе отмечается, что формализованные, забюрократизированные организационные структуры не позволяют сотрудникам проявлять инициативу, вынуждают их чувствовать свою беспомощность, неудовлетворенность работой и вызывают снижение уровня вовлеченности в трудовые процессы [Schmid, Dowling, 2020; Knight et al., 2022]. К подобным организационным структурам относятся предприятия, чья деятельность связана с рутинным, физическим трудом, а также сфера обслуживания [Lamberti

et al., 2020]. В то же время ИТ-технологии, общественная деятельность, здравоохранение и фармацевтика, напротив, предоставляют работникам больше свободы и, как следствие, поощряют их к проявлению более высокого уровня самостоятельного поведения [Grover et al., 2017; Hechanova et al., 2006]. Так, 79% руководителей высокотехнологических предприятий, которые обучались на курсах повышения квалификации, и 65% не обучавшихся важнейшим качеством для реализации инновационно ориентированных проектов назвали способность самостоятельно принимать решения [Арсентьев, Дежина, 2021]. Обнаружено, что уровень самостоятельности медсестер, чья работа связана непосредственно с помощью пациентам, был на 24% выше, чем у тех, кто вынужден выполнять строго ограниченный круг задач, связанных с низкопроизводительным трудом (например, заполнением документов) [Sharafizad, 2019].

В основу социологической теории поля (N. Fligstein) положено представление о стратегических, осмысленных действиях индивидуальных акторов, инициирующих изменения в социальных структурах (полях) [Флигстин, 2022]. Эта теория выдвигает концепцию социального навыка, отражающего способность акторов к стратегическим действиям, недетерминированным логикой самого поля, но связанным с сознательными стратегиями индивидов по изменению полей или даже созданию новых. В частности, самостоятельное поведение может выражаться в способности одних акторов привлекать других к сотрудничеству с целью выполнения того или иного вида деятельности, недетерминированного внешними структурными условиями. Для сферы организационного поведения это означает, что работник может, во-первых, осуществлять осознанные самостоятельные действия внутри одного поля (своего рабочего процесса), вызванные, например, взаимодействием с его доминирующими акторами (работодателями), во-вторых, действовать стратегически между разными полями, включая внешние социальные группы и коллективы. В этом случае самостоятельность работника характеризуется предприимчивостью и инициативностью, лидерским поведением и долгосрочным планированием.

Цель исследования состояла в изучении запросов работодателей на самостоятельное поведение сотрудников и идентификацию характеристик трудового поведения, связанных с самостоятельностью. В контексте гипотезы исследования самостоятельность рассматривается как интегрированное свойство личности и, вероятно, носит двойственный характер. На низовом уровне самостоятельность может выражаться в навыке ситуационной исполнительности, предусматривающей проявление самостоятельности в условиях выбора одного из способов решения поставленных задач, а на высоких уровнях организационных иерархий самостоятельность рассматривается как более сложный социальный навык, позволяющий инициировать новые формы взаимодействия внутри разных социальных групп и структур (полей) и между ними.

Данные, методология и ограничения исследования. *Первый этап* – выделение навыков, которые могут быть ассоциированы с самостоятельностью как зонтичным конструктом. Для этого были проанализированы ключевые перечни навыков, представленные «АНО – Россия страна возможностей» [Степашкина и др., 2022], «Всемирным экономическим форумом»², а также Атласом новых профессий³. К числу навыков, которые связаны с самостоятельным поведением, отнесены: исполнительность, инициативность, целеустремленность, заинтересованность, амбициозность, работоспособность, ведение переговоров, обучение других и наставничество, управление знаниями, креативное мышление, контроль качества деятельности, планирование и организация деятельности, клиентоориентированность, ориентированность на результат, продуктивность, сотрудничество, системное мышление, проактивность, принятие решений в условиях неопределенности, стратегическое мышление, решительность, предприимчивость и другие. Отметим,

² The Future of Jobs Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020/> (дата обращения: 14.02.2023).

³ Атлас новых профессий. Надпрофессиональные навыки. URL: https://atlas100.ru/future/crossprofessional_skills/ (дата обращения: 13.02.2023).

что не все из перечисленных навыков в равной степени в явном виде отражают самостоятельность, но, исходя из описанных выше теоретических представлений, могут быть устойчиво связаны с ней. Например, понятия проактивности или предприимчивости имплицитно предполагают эту характеристику, а понятия исполнительности или работоспособности предполагают самостоятельность лишь в случае, если реализуются в условиях определенной автономии. Теоретическая предпосылка настоящего исследования состоит в том, что только для определенного сегмента вакансий требования к характеристикам исполнительности или работоспособности могут сочетаться с требованиями проактивности и т.п. Это косвенно подтверждает предположение, что требования самостоятельности проявляются по-разному для рабочих мест разного иерархического уровня и для ряда вакансий требуется «исполнительная самостоятельность».

Второй этап – контент-анализ вакансий, размещенных в базах данных о работе, для определения запроса работодателей на навык «самостоятельность». Количественный контент-анализ проводился при помощи открытых специализированных компьютерных программ, которые позволяют анализировать большие объемы текстовой информации^{4,5}. Общее количество проанализированных вакансий – 1 млн. Были использованы две рекрутинговые базы – HeadHunter⁶, «Работа России»⁷. Категорией анализа выступили следующие ключевые слова: «самостоятельность», «самостоятельное поведение», «самостоятельно принимать решения / делать выбор / следить за выполнением задач и т.д.». Единица анализа – количество упоминания данных слов или словосочетаний в разрезе должностей, отраслей деятельности, диапазонов заработных плат.

Запрос на навык самостоятельности и связанные с нею навыки (рис. 1) рассчитывался по формуле (1):

$$X = A * 100 / B, \quad (1)$$

где A – количество вакансий, в которых запрашивается самостоятельность, или навык, отражающий её, B – количество вакансий, размещенных на рекрутинговом сайте.

Доля запроса навыка «самостоятельность» в профессиональных отраслях (рис. 2) рассчитывалась по формуле (2):

$$Z = T * 100 / P, \quad (2)$$

где T – количество вакансий в конкретном отраслевом разделе, в которых упоминается навык самостоятельность, P – количество вакансий в конкретном отраслевом разделе.

Доли упоминания навыка самостоятельность в отраслях (рис. 4) и *в должностях* (рис. 5) в различных сегментах заработных плат рассчитывались по формуле (3):

$$N = D * 100 / U, \quad (3),$$

где D – количество вакансий в отраслевом разделе / должности в конкретном диапазоне зарплат, запрашивающих навык самостоятельности, U – количество вакансий в отраслевом разделе / должности в конкретном диапазоне зарплат.

Впоследствии был проведен качественный контент-анализ для идентификации навыков, наиболее часто упоминаемых в вакансиях, в которых присутствует запрос на самостоятельность. Этот вид анализа за счет индуктивного метода интерпретации данных позволил подтвердить сформулированную ранее гипотезу о неоднородности самостоятельности в различных диапазонах предлагаемых заработных плат.

К ограничениям настоящего исследования относится использование преимущественно технологического подхода и количественного анализа массива данных. Однако проведенный первичный анализ позволил получить статистически подтвержденный результат относительно распределения запроса на навык самостоятельного поведения работников в разрезе видов экономической деятельности, должностей и уровней заработных плат.

⁴ Semantic text analysis istio. URL: <https://istio.com/text/analyz> (дата обращения: 13.02.2023).

⁵ Анализ контента сайта. URL: <https://liftweb.ru/content-analysis> (дата обращения: 13.02.2023).

⁶ Работа найдется для каждого. URL: <https://hh.ru/> (дата обращения: 13.02.2023).

⁷ Найдите работу вашей мечты в любой точке России. URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 13.02.2023).

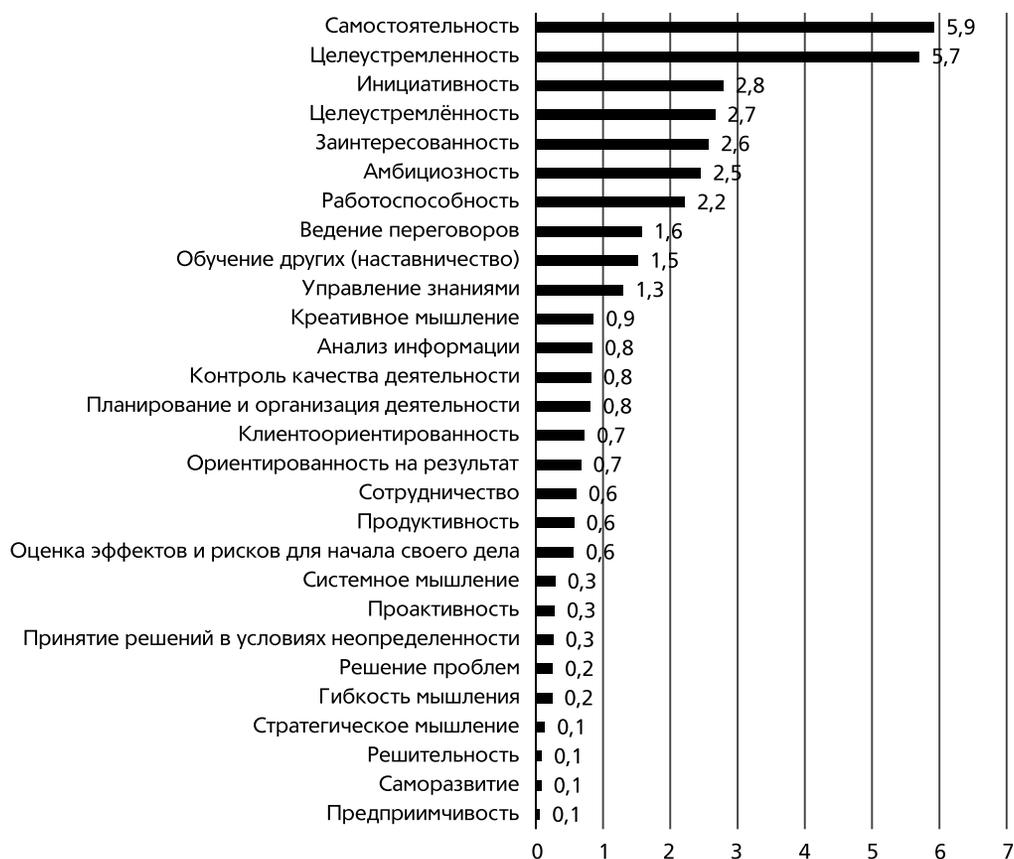

Рис. 1. Запрос на навык «самостоятельность» и навыки, связанные с самостоятельностью, в базе вакансий о работе, % от общего количества вакансий в России

Результаты исследования. В результате контент-анализа вакансий в базах данных о работе обнаружено, что навык самостоятельности – самый запрашиваемый в выделенной группе навыков. Доля его упоминания составляет около 6% от общего количества запросов на компетенции, связанные с самостоятельным поведением (рис. 1).

В целом, запрос на самостоятельное поведение работников наблюдается в широком круге вакансий. Однако чаще навык запрашивается в сфере общественной деятельности, благотворительности и НКО, СМИ, маркетинге и рекламе, искусстве и культуре – динамично изменяющихся отраслях, предусматривающих креативную и проектную занятость, кооперацию с населением, партнерами и заказчиками (рис. 2). Высокий уровень упоминания самостоятельности в общей численности вакансий также в сфере IT, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в данном случае рассматриваемый навык является не столько операционализованной характеристикой, сколько интегральной.

Наименьший запрос на самостоятельность наблюдается преимущественно в отраслях, связанных с жестко регламентированным, а часто рутинным и физическим трудом, в незначительной степени предусматривающим инновационные способы решения задач, креативное поведение, кооперацию и управление. К таким отраслям относятся: автомобильный бизнес, тяжелое машиностроение, металлургия, нефтегазовая отрасль, сельское хозяйство, гостиничный бизнес и др.

Рис. 2. Доля запроса навыка «самостоятельность» в профессиональных отраслях, % от общего количества вакансий, представленных в конкретном отраслевом разделе

Примечание. Общая сумма процентов в данном случае не равняется 100%, так как проценты отражают долю запросов на навык «самостоятельность» не в общей численности вакансий, запрашивающих данный навык, а в общей численности вакансий конкретного отраслевого раздела.

Исследование зарплатного распределения навыка самостоятельность показало наибольшие запросы на его наличие сразу в двух сегментах заработных плат: от 125 до 200 тыс. и в сегменте самых высоких заработных плат – от 275 тыс. рублей (рис. 3). Наименьший запрос на самостоятельность наблюдается в сегменте низких заработных плат: доля вакансий, запрашивающих навык самостоятельности, составляет меньше 5%.

Анализ вакансий в разрезе различных видов экономической деятельности в четырех диапазонах заработных плат показал значимые различия в запросе на самостоятельное поведение работников (рис. 4). Интересным является тот факт, что в отраслях, связанных с более рутинным трудом, работодатели на уровне низких заработных плат серьезно нуждаются в навыке «самостоятельность». При этом речь идет, скорее всего, о самостоятельности низкого уровня, когда работодатель предполагает возможность принятия работником самостоятельных решений в отношении применения различных регламентов и процедур, с учетом возникающих производственных ошибок, отклонений и других неопределенностей.

По мере усложнения трудовых функций и трансформации видов выполняемых работ, предусматривающих кооперацию с людьми, клиентоориентированность, проектную занятость и руководство бизнесом, работодатели начинают активнее запрашивать самостоятельность на уровне высоких диапазонов заработных плат. К таким отраслям относятся: гостиничный сервис и туризм, информационные технологии и здравоохранение.

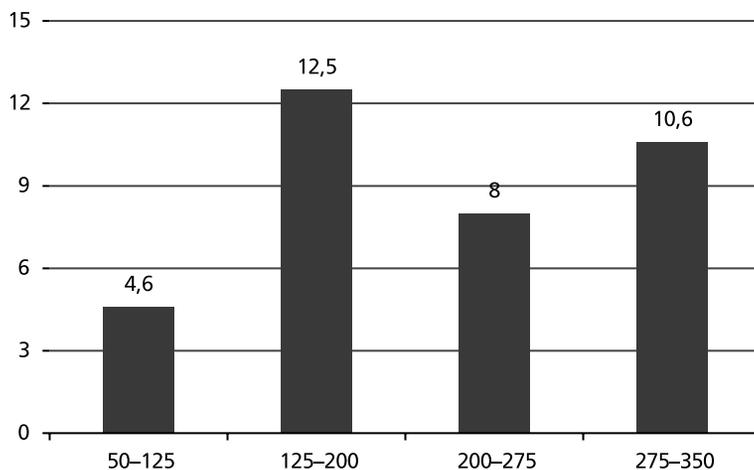

Рис. 3. Доля вакансий, содержащих запрос на навык «самостоятельность» в общей численности вакансий в конкретном диапазоне зарплат, %

Примечание. Общая сумма процентов не равняется 100%, так как проценты отражают долю запросов на навык «самостоятельности» в общей численности вакансий конкретного диапазона зарплат.

Гетерогенность навыка «самостоятельность» возникает и при рассмотрении его распределения в различных должностях, для которых работодатели часто отмечают его в вакансиях (рис. 5). При этом в сегменте низких заработных плат (50–125 тыс. рублей) самостоятельность чаще упоминается в должностях, не предусматривающих инновационную

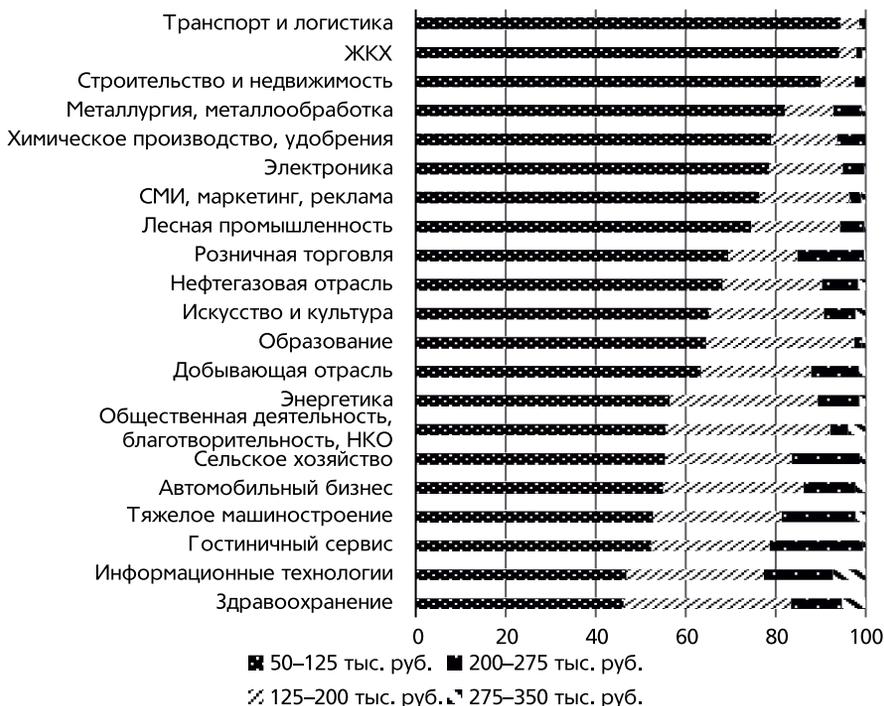

Рис. 4. Доля упоминания навыка «самостоятельность» в различных отраслях в четырех диапазонах заработных плат, % от числа вакансий, запрашивающих навык «самостоятельность» в конкретной отрасли

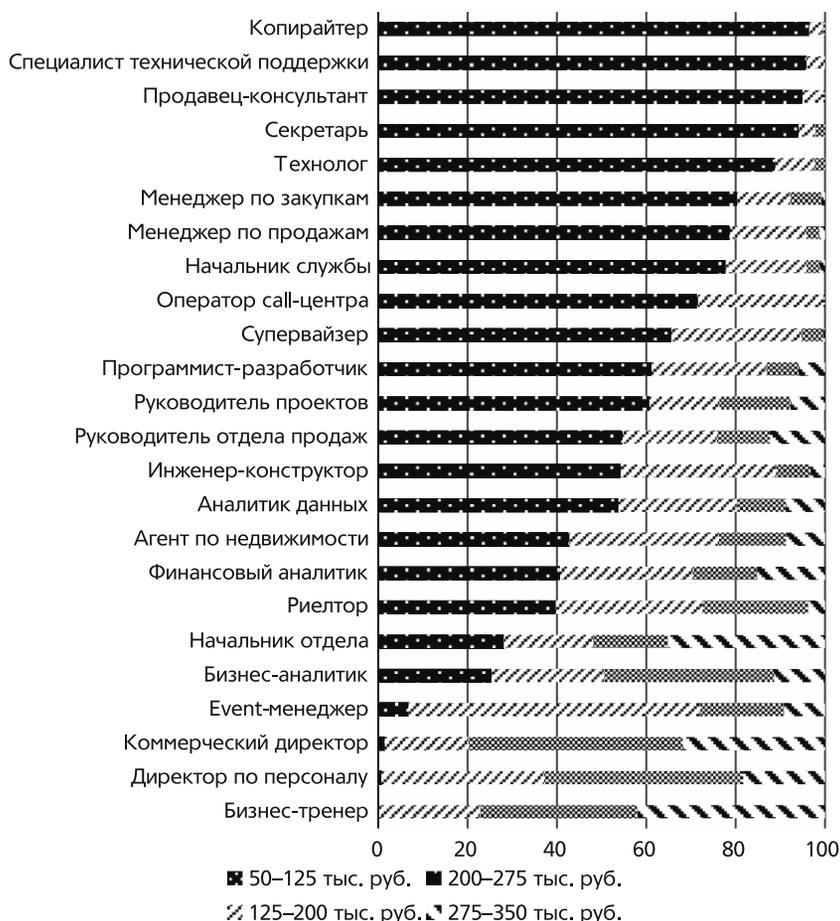

Рис. 5. Доля упоминания навыка «самостоятельность» в описании должностей в разрезе различных уровней заработных плат, % от числа вакансий, запрашивающих навык «самостоятельности» в отрасли

компоненту в своей деятельности: копирайтер, специалист технической поддержки, продавец-консультант, секретарь, технолог и др. Самостоятельность при таком понимании работодателем, формулирующим описание вакансии, предполагает в трудовых функциях работника возможность самостоятельного выбора одного из правил для решения задания, поставленного руководителем и предусматривающего некоторую неопределенность. В этой связи, например, «исполнительность», упоминаемая на рис. 1 почти с такой же частотой в общем числе навыков, связанных с самостоятельностью, может выступать одной из характеристик самостоятельного поведения низкого уровня.

По мере увеличения предлагаемой работникам заработной платы запрос на самостоятельность появляется снова там, где деятельность предполагает более тесную кооперацию с людьми, управление проектами, креативные внедрения и предпринимательское поведение. Самостоятельность вновь запрашивается на уровне организаторов экономических и производственных процессов, а также лиц, способных целенаправленно принимать стратегические инвестиционные и другие бизнес-решения (бизнес-аналитик, коммерческий директор, директор по персоналу, бизнес-тренер и др.).

Таблица

Запрос работодателей на надпрофессиональные навыки в открытых вакансиях с упоминанием навыка «самостоятельность» («+» означает, что не менее 5% рассмотренных вакансий в каждом из диапазонов зареботных плат включает в себя упоминание конкретного навыка, указанного в таблице)

Диапазон заработной платы (по квартилям), тыс. руб.	Ответственность	Активная жизненная позиция, проактивность	Внимательность	Целеустремленность	Самодисциплина	Креативность	Дисциплинированность	Обучаемость	Исполнительность	Лидерство	Решительность	Расстановка приоритетов	Автономность	Инициативность	Многозадачность	Предприимчивость	Управление коллективом	Принятие нестандартных решений	Стратегическое планирование	Генератор идей	Восприимчивость к нововведениям	Интенциональность	
50–125	+	+	+	+	+	+	+	+	+														
125–200	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+							
200–275	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+				
275–350	+	+	+	+	+	+				+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Далее был выполнен качественный лексико-семантический анализ баз данных о работе для составления карты навыков, связанных с самостоятельностью в тех вакансиях, в которых есть запрос на самостоятельность. Оказалось, что полученный перечень не в полной мере совпадает с зонтичными навыками самостоятельности, выделенными нами ранее на основе анализа теоретической литературы, поскольку его формирование определялось позицией и лексическими обозначениями навыков руководителями предприятий (технических и кадровых служб, топ-менеджмента).

Было выявлено, что вакансии нижнего квартиля зареботных плат (до 125 тыс. рублей) дополнительно к самостоятельности включают в описании навыки преимущественно рядовых исполнителей, способных при этом ответственно, внимательно, целеустремленно, дисциплинированно выполнять свои трудовые функции и поручения руководителя. Работодатели ожидают также, что сотрудник будет использовать креативные решения в процессе деятельности.

Второй квартиль (уровень зареботных плат 125–200 тыс. рублей) включает в себя запрос на более производительных сотрудников, способных за счет ответственности, внимательности, целеустремленности, дисциплинированности, инициативности, настойчивости, решительности, предприимчивости автономно и эффективно достигать поставленных руководителем задач, в том числе в условиях многозадачности. В данном случае самостоятельность затрагивает уже не только автономию в организации своего рабочего времени, но и позволяет работнику определять содержание своей работы для более успешной реализации своих трудовых функций. Так, именно в данном квартиле зареботных плат работодатели запрашивают такой навык, как «расстановка приоритетов».

В третий квартиль (уровень зареботных плат 200–275 тыс. рублей) входят сотрудники с еще более высоким уровнем самостоятельного поведения, который дополняется такими навыками, как управление коллективом, умение принимать нестандартные решения, стратегическое планирование. Таким образом, в данном сегменте зареботных плат работодатели подразумевают под самостоятельностью не столько выполнение поручений непосредственного руководителя, сколько умение стратегически планировать деятельность предприятия и команд людей в будущем.

Для самых высокооплачиваемых работников (начиная с 275 тыс. рублей) навыки самостоятельного поведения расширяются такими компонентами, как генерация новых идей, восприимчивость к нововведениям и видение будущего организации («интенциональность»).

Итак, по мере увеличения заработных плат самостоятельность работника преобразуется из простой функциональной деятельности, полученной от работодателя, к деятельности, предусматривающей решение комплексных организационных задач для преобразования характеристик предприятия в стратегической перспективе, включая руководство коллективами.

Заключение. Контент-анализ вакансий позволил сформулировать определенные предположения в отношении самостоятельного поведения применительно к рынку труда. Понимание данного навыка на предприятиях оказывается связанным с такими характеристиками, как должность сотрудника, отраслевая направленность компании, уровень предлагаемой заработной платы.

В исследовании были найдены определенные свидетельства в пользу справедливости гипотезы о гетерогенной структуре самостоятельности. На основе проведенного анализа мы уточнили, что в позиции и во взглядах работодателя самостоятельность может выступать в качестве простого действия – навыка ситуационного решения задач, требующих вместе с тем инновационного поведения или коммуникации с другими коллегами или внешними стейкхолдерами. Верхний уровень предполагает стратегическое самостоятельное действие в виде комплексного, социального навыка стратегического действия, способствующего организации не только собственной деятельности, но и окружающих (например, организации нового проекта, развития направления или рыночного позиционирования компании). С позиций работодателей такой комплексный навык проактивного поведения, кроме собственно самостоятельности, может включать: лидерские качества, решительность, автономность, инициативность и предпринимчивость, многозадачность, стратегическое планирование, управление коллективом и т.д.

Настоящее понимание запросов на самостоятельность различного уровня и релевантного набора навыков показывает, какое именно обучение требуется современным руководителям для обеспечения развития и самореализации персонала, а также запуска новых проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ильина О.Н., Лепёхин Н.Н., Маничев С.А. Проактивное рабочее поведение: концепции и направления исследований // Организационная психология. Т. 12. № 1. 2022. С. 92–127.
- Мандрикова Е.Ю. Теория самодетерминации в организационном контексте: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 126–140.
- Научные исследования в системе взаимодействия институтов: монография / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Сорокин П.С., Попова Т.А. Качество человеческого капитала – ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктуризации // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1. С. 157–168.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-1.
- Старикова М.А., Маничев С.А. Проактивность в профессиональной сфере // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 9. С. 76–98.
- Степашкина Е.А., Суходоев А.К., Гужеля Д.Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Сулоева С.Б., Абушова Е.Е., Бурова Е.В. Анализ проблем и тенденций инновационного развития промышленного сектора экономики РФ // Организатор производства. 2020. Т. 28. № 2. С. 18–30. DOI: 10.25987ZVSTU.2020.71.35.002.
- Темницкий А.Л. Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250005480-1.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. Е.Б. Головляницыной; под науч. ред. В.В. Радаева. М.: ВШЭ, 2022.

- Arefin M.S., Alam M.S., Islam M.R., Rahaman M. High-performance work systems and job engagement: The mediating role of psychological empowerment // *Cogent Business & Management*. 2019. Vol. 6. P. 1–17.
- Ashfaq F., Abid G., Ilyas S., Hasnain A. How transformational leadership influences innovative behavior: the mediating role of psychological empowerment and proactivity of employees // *Independent Journal of Management & Production*. 2021. Vol. 12. P. 241–264.
- Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // *Canadian Psychology*. 2008. Vol. 49. P. 182–185. DOI: 10.1037/a0012801.
- Hackman J.R., Oldham G.R. Motivation through the design of work: Test of a theory // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1976. Vol. 16. No. 2. P. 250–279.
- Knight C., McLarnon M.J., Wenzel R., Parker S.K. The importance of relational work design characteristics: A person-centred approach // *Australian Journal of Management*. 2022. Vol. 47. P. 705–728.
- Koestner R. Reaching One's Personal Goals: A Motivational Perspective Focused on Autonomy // *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*. 2008. Vol. 49. P. 60–67. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.60.
- Lamberti G., Aluja Banet T., Rialp Criado J. Work climate drivers and employee heterogeneity // *The International Journal of Human Resource Management*. 2020. Vol. 33. No.1. P. 472–504. DOI: 10.1080/09585192.2020.1711798.
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. Activity Theory for the De-Structuralized Modernity // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2022. No. 56. P. 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Schmid Y., Dowling M. New work: New motivation? A comprehensive literature review on the impact of workplace technologies // *Management Review Quarterly*. 2020. Vol. 72. P. 59–86.
- Sharafizad J., Redmond J., Morris R.J. Leadership/management factors impact on employee engagement and discretionary effort // *International Journal of Organization Theory and Behavior*. 2019. Vol. 23. P. 43–64. DOI: 10.1108/IJOTB-12-2018-0134.
- Yaakobi E., Weisberg J. Organizational Citizenship Behavior Predicts Quality, Creativity, and Efficiency Performance: The Roles of Occupational and Collective Efficacies // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00758.
- Yagil D., Oren R. Servant Leadership, Engagement, and Employee Outcomes: The Moderating Roles of Proactivity and Job Autonomy // *Journal of Work and Organizational Psychology*. 2021. Vol. 37. P. 58–67. DOI: 10.5093/jwop2021a1.

Статья поступила: 11.04.23. Финальный вариант: 18.07.23. Принята к публикации: 16.11.23.

EMPLOYERS' REQUEST FOR EMPLOYEE INDEPENDENCE: ANALYSIS OF VACANCIES ON RECRUITING SITES

KORSHUNOV I.A., SHIRKOVA N.N., SOROKIN P.S.

HSE University, Russia

Ilya A. KORSHUNOV, *Cand. Sci. (Chem.)*, Leading Researcher, Lifelong learning laboratory (ikorshunov@hse.ru); Natalia N. SHIRKOVA, *Cand. Sci. (Pedag.)*, Senior researcher (nshirkova@hse.ru); Pavel S. SOROKIN, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Head of the Laboratory for Human Capital and Education Research (psorokin@hse.ru). All – Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia.

Abstract. Effective independent action of a person in various areas of the economy is an important condition for personal success and well-being of the household, and the broader socio-economic environment, when the risk of reduction or deprivation of income becomes the most widespread. The authors investigated the request of Russian employers for independent behavior of employees in the context of categories of personnel, positions and branches of economic activity based on the analysis of job databases. Independence is most appreciated by employers in industries such as retail and information technology. These industries are key in the request for independence, both in the segment of low and high wages. Specific characteristics related to independence and requested in job descriptions are closely related to the position and the amount of the proposed salary. The authors of the article discuss the hypothesis about the heterogeneous structure of the skill of “independence” as an umbrella concept covering various manifestations. In the segment of low wages, the demand for characteristics that imply a conscious action of the employee and the ability to solve current tasks dominates. At the level of high salaries, employers additionally request the need for employees to demonstrate leadership competencies, generate ideas, determination, autonomy, multitasking, strategic planning, organizational management of teams and the launch of new independent projects (corporate entrepreneurship).

Keywords: independence, labor market, soft skills, initiative, employers' request for skills, employee, job databases, vacancies.

REFERENCES

- Arefin M.S., Alam M.S., Islam M.R., Rahaman M. (2019) High-performance work systems and job engagement: The mediating role of psychological empowerment. *Cogent Business & Management*. Vol. 6: 1–17.
- Ashfaq F., Abid G., Ilyas S., Hasnain A. (2021) How transformational leadership influences innovative behavior: the mediating role of psychological empowerment and proactivity of employees. *Independent Journal of Management & Production*. 12: 241–264.
- Deci E.L., Ryan R.M. (2008) Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*. 49: 182–185. DOI: 10.1037/a0012801.
- Fligstein N., Makadam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: VSHE.
- Hackman J.R., Oldham G.R. (1976) Motivation through the design of work: Test of a theory. *Organizational behavior and human performance*. Vol. 16. No. 2: 250–279.
- High-tech production in the system of interaction of institutions*. (2021) Ed. by G.A. Kliucharev. Moscow: FNITS RAN.
- Ilyina O.N., Lepekhin N.N., Manichev S.A. (2022) Proactive work behaviour: a review of the concepts and research directions. *Organizacionnaya psihologiya* [Organization Psychology]. No. 12(1): 92–127. (In Russ.)
- Knight C., McLarnon M.J., Wenzel R., Parker S.K. (2022) The importance of relational work design characteristics: A person-centred approach. *Australian Journal of Management*. Vol. 47: 705–728.
- Koestner R. (2008) Reaching One's Personal Goals: A Motivational Perspective Focused on Autonomy. *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*. Vol. 49: 60–67. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.60.
- Lamberti G., Aluja Banet T., Rialp Criado J. (2020) Work climate drivers and employee heterogeneity. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 33(1): 472–504. DOI: 10.1080/09585192.2020.1711798.
- Mandrikova E.Yu. (2010) The theory of self-determination in organizational context: review of foreign studies. *Psihologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. No. 7(4): 126–140. (In Russ.)
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2022) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. No. 56: 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Schmid Y., Dowling M. (2020) New work: New motivation? A comprehensive literature review on the impact of workplace technologies. *Management Review Quarterly*. Vol. 72: 59–86.
- Sharafizad J., Redmond J., Morris R.J. (2019) Leadership/management factors impact on employee engagement and discretionary effort. *International Journal of Organization Theory and Behavior*. Vol. 23: 43–64. DOI: 10.1108/IJOTB-12-2018-0134.
- Sorokin P.S., Froumin I.D. (2020) "Structure/agency" problem in the 21st century: changing social reality and research implications. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 27–36. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Popova T.A. (2022) Human capital qualities in responding to challenges for social policy in the context of de-structuration. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 20(1): 157–168. (In Russ.)
- Starikova M.A., Manichev S.A. (2019) Building a professional career in organizations: The role of employee's proactivity. *Organizacionnaya psihologiya* [Organization Psychology]. No. 9(9): 76–98. (In Russ.)
- Stepashkina E.A., Sukhodoev A.K., Guzhelya D.Yu. (2022) *Research of the profile of supra-professional competencies demanded by employers when recruiting students and graduates, young professionals*. Moscow: VSHE.
- Suloeva S.B., Abushova E.E., Burova E.V. (2020) Analysis of problems and trends of the industrial sector innovative development of the Russian economy. *Organizator proizvodstva* [Production Organizer]. Vol. 28(2): 18–30 (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2019) The sociocultural phenomenon of self-dependence in russian citizens' work in an international comparison. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 37–49. (In Russ.)
- Yaakobi E., Weisberg J. (2020) Organizational Citizenship Behavior Predicts Quality, Creativity, and Efficiency Performance: The Roles of Occupational and Collective Efficacies. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00758.
- Yagil D., Oren R. (2021) Servant Leadership, Engagement, and Employee Outcomes: The Moderating Roles of Proactivity and Job Autonomy. *Journal of Work and Organizational Psychology*. Vol. 37: 58–67. DOI: 10.5093/jwop2021a1.

Received: 11.04.23. Final version: 18.07.23. Accepted: 16.11.23.

© 2024 г.

Д.С. ПОПОВ, А.В. СТРЕЛЬНИКОВА

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

ПОПОВ Дмитрий Сергеевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник (dmtrppv@gmail.com); СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник (astrelnikova@hse.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН Москва, Россия.

Аннотация. В социальных науках принято основывать измерение человеческого капитала на количестве лет, потраченных людьми на свое образование. Авторы полемизируют с этим классическим подходом. На данных первой волны (2013) Программы международной оценки компетентности взрослых (PIAAC) показано, что глубокая социально-экономическая трансформация, произошедшая в России на рубеже XX–XXI вв., серьезно повлияла на измеренные в PIAAC навыки (компетенции) россиян, тогда как среднее время, потраченное на получение образования, в кризисные, до- и посткризисные периоды оставалось примерно одинаковым. В результате средний уровень измеренных навыков у отдельных поколений в нашей стране и в странах ОЭСР серьезно отличается, а межпоколенческое изменение навыков в российском обществе происходит в отрыве от характеристик формального образования. Предлагается взглянуть на институт и процесс образования как на историчные, связанные с историческими событиями и несущие отпечаток этих событий.

Ключевые слова: человеческий капитал • межпоколенные различия • оценка компетентности взрослых • отдача от образования • навыки взрослых • сравнение России и стран ОЭСР • PIAAC

DOI: 10.31857/S0132162524010099

«Белые пятна» теории человеческого капитала (ЧК). Образование, трансляция и приумножение навыков – процессы, характеристики которых в социальных науках часто рассматриваются как технический, легко измеряемый параметр, универсальный для разных обществ в разные периоды их существования. Основа такого представления была заложена исследователями чикагской экономической школы в третьей четверти XX в. (Т. Шульц, Я. Минсер, Г. Беккер). Измерение ЧК в рамках такой, ставшей сегодня классической, модели было предложено осуществлять с опорой лишь на одну переменную – количество лет, потраченных человеком на образование. Очевидное преимущество такого подхода – простота и возможность осуществления подобной оценки повсеместно, с опорой на доступную статистику или на результаты опросов.

С годами модель ЧК стала более комплексной, к базовому показателю достигнутого уровня образования добавляются дополнительные индикаторы, в том числе оценки здоровья и прогнозируемого возраста смертности (см., например, обзор К. Голдин [Goldin, 2019]). Тем не менее показатель образования присутствует в качестве ключевого и в этих

обновленных моделях. Публикации и выводы отечественных исследователей зачастую основаны на изначальном, классическом чикагском понимании ЧК [Nureev, 2010; Gimpelson, 2016]. В этом контексте неизбежно возникает вопрос, насколько адекватен (и универсален) этот подход для измерения ЧК в разных странах и разных исторических контекстах, в условиях не только роста, но и резкого кризисного сокращения экономики в течение длительных периодов. Особенно интересен опыт России, прошедшей за последние десятилетия через радикальные социально-экономические изменения, а затем оказавшейся под значительным внешним давлением в виде санкций и иных ограничений.

Классический подход был сформирован для оценки ЧК прежде всего в США и схожих по динамике развития странах Запада. Однако в последние годы и на Западе он подвергается критике, а также попыткам ревизии. Так, немецкий экономист Л. Вессманн отмечает, что выбранные переменные (годы обучения или формальный диплом об образовании) некорректно определяют связь между (формальным) образованием и запасом ЧК, так как игнорируют качество обучения [Woessmann, 2013]. Развивая эту идею, мы предполагаем, что большое значение в накоплении ЧК и формировании навыков имеет вариативность национальных образовательных систем и возможность разной отдачи от времени, потраченного на обучение, в разных институциональных условиях. Кроме того, классический подход не учитывает процессов утраты ЧК в течение жизни или признает такую утрату универсальной в своей скорости и распространенности, а потому не слишком важной для отдельной оценки. Таким образом, ключевая идея данной статьи заключается в обосновании представления о ЧК как о динамическом (а не статическом) концепте. Мы предполагаем, что процессы накопления и утраты его основы, то есть знаний и навыков, видоизменяются в конкретных социально-исторических условиях и в контексте поколений, взращиваемых этими самыми условиями.

Анализ поколенческого распределения навыков (компетенций), формирующихся на фоне кризисных глубоких социально-экономических изменений, может обеспечить корректное объяснение особенностей накопления и воспроизводства ЧК в России. Если мы принимаем ключевое различие между образованием (формальным дипломом или годами, потраченными на его получение) и реальной компетентностью человека, тогда его измерение может быть темпорально зависимым и ориентированным на отдельные поколения, получавшие образование и входившие на рынок труда в различных условиях (получении/утрате) навыков.

Проверка предположения о динамичности ЧК и его зависимости от условий, в которых получают образование и реализуют трудовую карьеру представители различных поколений, становится возможна благодаря единственному на данный момент существующему в России широкомасштабному замеру грамотности (компетентности) взрослых, выполненному в рамках Программы международной оценки компетентности взрослых (PIAAC). Наряду с Россией в PIAAC участвовали десятки стран мира, поэтому возможен сравнительный анализ изменения качества образования в стабильных и меняющихся экономиках.

Человеческий капитал в условиях социально-экономических трансформаций.

Классическая теория ЧК чикагских экономистов рассматривала этот капитал в контексте экономического роста, производительности труда и финансовой отдачи от капитала. С 1980-х гг. во многом благодаря работам А. Сена [Sen, 1985], будущего обладателя премии им. Нобеля «за вклад в теорию благосостояния», появляется понятие «человеческое развитие» (human development, в русскоязычной литературе часто употребляется вариант «человеческий потенциал»). В рамках этого подхода была предпринята попытка «отвязать» навыки и знания (основу ЧК в классическом определении) от идеи экономического роста и продуктивности. Внимание концентрируется теперь на связи между образованием (навыками и знаниями) и качеством жизни, в том числе здоровьем и долголетием. В рамках этого подхода производится расчет международного Индекса человеческого развития (HDI) ООН, первый отчет вышел в 1990 г. [UNDP, 1990]. Наряду с этим существует теория «человеческих возможностей» (human capability), восходящая к традиции гуманистической

психологии. «Человеческие возможности» предлагается рассматривать с учетом ряда социально-психологических параметров (эмоционального состояния, отношения к другим, контроля и др.) (см., напр.: [Grange, 2011]). Хотя в данной статье напрямую не рассматриваются проблемы экономического роста, отдачи от образования или навыков, а также производительности труда, из всех альтернатив мы используем понятие ЧК. Это объясняется тем, что данные PIAAC, используемые в статье, традиционно рассматриваются в литературе в контексте именно теории ЧК [Hanushek et al., 2015; Reiter et al., 2020; Egert et al., 2022] и именно этот контекст важен и релевантен для нашей работы. Это не отменяет, однако, возможности рассматривать иные стратегии измерения человеческого потенциала и человеческого возможностей с использованием не только «количественного» показателя образования (наличие формального диплома или количество лет, потраченных на получение образования), но и «качественного» (результатов измерения компетентности).

Исследования ЧК и образовательных достижений зачастую сфокусированы на строго определенном периоде человеческой жизни, в рамках которого дети, подростки и молодые взрослые связаны с институтами образования и следуют конвенциональному треку «школа – профессиональное училище (вуз)». В этом контексте обычно определяется производственная функция образования. Ее составляющими становятся факторы, влияющие на достижения учащихся в детстве и в подростковом возрасте. Этот подход опирается на предположение, что ранние образовательные достижения являются достаточно качественными предикторами и способны предсказывать образовательную траекторию в течение жизни [Hanushek, 1979; 1997]. Такой подход работает в ситуации стабильных успехов, когда траектории людей действительно могут быть с большим или меньшим успехом предсказаны на основании ранних (школьных) достижений.

Более поздние исследования обращаются к периоду вне классического образовательного трека и пытаются определить факторы, влияющие на компетентность людей за пределами конвенционального «школьного» образования [Björklund, Salvanes, 2011; Mazzona, 2014]. Было показано, что ЧК связан не только со школой/вузом, но и с профессией и занятостью людей [Grip, Van Loo, 2002]. В данном случае следует говорить о том, что он рассматривается как динамическая конструкция, способная к заметным изменениям не только в «школьный» период, но и в течение остальной жизни.

В этом контексте Россия представляет собой отличный кейс, поскольку за последние три десятка лет страна прошла через глубокие изменения, затронувшие все социальные механизмы, включая образование, социальную структуру и культуру. По некоторым свидетельствам, в кризисный период 1990-х до 40% работников были вынуждены сменить профессию [Капелюшников, 2005]. Анализ К. Сабирьяновой, выполненный на рубеже 1990–2000-х гг. на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS), не только эмпирически подтвердил масштабную профессиональную «миграцию» в 1990-х, но и выявил значительные трудности именно для поколения молодых специалистов, едва получивших образование и оказавшихся на рынке труда в турбулентный период [Sabirianova, 2002].

Интерес в отечественной литературе к ЧК и отдаче от него достаточно высок. Р.И. Капелюшников провел оценку стоимости ЧК, используя методику, предложенную американскими экономистами Д. Джоргенсоном и Б. Фраумени [Капелюшников, 2013а; 2013б]. Несмотря на комплексность этой методики измерения (основанной на эффекте когорты), в качестве измерителя основы ЧК, знаний и навыков, снова использовался классический показатель – уровень формального образования. В работе рассматриваются не поколения, а статистически выделенные возрастные группы, которые, в соответствии с предположением автора, вносят различный вклад в общую стоимость ЧК. В результате показано, что в первую декаду текущего века стоимость ЧК в нашей стране увеличилась в несколько раз.

Вопрос о возрасте и доходах (в том числе в контексте навыков) рассматривался также в исследовании В.Е. Гимпельсона [2019], которое демонстрирует «атипичный» по-возрастной профиль заработков: пик заработков, обычно сдвинутый к концу трудовой

жизни, в России в среднем достигается до 40 лет, после чего начинается их снижение. Автор предлагает гипотезу о деградации/утрате навыков в ходе профессиональной деятельности за пределами формального образования и в условиях относительной непопулярности образования для взрослых в нашей стране, что опять же возвращает нас к идее оценки качества образования.

Отдельно упомянем, что в посткризисном российском обществе была зафиксирована ситуация несоответствия формального образовательного уровня и измеренной грамотности взрослых [Попов, Стрельникова, 2017]. Такое несоответствие в нашей стране существует в сегменте людей с высшим образованием. Это стало следствием масштабного экономического перехода от плановой к рыночной экономике, а в более узком контексте – следствием кризисных явлений, охвативших высшее образование в нашей стране на рубеже веков. Такое несоответствие, в частности, ставит под сомнение надежность основного индикатора измерения ЧК (количество лет, потраченных на получение образования). Одновременно появляется вопрос о механизмах приобретения, трансляции и утраты ЧК в российских условиях, причем в разрезе поколений. За последние годы, с появлением данных программы PIAAC, возрос интерес исследователей к «качественному» индикатору ЧК, полученному в результате замеров компетентности. Так, Э. Ханушек с соавторами [Hanushek et al., 2015] оценивает отдачу от измеренных навыков в странах ОЭСР аналогично тому, как ранее это делалось для формального образования. Отметим, однако, что в странах ОЭСР показатели измеренных навыков и уровня формального образования показывают высокий уровень корреляции. Кроме того, были предприняты попытки предложить комплексные методики измерения ЧК, основанные как на классическом показателе формального образования, так и на показателе измеренного уровня компетентности с учетом «эффекта когорты» [Reiter et al., 2020; Egert et al., 2022]. Б. Эгерт демонстрирует, что показатели грамотности, измеренные в программе PISA (Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся), связаны в странах ОЭСР с показателями компетентности тех же поколений, измеренными в PIAAC. Это обозначает тренд на поиск новых способов оценки ЧК с учетом показателя качества образования, необходимой в том числе для международных исследований и сопоставлений.

Задачей и ключевым исследовательским фокусом данной статьи станет проверка гипотезы о темпоральной неоднородности, исторической изменчивости ЧК в условиях российской социальной динамики, а также различной содержательной «результативности» (в том, что касается качества подготовки) полученного в разные периоды и в разных контекстах образования. Рассматривая ЧК как динамический конструкт, мы оценим количество лет, потраченных на образование представителями разных поколений в России и в странах, принимавших участие в программе PIAAC, данные которой лежат в основе эмпирического анализа. На фоне этого мы ставим вопрос о поколенческой изменчивости навыков, которую можно зафиксировать благодаря сделанным в рамках PIAAC замерам грамотности взрослого населения. Распределения навыков (компетенций) будут аналогичным образом рассмотрены на российских данных и данных других стран.

Данные и метод. Для анализа в статье используются данные Программы международной оценки компетентности взрослых (PIAAC) – международное обследование, в рамках которого измеряются общие навыки (компетенции): базовая математическая грамотность и грамотность чтения, также способность к «решению проблем в технологически насыщенной среде» взрослых людей в возрасте 16–65 лет. Общий объем выборки во всех 24 странах составил более 150 тыс. человек в трудоспособном возрасте. В каждой из стран-участниц исследование проводилось по репрезентативной на национальном уровне выборке. Метод сбора данных – личное формализованное интервью с использованием персонального компьютера по месту жительства (в домохозяйствах респондентов). Гайд PIAAC включает круг вопросов, посвященных не только опыту формального и неформального образования, но также раскрывающих семейный и профессиональный бэкграунд, а также особенности использования навыков на рабочем месте и в других

жизненных ситуациях. Детальное описание процедур реализации исследования доступно в опубликованном ОЭСР Техническом отчете [OECD, 2016]. Мы опираемся на данные первой волны PIAAC, полученные в конце 2013 г.: количество респондентов в России – 3892 человека, выборка многоступенчатая стратифицированная.

Для измерения математической грамотности и грамотности чтения в PIAAC используется 500-балльная шкала. Средний показатель в объединенной выборке математической грамотности составляет 259 баллов, для грамотности чтения – 268 баллов. Детальная информация о тестовых инструментах доступна в Методическом отчете PIAAC [OECD, 2013]. В ходе анализа данных нами использовались одномерные и двумерные распределения, а также регрессионный анализ. В силу высокой корреляции грамотности чтения и математической грамотности [Кузьмина, Попов, 2015] при работе с переменными грамотности мы используем только один показатель из двух – грамотность чтения.

Образование и измеренные навыки взрослых в поколенческом разрезе. Анализ данных мы начнем с определения количества лет, в среднем затраченных представителями разных возрастных групп на получение формального образования. Этот показатель, как уже упомянуто, является основным при определении уровня ЧК в классических моделях. Для формирования каждой возрастной группы использован пятилетний диапазон. Полученные результаты для России, стран Восточной и Западной Европы, а также США приведены на рис. 1.

Как видим, среднее число лет, потраченных на получение формального образования, мало меняется для представителей разных поколений. В США, которые были включены в анализ в основном потому, что концепция ЧК была разработана в этой стране и в первую очередь для нее, этот показатель не меняется вообще. В странах Европы и в России младшие поколения тратят на образование немного больше лет, чем старшие. Самая молодая группа (16–24) обладает более низким средним количеством лет, потраченных на образование, поскольку многие ее представители еще продолжают обучение. Отдельно отметим, что кризисные годы рубежа XX–XXI вв. заметным образом не повлияли на число потраченных на образование лет ни в России, ни в странах Восточной Европы. Если рассматривать ЧК на основе этого показателя, он остается неизменным даже в длительные кризисные периоды.

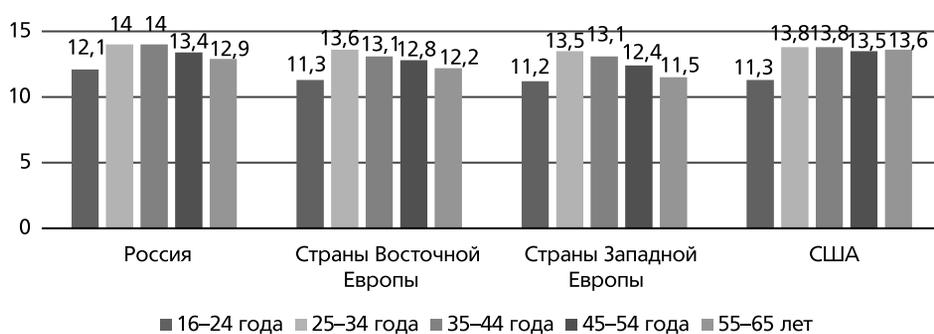

Рис. 1. Среднее число лет, потраченное на получение формального образования в России в сопоставлении с другими странами, с учетом возрастной структуры (расчеты авторов)¹

¹ Страны Восточной Европы в первой волне PIAAC: Словакия, Чехия, Польша, Эстония. Страны Западной Европы в первой волне PIAAC: Великобритания, Норвегия, Ирландия, Швеция, Германия, Дания, Италия, Австрия, Бельгия, Франция, Нидерланды, Финляндия, Испания. Стандартная ошибка для среднего в каждой подгруппе на рис. 1 и 2 не превышает 4,0. Следует сделать оговорку, что выборка PIAAC по России имеет незначительное смещение в пользу людей с высшим образованием.

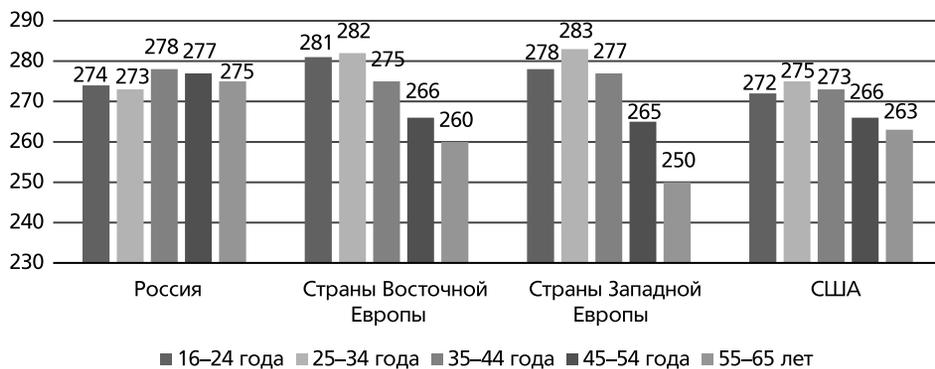

Рис. 2. Средний балл по компетенции грамотности чтения (literacy) в разных возрастных группах (расчеты авторов)

Далее рассмотрим распределение измеренной грамотности («компетенции» в терминологии разработчиков теста PIAAC) в разных возрастных группах (рис. 2), сопоставляя Россию с другими странами – участницами проекта PIAAC на момент первой волны сбора данных.

Парадоксальность российского распределения заключается в том, что, в отличие от остальных стран, более старшее поколение россиян (35–44, 45–54 и даже 55–65 лет) в среднем демонстрирует практически те же показатели грамотности, что и более молодое (16–24 и 25–34 года). Здесь следует отдельно подчеркнуть, что в странах, экономика которых отличается устойчивым развитием [OECD, 1995, 2000], наблюдается стабильная картина: увеличение навыков людей происходит примерно до достижения возраста 35 лет, после чего происходит плавное снижение уровня компетентности вплоть до выхода на пенсию. Хотя потеря навыков варьируется от одного человека к другому, общая отрицательная тенденция в контексте возраста универсально просматривается в западных странах, что подтверждается и срезowymi, и лонгитюдными исследованиями [Green, Riddell, 2007; Reder, 2009; Desjardins, Warnke, 2012]. В целом эта особенность связана с разными факторами, в том числе с перерывами в работе, неиспользованием или недостаточным использованием отдельных навыков в течение жизни и карьеры, биологическими когнитивными изменениями [Hertzog et al., 2009]. Однако в российском обществе распределение навыков (компетенций) имеет иную картину: измеренный у более молодых поколений уровень грамотности (компетентности) оказался не выше, чем у людей старших поколений.

Третий эмпирический сюжет, важный с точки зрения оценки ЧК, заключается в измерении содержательной «отдачи» от образования и поиске возможного влияния на этот процесс социально-демографических переменных. Используя результат измерения компетенций в PIAAC как общий индикатор для определения такой отдачи, мы построили таблицы сопряженности и линейную регрессию с эффектами взаимодействия.

В табл. 1 отражено, что в европейских странах и в США присутствует однозначная (вполне ожидаемая) тенденция увеличения измеренной грамотности по мере повышения образовательного уровня. Между группами с низким и средним уровнем образования, а также со средним и высоким уровнем есть ощутимая разница. Одновременно прослеживается ранее упомянутая «поколенческая» логика уменьшения измеренной грамотности с повышением возраста респондентов. Однако в России ситуация отличается. Во-первых, в нашей стране был выявлен парадокс неконсистентности, неполного несоответствия дипломов и измеренной в PIAAC компетентности. В странах ОЭСР существует статистически значимый прирост измеренной компетентности для каждого из уровней образования. В нашей стране на уровне высшего образования (в сравнении с предыдущим – доуниверситетским – профессиональным образованием) этот прирост оказался не значимым [Popov, Strelnikova, 2017]. Во-вторых, в отличие от Восточной и Западной

Таблица 1

Средний уровень грамотности в разрезе возрастных групп и уровня формального образования, баллов (расчеты авторов)

Страны	Уровень образования	Возрастные группы				
		16–24	25–34	35–44	45–54	55–65
Россия	Низкий (ниже среднего, неполное среднее)	261	253	265	268	269
	Средний (общее среднее, среднее специальное)	269	274	279	274	275
	Высокий (высшее, несколько высших)	286	281	281	288	279
Страны Восточной Европы	Низкий (ниже среднего, неполное среднее)	268	239	234	225	226
	Средний (общее среднее, среднее специальное)	283	270	263	257	249
	Высокий (высшее, несколько высших)	300	298	293	285	274
Страны Западной Европы	Низкий (ниже среднего, неполное среднее)	261	242	233	238	229
	Средний (общее среднее, среднее специальное)	282	271	270	266	257
	Высокий (высшее, несколько высших)	294	298	296	289	275
США	Низкий (ниже среднего, неполное среднее)	256	221	211	208	203
	Средний (общее среднее, среднее специальное)	274	261	260	258	256
	Высокий (высшее, несколько высших)	300	304	303	293	289

Примечание. Стандартная ошибка для среднего в каждой подгруппе не превышает 4,0.

Европы, а также США, у старших поколений в России измеренный уровень грамотности не уступает младшим.

Попыткой более подробного раскрытия выявленных парадоксов стал регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступает измеренный уровень грамотности (чтение). В качестве предикторов мы использовали дихотомизированные социально-демографические переменные: пол, возрастные группы, группы по уровню образования, страна проживания, а также количественную переменную, отражающую число лет, потраченных на получение формального образования. Для дополнительной проверки гипотезы о неоднородности характера связи между возрастными группами и количеством лет, потраченных на получение формального образования, были введены четыре дополнительные переменные, отражающие взаимодействие указанных переменных².

В результате было построено четыре регрессионных уравнения с постепенным включением предикторов (табл. 2): в модель 1 включены пол, возрастные группы и уровни образования; остальные модели формировались путем последовательного добавления к этому набору переменных страны проживания (модель 2), количества лет, потраченных на получение формального образования (модель 3), и эффектов количества лет, потраченных на получение формального образования по каждой возрастной группе (модель 4).

Построенные регрессионные модели не показали, к сожалению, однозначно интерпретируемых результатов. Все социально-демографические переменные имеют хоть

² Константа сформирована из следующих признаков: женский пол, возрастная группа (45–54), группа респондентов с низким уровнем образования, страна происхождения – США, респонденты с минимальным количеством потраченных лет на получение формального образования.

Таблица 2

Зависимость уровня грамотности (чтение) от различных предикторов в линейной регрессии с эффектами взаимодействия, расчеты авторов

Независимые переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	B	SE	B	SE	B	SE	B	SE
Пол (мужской)	0,03**	0,26	0,03**	0,26	0,04**	0,28	0,04**	0,28
Возраст 16–24 года	0,21**	0,35	0,22**	0,36	0,07**	0,53	-0,30**	0,26
Возраст 25–34 года	0,13**	0,36	0,13**	0,35	0,13**	0,38	-0,10**	0,86
Возраст 35–44 года	0,12**	0,35	0,12**	0,36	0,12**	0,36	0,76**	0,22
Средний уровень образования	0,19**	0,38	0,19**	0,39	0,18**	0,43	0,17**	0,43
Высокий уровень образования	0,37**	0,31	0,37**	0,32	0,35**	0,38	0,33**	0,40
Россия			-0,04**	0,70	-0,03**	0,79	-0,03**	0,79
Страны Западной Европы			-0,03**	0,30	-0,05**	0,33	-0,02**	0,41
Страны Восточной Европы			-0,00	0,70	-0,01**	0,41	-0,05**	0,32
Количество лет (КЛ), потраченных на получение формального образования					0,09**	0,02	0,07**	0,02
КЛ* 16–24-летних							0,37**	0,00
КЛ* 25–34-летних							0,24**	0,00
КЛ* 35–44-летних							0,48**	0,00
Константа	249,1		250,7		241,0		241,4	
Скорректированный R ²	0,177		0,179		0,198		0,201	

Примечания. Модели прошли стандартную проверку на нормальность распределения, гомоскедастичность и мультиколлинеарность, Тест Колмогорова – Смирнова и F-статистика незначимы ($p > 0,05$), тест Дарбина – Уотсона для всех моделей на уровне (1,65). Таким образом, данные распределены согласно закону нормального распределения, гомоскедастичность и мультиколлинеарность отсутствуют. * $p < 0,01$, ** $p < 0,05$.

и статистически значимые, но довольно слабые связи с уровнем грамотности (модели 1 и 2). Чуть выше остальных предикторов на измеренный уровень грамотности влияют принадлежность к самой младшей группе (16–24 года) и высокий уровень образования. Значительно более слабым является влияние количества лет, потраченных на получение формального образования (модель 3). В модели 4 также можно отметить наличие эффекта взаимодействия между переменными возрастных групп и переменной «количество лет, потраченных на получение формального образования». Это означает, что характер связи между длительностью обучения и уровнем грамотности не одинаков для разных возрастных групп.

В целом проведенный анализ показывает, что для нашей страны логика «классического» поколенческого распределения навыков оказалась нарушенной и требует дальнейшего рассмотрения. Причины такой ситуации сложно или невозможно найти лишь с опорой на стандартный «объективный» показатель, используемый в классической модели измерения ЧК (уровень образования), по следующим причинам. Во-первых, в России – самая высокая доля людей, имеющих высшее образование, среди стран – участниц проекта PIAAC – 60% (OECD, 2017) при средней величине этого показателя в странах ОЭСР – 36%. Во-вторых, вклад уровня образования в прирост уровня компетенций в России оказался наименее выраженным по сравнению с остальными странами, но при сопоставимом времени, потраченном на образование.

С чем связаны поколенческие различия? Как в США, странах Восточной и Западной Европы, так и в России длительность среднего периода обучения (количество лет, потраченных на образование) серьезным образом не меняется для представителей разных поколений, находящихся сегодня в трудоспособном возрасте 18–65 лет. При этом кризисные процессы 1990-х никакого влияния на длительность образования в России не

оказали. Измерение показывает, что представители последнего советского поколения демонстрируют высокую устойчивость, сохраняя высокий уровень компетенций, вполне сравнимый с уровнем аналогичных поколений в США и странах Западной Европы. Этот результат позволяет расширить тезис Г. Беккера о том, что инвестиции в ЧК являются возвратными и «работают» на развитие экономики [Becker, 1964]. Сейчас становится очевидной и «кризисная» роль ЧК, вопреки предсказаниям демонстрирующей завидную устойчивость и благодаря этому обеспечивающей устойчивость экономических институтов в период исторических транзитов.

Относительная устойчивость навыков старшего поколения в условиях быстрых социальных и экономических изменений дополняется снижением навыков последующих поколений (относительно «референтных» замеров в других странах). Кризисные периоды становятся заметны по распределениям приобретенных навыков, а «отдача» системы образования (в широком смысле – как системы трансляции компетенций и умений, в т.ч. в течение жизни) на фоне кризисных периодов становится нелинейной и противоречивой.

Исследование профессиональной мобильности на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) зафиксировало в России значительную горизонтальную и нисходящую профессиональную мобильность в кризисный период 1990-х гг., происходившую на фоне снижения экономической отдачи от профессиональной деятельности [Sabirianova, 2002]. С одной стороны, произошло «обрушение» отдельных секторов экономики с последующей депрофессионализацией большого количества людей, с другой – реаллокация в условиях стремительного расширения сегмента услуг. Общий же вывод К. Сабирьяновой заключался в том, что в условиях негативных потрясений в стране люди в большинстве случаев выбирали профессии с более низкими требованиями к ЧК. Было показано, что вероятность нисходящей профессиональной мобильности более высока для работников с высокой квалификацией и небольшим опытом работы (то есть для представителей молодого поколения, едва вышедших на рынок труда). При динамическом характере капитала это в средне- и долгосрочной перспективе должно было привести к заметному смещению в области измеренной компетентности, что и зафиксировано нами в исследовании. Измеренный у более молодых поколений уровень грамотности (компетентности) не выше, чем у людей старших поколений. Возрастные когорты, особенно пострадавшие от кризиса, в таких условиях способны демонстрировать более низкие показатели грамотности (компетентности), что «нарушает» выявленную в странах Запада тенденцию утраты навыков с течением жизни.

Таким образом, навыки и компетентность человека могут значительно меняться в зависимости от общих экономических условий в отдельных странах в отдельные исторические периоды. Количество лет, потраченных на получение образования, при этом может оставаться неизменным. Использование универсальных показателей, таких как «количество лет, потраченных на образование» и «наличие диплома о формальном образовании», при измерении ЧК оставляет возможность существенной ошибки. Для оценки навыков в нестабильных и трансформирующихся социально-экономических условиях актуален многомерный подход, учитывающий конкретные условия формирования и реализации этих навыков (в т.ч. нисходящую мобильность и невостребованные компетенции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности. Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 23. № 2. С. 185–237.
- Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть I // Вопросы экономики. 2013а. № 1. С. 27–47.
- Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Часть II // Вопросы экономики. 2013б. № 2. С. 24–46.
- Капелюшников Р.И. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 4. С. 46–54.

- Кузьмина Ю.В., Попов Д.С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 48–57.
- Попов Д.С., Стрельникова А.В. Работа, образование и грамотность в России: проблема неконсистентности // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 15 (2). С. 267–280.
- Björklund A., Salvanes K.G. Education and family background: mechanism and policies // Handbook of the Economics of Education / Ed. by E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessman. North-Holland, Amsterdam, 2011. P. 201–247.
- Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
- Desjardins R., Warnke A. Ageing and skills: a review and analysis of skill gain and skill loss over the lifespan and over time // OECD Education Working Paper. No. 72. Paris: OECD Publishing, 2012. P. 3–83.
- Diewald M., Mayer K.U. The sociology of the life course and life span psychology: Integrated paradigm or complementing pathways // Advances in Life Course Research. 2009. No. 14. P. 5–14.
- Education at a Glance 2017: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2017.
- Egert B., de la Maisonnette C., Turner D. A new macroeconomic measure of human capital exploiting PISA and PIAAC: Linking education policies to productivity // OECD Economics Department Working Papers. 2022. No. 1709.
- Gimpelson V.E. Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts // Russian Education & Society. 2016. Vol. 58. No. 11. P. 696–717.
- Goldin C. Human Capital // Handbook of Cliometrics 2nd ed. / Eds. C. Diebolt, M. Hauptert. Springer International Publishing, 2019. P. 147–177.
- Grange L. Human capital, (human) capabilities and higher education // South African Journal of Higher Education. 2011. No. 25(6). P. 1039–1046.
- Green D.A., Riddell W.C. Ageing and literacy skills: evidence from Canada, Norway and the United States // Labour Economics. 2013. No. 22. P. 16–29.
- Grip A.D., van Loo J. The economics of skills obsolescence: a review // The Economics of Skills Obsolescence: Theoretical Innovations and Empirical Applications / Ed. by A.D. Grip, J.V. Loo, K. Mayhew. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2002. P. 1–26.
- Hanushek E.A. Assessing the effects of school resources on student performance: an update // Educational Evaluation and Policy Analysis. 1997. No. 19(2). P. 141–164.
- Hanushek E.A. Conceptual and empirical issues in the estimation of educational production functions // Journal of Human Resources. 1979. No.14(3). P. 351–388.
- Hanushek E.A., Schwerdt G., Wiederhold S., Woessmann L. Returns to skills around the world: Evidence from PIAAC // European Economic Review. 2015. No. 73(C). P. 103–130.
- Hanushek E.A., Woessmann L. The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth. Cambridge: MIT Press, 2015.
- Hertzog C., Kramer A.F., Wilson R.S., Lindenberger U. Enrichment effects on adult cognitive development // Psychological Science in the Public Interest. 2009. No. 9(1). P. 1–65.
- Mazzona F. The long-lasting effects of family background: a European cross-country comparison // Economics of Education Review. 2014. No. 40. P. 25–42.
- Nureev R.M. Human Capital and Its Development in Present-Day Russia // Russian Education and Society. 2010. Vol. 52. No. 3. P. 3–29.
- OECD. Literacy in the Information Age: Final Report of the International Literacy Study. Paris and Ottawa: OECD and Statistics Canada, 2000.
- OECD. Literacy, Economy and Society: Results of the first International Adult Literacy Survey. Paris and Ottawa: OECD and Statistics Canada, 1995.
- OECD. OECD Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills, Paris: OECD Publishing, 2013.
- OECD. Technical report of the Survey of Adult Skills (PIAAC) (2nd ed.). Paris: OECD Publishing, 2016.
- Reder S. The development of adult literacy and numeracy in adult life // Tracking adult literacy and numeracy skills: findings from longitudinal research / Eds. S. Reder, J. Bynner. N. Y.: Routledge, 2009.
- Reiter C. et al. The Demography of Skills-Adjusted Human Capital // IIASA Working Paper. 2020. No. 20-006.
- Sabirianova K. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia // Journal of Comparative Economics. 2002. No. 30. P. 191–217.
- Sen A. Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984 // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82(4): 169–221.
- UNDP (United Nations Development Programme). Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development. N. Y., 1990.
- Woessmann L. Specifying human capital // Journal of Economic Surveys. 2013. No. 17 (3). P. 239–270.

Статья поступила: 10.08.23. Финальная версия: 07.11.23. Принята к публикации: 17.11.23.

INTERGENERATIONAL DIFFERENCES IN SKILLS: HUMAN CAPITAL SHIFT IN CONTEMPORARY RUSSIA

POPOV D.S.^{*}, STRELNIKOVA A.V.^{***}

^{*}Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ^{**}HSE University, Russia

Dmitry S. POPOV, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (dmtrppv@gmail.com); Anna V. STRELNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. at HSE University; Senior Researcher (astrelnikova@hse.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. It is common in social sciences to measure human capital by using the single key indicator: number of years individuals spend on their formal education. This article clashes with this classical approach. With the support of the data from the Program for International Assessment of Adult Competence (PIAAC) it is shown that the deep socio-economic transformation in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries seriously affected measured in PIAAC skills (competences) of Russian respondents, while the average time spent on getting education in crisis, pre- and post-crisis periods remained approximately the same. As a result, the average level of measured skills among generations in our country and in the OECD countries differs significantly. The intergenerational difference in skills in Russian society cannot be explained by the number of years spent on education. It is proposed to look at the institution and the process of education as a historical one associated with historical events and bearing the imprint of these events.

Keywords: human capital, intergenerational differences, assessment of adults' competences, return to education, adult skills, comparison of Russia and OECD countries, PIAAC.

REFERENCES

- Björklund A., Salvanes K.G. (2011) Education and family background: mechanism and policies. In: Hanushek E.A., Machin S., Woessman L. (eds.) *Handbook of the Economics of Education*. Amsterdam: North-Holland: 201–247.
- Coleman J. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Desjardins R., Warnke A. (2012) Ageing and skills: a review and analysis of skill gain and skill loss over the lifespan and over time. *OECD Education Working Paper*. No. 72. Paris: OECD Publishing: 3–83.
- Education at a Glance 2017: OECD Indicators* (2017). Paris: OECD Publishing.
- Egert B., Maisonneuve C. de la, Turner D. (2022) A new macroeconomic measure of human capital exploiting PISA and PIAAC: Linking education policies to productivity. *OECD Economics Department Working Papers*. No. 1709.
- Gimpelson V.E. (2016) Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubts. *Russian Education & Society*. Vol. 58. No. 11: 696–717.
- Gimpelson V.E. (2019) Age and Wage: Stylized Facts and Russian Evidence. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. Vol. 23(2): 185–237. (In Russ.)
- Goldin C. (2019) Human Capital. In: *Handbook of Cliometrics*. 2nd ed. Eds by C. Diebolt, M. Hauptert. Springer International Publishing: 147–177.
- Grange L. (2011) Human capital, (human) capabilities and higher education. *South African Journal of Higher Education*. Vol. 25(6): 1039–1046.
- Green D.A., Riddell W.C. (2013) Ageing and literacy skills: evidence from Canada, Norway and the United States. *Labour Economics*. No. 22: 16–29.
- Grip A.D., Van Loo J. (2002) The economics of skills obsolescence: a review. In: A.D. Grip, J.V. Loo, K. Mayhew (Eds.) *The Economics of Skills Obsolescence: Theoretical Innovations and Empirical Applications*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited: 1–26.
- Hanushek E.A. (1979) Conceptual and empirical issues in the estimation of educational production functions. *Journal of Human Resources*. No. 14 (3): 351–388.
- Hanushek E.A. (1997) Assessing the effects of school resources on student performance: an update. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. No. 19(2): 141–164.
- Hanushek E.A., Schwerdt G., Wiederhold S., Woessmann L. (2015) Returns to skills around the world: Evidence from PIAAC. *European Economic Review*. No. 73(C): 103–130.
- Hanushek E.A., Woessmann L. (2015) *The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth*. Cambridge: MIT Press.

- Hertzog C., Kramer A.F., Wilson R.S., Lindenberger U. (2009) Enrichment effects on adult cognitive development. *Psychological Science in the Public Interest*. No. 9(1): 1–65.
- Kapeliushnikov R. (2005) Human capital in Russia: evolution and structural features. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]. No. 4: 46–54. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R. (2013b) Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part II. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 2: 24–46. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R. (2013a) Russia's Human Capital: What Is It Worth? Part I. *Voprosy Ekonomiki Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 1: 27–47. (In Russ.)
- Kuz'mina Yu.V., Popov D.S. (2015) Adults' literacy as mechanism for their societal inclusion. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 7: 48–57. (In Russ.)
- Mazzona F. (2014) The long-lasting effects of family background: a European cross-country comparison. *Economics of Education Review*. No. 40: 25–42.
- Nureev R.M. (2010) Human Capital and Its Development in Present-Day Russia. *Russian Education and Society*. Vol. 52(3): 3–29.
- OECD. (1995) *Literacy, Economy and Society: Results of the first International Adult Literacy Survey*. Paris, Ottawa: OECD and Statistics Canada.
- OECD. (2000) *Literacy in the Information Age: Final Report of the International Literacy Study*. Paris, Ottawa: OECD and Statistics Canada.
- OECD. (2013) *OECD Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills*. Paris: OECD Publishing.
- OECD. (2016) *Technical report of the Survey of Adult Skills (PIAAC)*. 2nd ed. Paris: OECD Publishing.
- Popov D.S., Strelnikova A.V. (2017) Work, Education and Literacy in Russian Society: The Problem of Inconsistency. *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15(2): 267–280. (In Russ.)
- Reder S. (2009) The development of literacy and numeracy in adult life. In: *Tracking adult literacy and numeracy skills: findings from longitudinal research*. Ed. by S. Reder, J. Bynner. N.Y: Routledge: 79–104.
- Reiter C. et al. (2020) The Demography of Skills-Adjusted Human Capital. *IASA Working Paper*. No. 20-006.
- Sabirianova K. (2002) The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. No. 30: 191–217.
- Sen A. (1985) Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984. *The Journal of Philosophy*. Vol. 82(4): 169–221.
- UNDP (United Nations Development Programme). (1990) *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. New York.
- Woessmann L. (2013) Specifying human capital. *Journal of Economic Surveys*. No. 17(3): 239–270.

Received: 10.08.23. Final version: 07.11.23. Accepted: 17.11.23.

А.А. ЛУКИНА, В.А. МАЛЬЦЕВА, Н.Я. РОЗЕНФЕЛЬД

СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

ЛУКИНА Анастасия Андреевна – младший научный сотрудник (aalukina@hse.ru); МАЛЬЦЕВА Вера Андреевна – кандидат экономических наук, доцент, директор Центра развития навыков и профессионального образования (vamaltseva@hse.ru); РОЗЕНФЕЛЬД Наталья Яковлевна – стажер-исследователь (nrozenfeld@hse.ru). Все – Институт образования, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. В статье на данных лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» рассматриваются паттерны субъективной социальной мобильности выпускников российских вузов. Анализ динамики субъективных статусов, измеренных по шкале десятиступенчатой «социальной лестницы», показал, что выпускники вузов чаще остальных ощущают статусный переход вниз и не характеризуются более выраженной восходящей мобильностью или воспроизводством высокого статуса; при этом для них более характерно сохранение средних статусных позиций. Это означает, что с позиции субъективного восприятия высшее образование, во-первых, не закрепляет статусные привилегии в молодежной когорте, а во-вторых, не всегда играет роль социального лифта. Анализ паттернов мобильности в разрезе траекторий на пути в высшее образование показал, что выпускники вузов, ранее окончившие ссуз, характеризуются воспроизводством высокого статуса. С точки зрения отличий динамики субъективных статусов в короткой (бакалавриат) и длинной (магистратура) траекториях последняя оказалась более «рискованной»: выпускники магистратуры чаще перемещаются либо вверх, либо вниз по социальной лестнице. Короткие же траектории в большей мере характеризуются статусным воспроизводством. Результаты исследования предлагают новые эмпирические основания для проблематизации рассмотрения высшего образования как «однородного» уровня образования, а также однозначности его работы как социального лифта на пути к социальной мобильности.

Ключевые слова: социальная мобильность • субъективная мобильность • высшее образование • неравенство • молодежь • образовательные траектории

DOI: 10.31857/S0132162524010109

Данные по странам ОЭСР демонстрируют универсальный тренд на замедление темпов социальной мобильности: в большинстве развитых экономик наблюдается снижение или отсутствие роста классовой мобильности [OECD, 2018]. Исследования динамики социальной структуры российского общества также фиксируют ухудшение возможностей для образовательной, доходной, социально-профессиональной мобильности [Тихонова, 2021].

Помимо ухудшения работы социальных лифтов, современные тренды на рынке труда и в высшем образовании заставляют проблематизировать рассмотрение наличия вузовского диплома как однозначного фактора социальной мобильности. Во-первых, в России усиливается дисбаланс между числом лиц с высшим образованием и числом рабочих мест, предполагающих высокий уровень квалификации [Гимпельсон, Капелюшников, 2023], а значит, получение высшего образования не гарантирует высококвалифицированной, высокооплачиваемой работы. Во-вторых, исследователи фиксируют гетерогенность высшего образования в России по качеству образования [Малиновский, Шибанова, 2022],

неоднородность студенческого контингента по уровню подготовки [Загирова и др., 2019]. Это приводит к неодинаковым результатам выпускников на рынке труда: например, выпускники селективных университетов зарабатывают больше, чем выпускники неселективных вузов [Рожкова и др., 2023].

Использование диплома вуза в качестве метрики социальной мобильности также не позволяет учесть разнообразие фактических траекторий в высшем образовании [Мальцева, Розенфельд, 2022]. Заметную часть контингента российских университетов составляют те, кто поступил в вуз после окончания колледжа на базе 9 классов, а не после старшей школы; многие из них учатся не на очных программах. Четверть выпускников университетов продолжают получение высшего образования, поступив в магистратуру [там же]. Эти образовательные маршруты также неоднородны и по результатам на рынке труда: выпускники, поступившие в вуз после старшей школы, зарабатывают больше, чем те, кто совершил транзит в высшее образование после колледжа [Роцин и др., 2023], а выпускники магистратуры – больше, чем бакалавры [Рожкова и др., 2021].

В итоге о том, какие позиции в социальной иерархии занимают выпускники высшего образования, мы можем говорить преимущественно в терминах дохода. Более комплексный подход к этому вопросу предлагает рамка субъективной мобильности, в которую имплицитно входит оценка положения человека по доходу, уровню статусных притязаний, воспринимаемой возможности улучшить свой статус [Тихонова, 2018a].

В настоящем исследовании мы задаемся целью проанализировать успешность выпускников высшего образования с позиции субъективных характеристик социального статуса и совершенной мобильности, при этом учитывая гетерогенность их образовательных траекторий. Мы стремимся определить, как различия в образовательных траекториях выпускников вузов, имеющих одинаковый *объективный* статус с позиции уровня образования, сказываются на том, куда *субъективно* себя помещают выпускники на социальной лестнице.

Статья сфокусирована на следующих *исследовательских вопросах*.

1. Какова специфика паттернов субъективной мобильности выпускников российских вузов?
2. Каковы различия в паттернах субъективной мобильности у выпускников вузов, поступивших в вуз через «транзитную» (9 классов – колледж – вуз) и «академическую» траектории (11 классов – вуз)?
3. Каковы различия в паттернах субъективной мобильности у выпускников вузов, окончивших «короткие» программы бакалавриата/специалитета и «длинные» программы магистратуры?

Исследование проведено на данных десяти волн (2012–2022 гг.) национальной панели когортного исследования «Траектории в образовании и профессии». Субъективная социальная мобильность измерялась на основе оценки респондентами их текущего социального положения и положения их родителей в момент взросления респондентов; для измерений использовалась шкала «социальной лестницы» [Kelley, Evans, 1995].

Концепция субъективной социальной мобильности. С теоретической точки зрения исследование следует за традицией исследований многомерной стратификации, базовые принципы которых основаны на идеях М. Вебера [2003]. В отличие от одномерных подходов, абсолютизирующих роль одного из факторов социального положения (например, в логике марксистских подходов), в многомерной модели социальный статус определяется положением человека на нескольких «осях» социальной реальности.

В этой связи особую актуальность в современных стратификационных исследованиях приобретает изучение субъективной мобильности как возможности интегральной оценки динамики социального положения. Субъективная мобильность не предполагает оценки «объективных» перемещений индивида в разных социальных иерархиях, но отражает его собственные представления об этих перемещениях [Jackman, Jackman, 1975]. Как показывают исследования, при оценке динамики своего положения индивиды склонны

учитывать большое количество параметров, которые не сводятся к отдельным статусным метрикам [Епихина, 2023]. В этом контексте изучение субъективной мобильности позволяет преодолевать ограничения, свойственные «объективным» метрикам статуса и мобильности и расширять эвристические возможности количественных стратификационных исследований [Duru-Bellata, Kieffer, 2008].

Высшее образование и социальная мобильность. Общепринятое представление о высшем образовании как о ключевом социальном лифте находит свои эмпирические свидетельства: наличие вузовского диплома вдвое увеличивает заработки [Капелюшников, 2021]. Высшее образование также является наиболее распространенным уровнем образования среди представителей высшей социально-экономической страты [Тихонова, 2018b].

Однако классовый переход обладает более комплексной природой и характеризуется в том числе немонетарными аспектами, что усложняет характер связи высшего образования и мобильности, в частности, в ее субъективном измерении. Так, культурно-чувствительные исследования, рассматривающие процесс мобильности с перспективы самих агентов, показывают, что переход в другой класс, обеспечиваемый в том числе получением высшего образования, сопряжен с освоением принципиально новых, классово-специфичных «правил игры» и происходит с разной степенью успешности [Лукина, 2023].

Таким образом, хотя объективные индикаторы демонстрируют важную роль высшего образования в совершении социальной мобильности, специфика статусного перехода и субъективное переживание этого процесса показывает неоднозначность вклада образования в улучшение положения индивидов. Изучение субъективной мобильности отвечает на этот вызов и позволяет учитывать комплексность процессов изменения статуса, сохраняя возможность оставаться в количественной методологии.

На пути к высшему образованию: транзитная vs академическая траектории. Оптика субъективной мобильности позволяет учитывать разнообразие траекторий в высшем образовании. В последние годы российское образование перешло от массовой старшей школы и селективного приема в вузы к более селективному приему в старшую школу и сравнительно более простому переходу ее выпускников в вузы [Малиновский, Шибанова, 2022]. Помимо «академической» траектории поступления в вуз после старшей школы развивается «транзитная» – поступление в вуз после окончания колледжа [Мальцева, Шабалин, 2021]. Известно, что подобной стратегией чаще пользуются семьи, где родители имеют высокий уровень образования [Малиновский, Шибанова, 2022]. Результаты на рынке труда у выпускников двух траекторий, ведущих в вуз, различаются: выпускники, поступившие в вуз после старшей школы, зарабатывают больше [Рощин и др., 2023].

Остается неисследованным, как выпускники вузов, выбравшие разные образовательные маршруты, различаются с точки зрения социальной мобильности. Учитывая, что участники транзитной траектории «колледж – вуз» обладают относительно высоким социальным статусом [Yastrebov et al., 2018], получение высшего образования может быть актом «восстановления» (воспроизводства) социального статуса после вынужденного его понижения вследствие перехода в колледж. В случае выпускников вузов, следовавших академической траектории, результаты с точки зрения субъективной мобильности могут быть более неоднородными, чем в транзитной траектории, в силу растущей гетерогенности контингента вузов. Для менее привилегированных студентов получение диплома вуза может оказаться восходящей мобильностью, даже если их экономические результаты на рынке труда будут отставать от сверстников из более ресурсных семей. Тогда как для последних субъективная мобильность может быть как на полюсе воспроизводства, так и перемещением по социальной лестнице вниз и зависеть сугубо от успешности профессиональной траектории, так как получение высшего образования лишь выравнивает эту группу относительно родительского статуса.

Траектории обучения в высшем образовании: короткая vs длинная траектории. Исследования показывают, что постбакалаврское образование – социально детерминированная возможность, которая позволяет группам населения с высоким социальным

статусом закреплять свое положение в социальной иерархии [Малиновский, Шибанова, 2022]. Так, в магистратуре оказываются выпускники с более высокими академическими способностями и статусом [Мальцева, Розенфельд, 2022], в том числе проявляющимся в высоких образовательных притязаниях родителей [Чиркина, Гусейнова, 2021]. Короткая и длинная траектории в высшем образовании имеют различную результативность: получение постбакалаврского образования позволяет занимать более высокопроизводительные места с высокой заработной платой [Wakeling, Laurison, 2017; Рожкова и др., 2021]. Однако экономические результаты от получения диплома магистра выражено неравномерны по профессиональным сферам [Altonji, Zhong, 2021].

Принимая во внимание привилегированность трека магистров и неравномерность отдачи от магистерского диплома, можно предположить, что недавние выпускники магистратуры могут не сразу ощутить прирост в социальном статусе и достичь искомого воспроизводства или восходящей мобильности. На это также может воздействовать вынужденное нахождение магистрантов в частичной занятости во время обучения, то есть состояние «зажатости» между мирами учебы и работы – 78% магистрантов совмещают учебу и работу [Рощин и др., 2022]. На этом фоне участники короткого трека в высшем образовании (бакалавры), которые имеют более длительный опыт работы без обучения, чем только получившие диплом магистра, с точки зрения социальной мобильности могут быть успешнее и чаще фиксировать перемещение наверх.

Эмпирическая база исследования. Анализ осуществлен на данных исследования «Траектории в образовании и профессии»¹ (далее – ТрОП). ТрОП является национально репрезентативной панелью когорты восьмиклассников 2011 года (1995–1996 гг. рождения), которые стали участниками международных тестирований TIMSS и PISA и ежегодно опрашиваются. Дизайн ТрОП направлен на фиксацию процесса формирования образовательных и карьерных траекторий молодежи.

В работе используются две выборки. Первая – полная выборка десятой волны лонгитюда (3560 наблюдений). Сопоставление когорты 25-летних из десятой волны ТрОП с когортой 25–29-летних из Всероссийской переписи населения 2020 года по наивысшему уровню образования выявило смещенность данных ТрОП в сторону более высокообразованной молодежи (рис. 1). Смещенность накладывает ограничение на генерализацию результатов относительно субъективного статуса и мобильности молодежи, однако основной

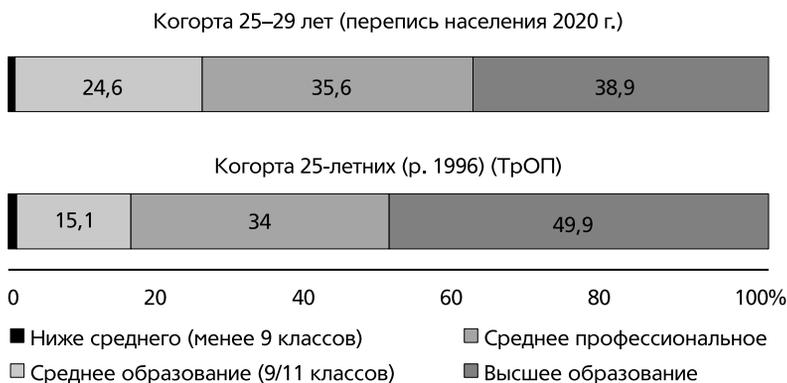

Рис. 1. Наивысший уровень образования 25-летних, % от выборки²

¹ Исследование проводит Институт образования НИУ ВШЭ: <http://trec.hse.ru/>

² Данные по когорте 25–29 лет взяты из данных Всероссийской переписи населения 2020 года (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul). Данные ТрОП по когорте 25-летних – на основе расчетов авторов.

фокус исследования направлен на выпускников вузов, что нивелирует этот недостаток в отношении результатов, касающихся высокообразованной подвыборки ТрОП.

Вторая выборка состоит из участников десятой волны ТрОП, получивших высшее образование (1776 наблюдений). На этих данных выделены две развилки в образовательных траекториях выпускников вузов: поступление в вуз после старшей школы или колледжа; короткое (бакалавриат/специалитет) или длительное (магистратура) высшее образование.

Использованные переменные. Субъективная мобильность измерялась на основе оценки респондентами их текущего социального положения (на 2022 год) и положения их родителей в момент взросления респондентов (на конец 2000-х – 2014 г.). В основе оценки лежит шкала «социальной лестницы», традиционно используемая в исследованиях для оценки субъективного социального статуса [Kelley, Evans, 1995] (рис. 2). Оценка родительского социального статуса приходится на период экономического роста страны, высоких отдач от высшего образования [Лукиянова, 2010], в то время как замер статуса самих респондентов пришелся на значительно менее экономически благополучный период. Это могло сказаться на увеличении разрыва между родительским и собственным статусом и сместить результаты оценок паттернов мобильности в пользу более пессимистичных.

На первом этапе анализа паттернов мобильности было выделено три статусных ступени – низ (1–4 ступени), середина (5–6) и верх (7–10). Решение о такой разбивке было принято на основе изучения распределений и описательных статистик переменных (табл. 1).

На следующем этапе были выделены паттерны мобильности, в зависимости от того, поменялась ли принадлежность респондента к одной из трех статусных групп (на основе сравнения собственного и родительского статуса). Было выделено девять паттернов мобильности, по три на каждый вид перехода: статусное воспроизводство в случае

Таблица 1

Описательная статистика по переменным субъективного статуса

	Родительский статус	Собственный статус
Средние значения	5,24	5,33
Стандартные отклонения	1,983	1,83
Дисперсия	3,933	3,35
25%	4	4
50%	5	5
75%	7	7

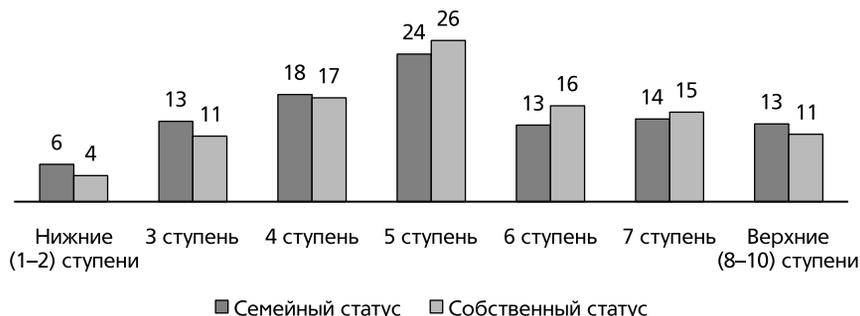

Рис. 2. Распределение оценок субъективного статуса молодежи, % (N = 3560)

Таблица 2

Логика конструирования паттернов мобильности

Родительский статус в процессе взросления	Текущий социальный статус	Тип перехода	Тип мобильности
1–4 ступени	1–4 ступени	Воспроизводство – низ	Воспроизводство
5–6 ступени	5–6 ступени	Воспроизводство – середина	
7–10 ступени	7–10 ступени	Воспроизводство – верх	
1–4 ступени	5–6 ступени	Низ – середина	Восходящая мобильность
1–4 ступени	7–10 ступени	Низ – верх	
5–6 ступени	7–10 ступени	Середина – верх	
5–6 ступени	1–4 ступени	Середина – низ	Нисходящая мобильность
7–10 ступени	5–6 ступени	Верх – середина	
7–10 ступени	1–4 ступени	Верх – низ	

сохранения принадлежности к одной из трех статусных групп, восходящая мобильность и нисходящая мобильность (табл. 2).

Ввиду малой наполненности отдельных паттернов восходящей и нисходящей мобильности (рис. 3), они были объединены в две большие группы – восходящую и нисходящую мобильность. Три типа воспроизводства рассматривались отдельно, ввиду необходимости дифференциации характера «наследования» разных статусных позиций [Тихонова, 2021].

В результате анализ проводился с использованием пяти паттернов мобильности: трех типов воспроизводства, восходящей и нисходящей мобильности (рис. 4).

Объективный социальный статус. Уровень образования родителей респондента использовался в качестве индикатора объективного социального статуса семьи (1 – оба родителя имеют высшее образование; 0 – хотя бы один из родителей не имеет высшего образования). Данная переменная была создана из ответов респондентов в десятой волне об образовании отца и матери или лиц, их заменяющих, используя заполнение пропущенных значений при помощи аналогичных переменных из опросников PISA и TIMSS.

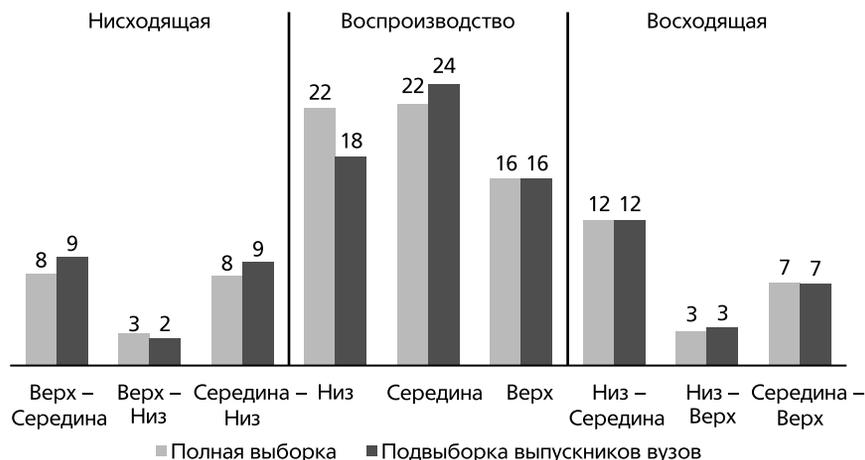

Рис. 3. Доли респондентов с разными паттернами мобильности, полная выборка (N = 3560) и подвыборка выпускников вузов (N = 1776), % от выборки

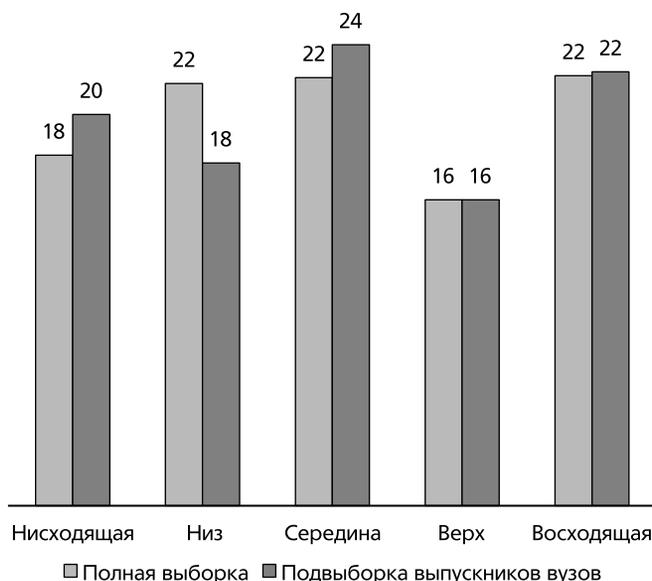

Рис. 4. Доли респондентов с итоговым набором паттернов мобильности, полная выборка ($N = 3560$) и подвыборка выпускников вузов, десятая волна ТрОП ($N = 1776$), % от выборки

Уровень образования и образовательные траектории. Измерение уровня достигнутого образования и разделение на образовательные траектории (транзитную/академическую и длинную/короткую) проводились на основе вопроса о наивысшем уровне образования в десятой волне ТрОП (1 – общее среднее и ниже; 2 – среднее профессиональное; 3 – высшее и выше).

В транзитную траекторию вошли те, кто хотя бы в одной волне до десятой указывал среднее профессиональное образование как наивысший достигнутый уровень образования; остальным выпускникам был присвоен академический трек. Категории бакалавриата и специалитета были закодированы как короткая траектория, категории магистратуры, аспирантуры и интернатуры/ординатуры – как длинная³.

Результаты исследования: субъективный статус молодежи в разрезе уровней образования. Большая часть российской молодежи (42%) определяет свой статус как средний, треть – низкий. Наименее наполненной оказалась высшая ступень социальной лестницы (26%) (рис. 5). Примечательно различие в распределении оценок личного и родительского статуса – 25-летние чаще оценивали свой статус как средний и реже – как низкий. Однако на высшей ступени социальной лестницы различий в распределении оценок своего и родительского статуса не отмечается.

Оценки статуса в разрезе уровня образования показывают дифференциацию в нижних и средних статусных ступенях. Среди принадлежащих к нижним социальным ступеням значимо меньше лиц с высшим образованием и значимо больше тех, кто окончил программы СПО (рис. 6). Выпускники вузов, хотя чаще остальных обнаруживают себя на средних социальных позициях, не отличаются высокой привилегированностью: субъективная принадлежность к высшим стратам не варьируется в зависимости от уровня образования.

³ По данным 10-й волны ТрОП, выпускники, получившие постбакалаврское образование, отличное от магистратуры, составляют 5% от всех представителей «длинной» траектории. По этой причине для упрощения эта траектория рассматривается в тексте как траектория магистров.

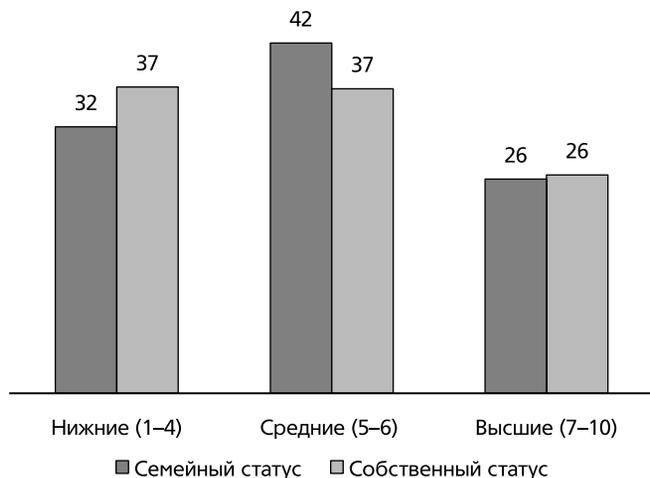

Рис. 5. Самооценка собственного и родительского статуса по трем статусным ступеням, % от участников (N = 3560)

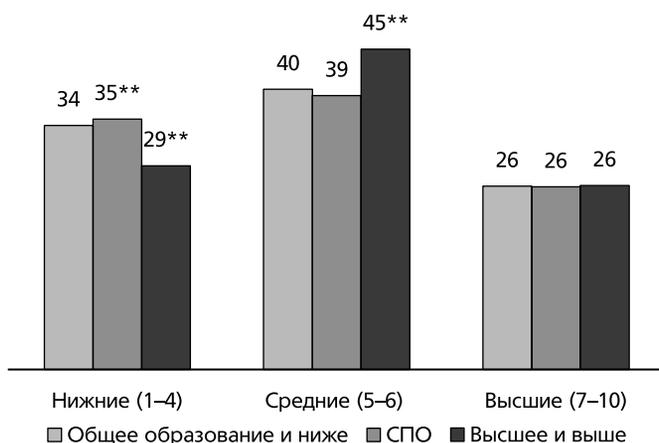

Рис. 6. Оценка субъективного статуса по трем статусным ступеням в зависимости от уровня образования⁴, % от участников (N = 3560)

Примечание. Здесь и далее ** – $p \leq 0,01$.

Рассматривая оценки родительского статуса, можно обнаружить специфику группы выпускников СПО: среди них значительно больше тех, кто находился на нижних социальных ступенях в период взросления, и меньше тех, кто оценил позицию своей семьи как среднюю (рис. 7). В отношении выпускников вузов статистически значимо лишь то, что представители этой группы значительно реже относят себя к выходцам из нижних социальных страт.

Субъективная мобильность молодежи в разрезе уровней образования. Общая картина по субъективной социальной мобильности 25-летних (рис. 8) демонстрирует преобладание паттерна воспроизводства (60%). Это соотносится с результатами предыдущих исследований на общероссийских данных, показавших превалирование статусной иммобильности

⁴ Здесь и далее значимость различий рассчитывалась с применением критерия χ^2 .

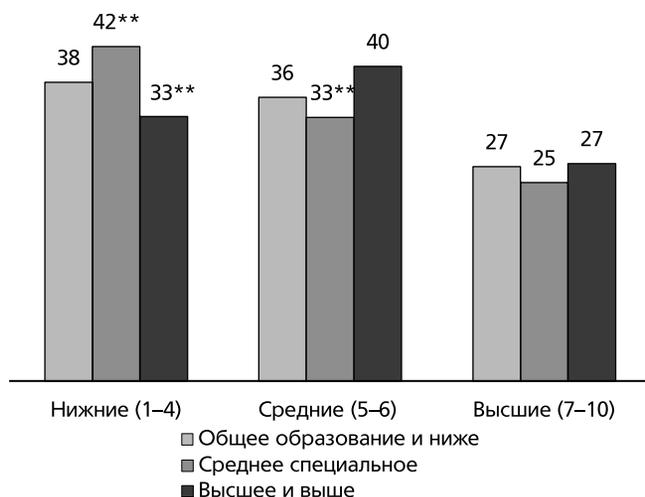

Рис. 7. Оценка субъективного родительского статуса в зависимости от уровня образования, % от участников (N = 3560)

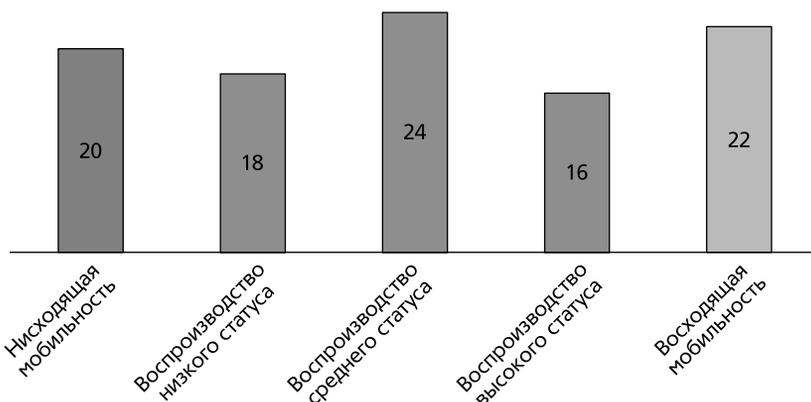

Рис. 8. Субъективная социальная мобильность 25-летних, % от участников (N = 3560)

россиян [Мареева и др., 2022]. Доля демонстрирующих восходящую мобильность (22%) несколько превосходит долю тех, кто совершил статусный переход вниз (18%).

Рассмотрение паттернов мобильности в разрезе уровня образования (табл. 3) показывает, что выпускники вузов реже, по сравнению с остальными, характеризуются статусным воспроизводством. При рассмотрении разных типов воспроизводства обнаруживаются более тонкие межгрупповые различия: обладатели высшего образования значимо чаще воспроизводят именно средний статус и значимо реже – низкий.

Наиболее примечательны паттерны распространенности нисходящей мобильности: выпускники вузов значимо чаще (в 20% случаев) характеризуются статусным переходом вниз (табл. 3). Значимо реже такой паттерн встречается среди выпускников колледжей. Восходящая же мобильность относительно равномерно представлена во всех образовательных группах.

Более пристальное внимание к паттернам переходов позволяет увидеть специфику обнаруженной нисходящей мобильности среди выпускников вузов (рис. 9). Обладатели

Таблица 3

**Субъективная социальная мобильность 25-летних по уровням образования,
% от участников (N = 3560)**

Паттерн мобильности	Наивысший уровень образования		
	среднее образование	среднее профессиональное образование	высшее образование
Воспроизводство социального статуса, все	61,6	61,8**	57,4**
низкий	38,6	42,8**	30,9**
средний	35,2	31,4**	41,5**
высокий	26,2	25,7	27,6
Нисходящая мобильность	18	15,1**	20,2**
Восходящая мобильность	20,4	23,1	22,4
Доля респондентов, у которых оба родителя имеют высшее образование	11,4	6,2	25,9
Количество наблюдений, ед.	536	1207	1777
Доля в выборке	15,2	34,3	50,5

высшего образования чаще попадают во все три типа переходов вниз. Наибольший отрыв от общей выборки наблюдается в переходе из высшей в среднюю страту и составляет 8 п.п. Таким образом, нисходящая мобильность выпускников во многом связана с «выпадением» из высшей страты в среднюю к 25 годам.

Учет объективного социального статуса родителей во многом проясняет дифференциацию паттернов мобильности. Так, у четверти выпускников вузов фиксируется высокий социальный статус семьи (табл. 3). Это объясняет ситуацию с низкой

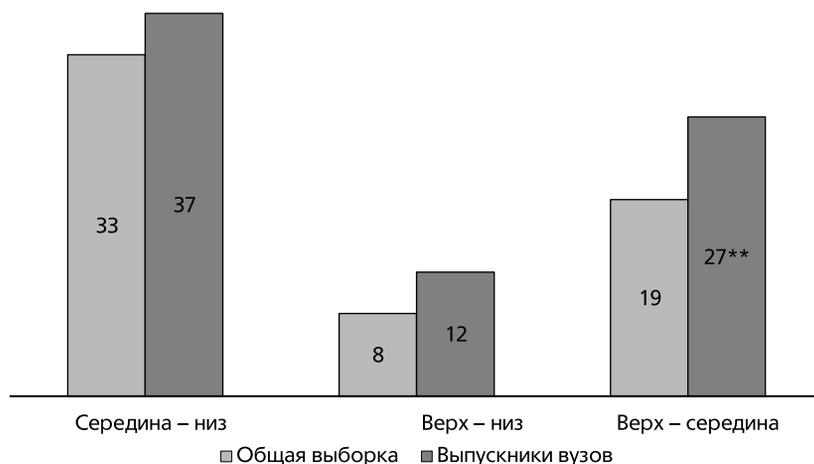

Рис. 9. Паттерны нисходящей мобильности молодежи, % от участников

Примечание. Доли рассчитывались от суммы переходов, ведущих в каждую из ступеней (на графике – вниз и середину). Например, из всех переходов, ведущих вниз, на выборке выпускников вузов переход «верх-низ» составляет 12%.

Таблица 4

Типы образовательных траекторий выпускников вузов

Тип образовательной траектории выпускников вузов	Количество наблюдений	Доля в выборке, %
<i>Траектории, ведущие в высшее образование</i>		
Высшее образование после 11 класса (академическая траектория)	1466	82,6
Высшее образование после СПО (транзитная траектория)	309	17,4
<i>Траектории внутри высшего образования</i>		
Бакалавриат (специалитет) – наивысший уровень образования	1358	76,4
Магистратура – наивысший уровень образования	419	23,6

распространенностью воспроизводства низкого статуса и, с другой стороны, может отчасти объяснять значимо более высокую долю субъективной нисходящей мобильности в данном треке – выпускники вузов к 25 годам из верхней страты не успевают «догнать» родительский статус.

Особенности социальной мобильности выпускников вузов. Среди траекторий на пути в вуз наиболее распространен академический трек (83%) (табл. 4). Внутри высшего образования наиболее распространенным является окончание программы бакалавриата (76%).

Траектории, ведущие в высшее образование. Обе траектории, ведущие в высшее образование, выглядят практически идентично с точки зрения мобильности (рис. 10). Однако за счет того, что в траектории «11 классов – вуз» значительно больше детей, у которых родители имеют высшее образование (28% против 18% у участников траектории «колледж – вуз»), значимо чаще нисходящая мобильность встречается в академической траектории.

Рассмотрение паттернов воспроизводства социального статуса также показывает значимые различия между академической и транзитной траекториями: в последней значимо чаще происходит воспроизводство высокого статуса (рис. 10). Получение высшего образования путем транзита из колледжа в вуз в большей степени, чем через старшую школу, связан с закреплением статусных преимуществ. Это соответствует предшествующим исследованиям, показывающим, что транзит в высшее образование детей из семей с высоким образовательным капиталом является страховочной стратегией от риска непоступления в университет, и даже в случае отсутствия такой стратегии высокообразованные родители ожидают от своих детей, обучающихся на программах СПО, дальнейшего продолжения обучения в вузе [Yastrebov et al., 2018].

Рис. 10. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов к 25 годам в разрезе образовательных траекторий, ведущих в высшее образование, % (N = 1776)

Рис. 11. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов к 25 годам в разрезе образовательных траекторий внутри высшего образования, доля участников траектории, % (N = 1776)

Траектории внутри высшего образования. Гетерогенность паттернов мобильности выпускников вузов ярко проявляется в траекториях внутри высшего образования (рис. 11). Нисходящая мобильность значимо чаще встречается среди выпускников магистратуры по сравнению с треками бакалавров. Здесь характерно различие между социальным статусом семьи – в треке магистров у 41% оба родителя имеют высшее образование против 25% в треке бакалавров. Таким образом, наиболее высокообразованные 25-летние из высокоресурсных семей чаще демонстрируют субъективный статусный переход вниз, «неотягивание» до статуса родителей. Это может говорить как о рассогласовании образовательной и социальной мобильности (как минимум в ситуации недавнего выхода из системы образования), так и подтверждать тезис о слабости метрики уровня образования для измерения мобильности.

В распространенности статусного воспроизводства в траекториях магистров и бакалавров также отмечаются значимые отличия – короткий трек в высшем образовании чаще связан с сохранением статусных позиций (рис. 11). Это может говорить о том, что получение высшего образования стало необходимостью для сохранения даже средних позиций в социальной иерархии.

Дискуссия. В ходе исследования обнаружилось, что с точки зрения субъективной мобильности высшее образование позволяет скорее занимать средние статусные позиции и не связано с переходом в высокие, по крайней мере, к 25 годам. На высоких позициях в социальной иерархии в равной степени представлена молодежь с разнообразным образовательным опытом. Несмотря на то что преобладающий паттерн мобильности в обществе в целом и в данной молодежной группе – это сохранение позиций, выпускники высшего образования реже остальных воспроизводят родительский статус, а если и происходит воспроизводство, то именно среднего статуса.

Выпускники вузов чаще своих сверстников с более низким уровнем образования оказываются в ситуации нисходящей мобильности, то есть к 25 годам не достигают родительских позиций, в частности, за счет перехода из высших ступеней в средние. Таким образом, мы выявили, что получение высшего образования в молодежной когорте в большей степени связано со средними статусами в социальной иерархии и не гарантирует сохранения или перехода к высоким статусам (см. также: [Gugushvili, 2021]). Это согласуется с выводом из стратификационных исследований о том, что образование утрачивает свою роль в субъективной оценке статуса и в абсолютной восходящей мобильности, уступая доходу и материальному благосостоянию [Тихонова, 2018а].

Второй комплекс результатов связан с различиями паттернов мобильности в зависимости от траекторий в высшем образовании. Во-первых, транзитная траектория (колледж – вуз) в большей мере, чем академическая (старшая школа – вуз), выступает инструментом воспроизводства высокого статуса. Это соответствует предыдущим исследованиям, показавшим, что транзитный трек не является искомым инструментом мобильности

для выходцев из менее ресурсных семей, а напротив, работает на сохранение статусных преимуществ [Yastrebov et al., 2018]. Полученные результаты позволяют уточнить наш вывод о том, что высшее образование в большей степени связано со средними статусами и не гарантирует переход к высоким статусам. Не просто получение высшего образования, а именно наиболее массовая академическая траектория представляет собой инструмент сохранения среднего статуса и в наименьшей степени – канал перемещения вверх.

Во-вторых, короткие траектории (бакалавриат или специалитет) в большей степени связаны с сохранением статуса, нежели с восходящей мобильностью. В свою очередь, длинная траектория оказывается более «рискованной»: в ней чаще случается перемещение либо вверх, либо вниз. Это не позволяет назвать магистратуру фактором субъективной мобильности, несмотря на эмпирически зафиксированную отдачу от диплома магистра [Рожкова и др., 2021]. Однако здесь также важно учитывать высокий стартовый статус выпускников магистратуры – к 25 годам им сложнее достигнуть родительского уровня, в том числе учитывая отложенный выход на рынок труда, недостаточное количество времени для капитализации человеческого капитала.

В исследовании роли образования в субъективной мобильности мы обращаемся к анализу молодежной когорты – участникам панели на момент измерения мобильности было около 25 лет. Это может восприниматься как ограничение, поскольку рост зарплат продолжается и по достижении этого возраста [Гимпельсон, 2019]; для некоторых групп сохраняются шансы на повышение статуса. Тем не менее, как показывают стратификационные исследования, даже по прошествии времени остаются устойчивыми паттерны внутрикогортного доходного неравенства [Cheng, 2014]. Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку мобильности в более зрелых возрастах, чтобы говорить о долгосрочных эффектах специфики образовательной траектории на субъективную мобильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Класс, сословия, партии (фрагменты из книги «Хозяйство и общество») // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. № 1–2 (15–16). С. 139–156.
- Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 185–237.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 59–85.
- Епихина Ю.Б. Благополучие как показатель субъективной мобильности // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 3. С. 97–118.
- Загирова Ф.Р., Романенко К.Р., Макарьева А.Ю. «И все такие разные». Академическая неоднородность студентов: анализ, восприятие, практики Вып. 4(25). М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда?: препринт WP3/2021/03/. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Лукина А.А. Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 133–160.
- Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326–348.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. Вып. 7(67): Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42.
- Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99–148.
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39–60.

- Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190.
- Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В. Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 69–92.
- Роцин С.Ю. и др. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Роцин С.Ю. и др. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. М.: НИУ ВШЭ, 2023.
- Тихонова Н.Е. Межпоколенческое воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 61–78.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018а. № 1–2(126). С. 17–29.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества. Социологические исследования, 2018б. № 6(6). С. 53–65.
- Чиркина Т.А., Гусейнова А.Г. Социальная дифференциация образовательных планов при поступлении в вузы: информационный бюллетень / Под ред. Я.И. Кузьминова. Вып. 12. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Altonji J.G., Zhong L. The Labor Market Returns to Advanced Degrees // Journal of Labor Economics. 2021. No. 39(2). P. 303–360.
- Cheng S. A life course trajectory framework for understanding the intracohort pattern of wage inequality // American Journal of Sociology. 2014. No. 120(3). P. 633–700.
- Duru-Bellat M., Kieffer A. Objective/subjective: The two facets of social mobility // Sociologie du travail. 2008. No. 50(4). P. e1–e18.
- Gugushvili A. Why do people perceive themselves as being downwardly or upwardly mobile? // Acta Sociologica. 2021. No. 64(1) P. 3–23.
- Jackman M., Jackman R. An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status // American Sociological Review. 1973. Vol. 38 (October).
- Kelley J., Evans M.D.R. Class and Class Conflict in Six Western Nations // American Sociological Review. 1995. No. 60. P. 157–178.
- OECD. Broken Social Elevator?: How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, 2018.
- Wakeling P., Laurison D. Are postgraduate qualifications the 'new frontier of social mobility'? // The British Journal of Sociology. 2017. Vol. 68. No. 3. P. 533–555.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // Sociology of Education. 2018. Vol. 91. No. 3. P. 224–241.

Статья поступила: 14.08.23. Финальная версия: 30.10.23. Принята к публикации: 07.12.23.

SUBJECTIVE SOCIAL MOBILITY OF UNIVERSITY GRADUATES THROUGH THE LENSES OF THEIR EDUCATIONAL TRAJECTORIES

LUKINA A.A.*, MALTSEVA V.A.*, ROZENFELD N.Ya.*

*HSE University, Russia

Anastasiia A. LUKINA, Junior Research Fellow (aalukina@hse.ru); Vera A. MALTSEVA, PhD, Director of the Centre for Skills Development and Vocational Education (vamaltseva@hse.ru); Natalya Ya. ROZENFELD, Research Intern (nrozenfeld@hse.ru). All – Institute of Education, HSE University Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was supported by RSF. Project No. 22-18-00533.

Abstract. The article examines patterns of subjective social mobility of Russian universities' graduates based on the longitudinal database "Trajectories in education and career". Using a scale of a ten-step "social ladder" the following results were obtained. First, university graduates are more likely to experience a downward status transition and are unlikely exposed to a pronounced upward mobility or reproduction of high status; so they are more often characterized by immobility in average status positions. Higher education does not consolidate status privileges in the youth cohort and does not always play the social elevator role. Second, the analysis of mobility patterns in the context of trajectories on the way to university showed that university graduates previously graduated from high school are characterized by reproduction of high status. Last, trajectories with master's degree turned out to be more "risky" than with only baccalaureate: master's degree graduates are more likely to move either up or down the social ladder, while undergraduate trajectories are more characterized by status reproduction. The results of the study offer new empirical ground to consider higher education as a "non-homogeneous" level of education and its ambiguous role in social mobility.

Keywords: social mobility, subjective mobility, higher education, youth, educational trajectories.

REFERENCES

- Altonji J.G., Zhong L. (2021) The Labor Market Returns to Advanced Degrees. *Journal of Labor Economics*. No. 39(2): 303–360.
- Cheng S. (2014) A life course trajectory framework for understanding the intracohort pattern of wage inequality. *American Journal of Sociology*. No. 120(3): 633–700.
- Chirkina T.A., Guseynova A.G. (2021) Social differentiation of educational plans for admission to universities. *Monitoring of education markets and organizations bulletin*. No. 12. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Duru-Bellat M., Kieffer A. Objective/subjective: The two facets of social mobility. *Sociologie du travail*. 2008. Vol. 50. No. 4: e1–e18.
- Epikhina Y.B. (2023) Well-being as an Indicator of Subjective Mobility. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 32(3): 97–118. (In Russ.)
- Gimpelson V.E. (2019) Age and Wage: Stylized Facts and Russian Evidence. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. No. 2: 185–237. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (2023) Job structure evolution in Russia: Polarization, upgrading, stalemate? *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 1: 59–85. (In Russ.)
- Gugushvili A. (2021) Why do people perceive themselves as being downwardly or upwardly mobile? *Acta Sociologica*. No. 64(1): 3–23.
- Jackman M., Jackman R. (1973) An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status. *American Sociological Review*. Vol. 38 (October).
- Kapeliushnikov R.I. (2021) *Returns to Education in Russia: Nowhere Lower?* Working Paper WP3/2021/03. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Kelley J., Evans M.D.R. (1995) Class and Class Conflict in Six Western Nations. *American Sociological Review*. No. 60: 157–178.
- Lukina A.A. (2023) Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2: 133–160. (In Russ.)
- Lukyanova A.L. (2010) Returns to education in Russia: Evidence from meta-analysis. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. No. 14(3): 326–348.
- Malinovskiy S.S., Shibanova E.Yu. (2022) *Access to higher education in Russia: how to turn expansion into equality*. Vol. 7(67). Modern education analytics. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)

- Maltseva V.A., Rozenfeld N.Ya. (2022) Educational and Career Trajectories of the Russian Youth in a Longitudinal Perspective: A Case of University Graduates. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3: 99–148. (In Russ.)
- Maltseva V.A., Shabalin A.I. (2021) The non-bypass trajectory, or the boom in demand for TVET in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 2: 10–42. (In Russ.)
- Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. (2022) Public tolerance for social inequalities in turbulent Russia: reassessing the role of subjective mobility. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 39–60. (In Russ.)
- OECD. (2018) Broken Social Elevator?: How to Promote Social Mobility. *OECD Publishing*.
- Roshchin et al. (2022) *Graduates of higher education in the Russian labor market: trends and challenges*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Roshchin et al. (2023) *Graduates of secondary vocational education in the Russian labor market*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Rozhkova K., Roshchin S., Solntsev S.A., Travkin P.V. (2021) The return to master's degree in the Russian labor market. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 8: 69–92. (In Russ.)
- Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., Travkin P.V. (2023) The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 1: 161–190. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2018a) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]. No. 1–2(126): 17–29. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2018b) Stratification by life chances of mass strata in modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65.
- Tikhonova N.Ye. (2021) Intergenerational reproduction of professional statuses and class in modern Russian society. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Questions of Theoretical Economics]. No. 2: 61–78. (In Russ.)
- Wakeling P., Laurison D. (2017) Are postgraduate qualifications the 'new frontier of social mobility'? *The British journal of sociology*. Vol. 68(3): 533–555.
- Weber M. Class, Status, Parties (fragments from the book "Economy and Society"). *Lichnost. Kultura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 5. No. 1–2 (15–16): 139–156.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91. No. 3: 224–241.
- Zagirova F.R., Romanenko K.R., Makareva A.Yu. (2019) "Everyone is so different" Academic heterogeneity of students: analysis, perception, practices. Vol. 4 (25). Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)

Received: 14.08.23. Final version: 30.10.23. Accepted: 07.12.23.

© 2024 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА: ЧАСТЬ 1. КЛАССОВЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmityriy90@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-классовых противоречий современного общества. Автор показывает, что, несмотря на растущее экономическое неравенство в развитых странах, перспектива объединения всех эксплуатируемых и притесняемых с целью борьбы за социалистическое общество равенства и справедливости становится все более туманной. Появляется множество оснований утверждать о невозможности социализма (в обозримой перспективе) и высокой вероятности нового антагонистического этапа развития общества. Чем богаче общество, тем больше разногласий между представителями класса наемных работников и теми, кто претендует на выражение их интересов, а не между капиталистами и пролетариатом. Развитие производительных сил приводит вовсе не к восстанию эксплуатируемых против класса эксплуататоров, а к появлению большой и влиятельной социальной прослойки постматериалистов, чьи интересы идут вразрез с интересами значительной доли людей, испытывающих нехватку средств к существованию.

Ключевые слова: посткапитализм • социализм • коммунизм • капитализм • классовый анализ • рабочий класс • постматериализм • социальное неравенство

DOI: 10.31857/S0132162524010117

Введение. Может показаться, что говорить о «невозможности социализма» – интеллектуальный эпатаж или элемент ангажированных трюизмов о крахе социалистических проектов и «провалах» плановой экономики. В настоящей статье мы бы хотели посмотреть на данный тезис на более глубоком уровне, нежели это происходит в ставших привычными дебатах сторонников/противников капитализма/социализма.

Под социализмом мы понимаем начальную стадию неантагонистической посткапиталистической общественной формации, в рамках которой в конечном итоге преодолеваются все классовые антагонизмы. Говоря о невозможности социализма, мы вовсе не имеем в виду, что никогда, даже в далеком будущем, не будут изобретены передовые способы управления экономикой, которые заменят собой рынок. Мы также не хотим сказать, что критика капитализма и борьба левых за более справедливое общество были, есть или будут совершенно безрезультатными. Речь идет о более глубокой проблеме: мы, по всей видимости, являемся свидетелями того момента, когда все «последние надежды» на социализм (или, если смотреть на более дальнюю перспективу, на коммунизм) исчерпываются.

Этих надежд было слишком много, но каждый раз они себя не оправдывали. И в последние годы (в период, начавшийся в конце 2000-х гг., примерно с Великой рецессии) они были, наверное, одними из самых «обнадеживающих»: кризис неолиберального

капитализма казался экзистенциальным и означающим грядущие фундаментальные потрясения, а параллельно множилось различные концепции посткапитализма, указывающие на открывающиеся технологические возможности обеспечения материального изобилия для всех [Mason, 2017; Srnicek, Williams, 2016]. Тем не менее, как мы покажем далее, чем больше было дискуссий о грядущем посткапитализме, тем заметнее становилась двойственная природа тех социальных сил, которых видели в качестве главных драйверов глобальных формационных трансформаций.

Мы хотим показать, что наблюдаемые сегодня социальные явления, демонстрирующие некий антикапиталистический потенциал, не показывают потенциала социалистического/коммунистического. Выражаясь марксистским языком, наблюдаемая медленная и глубокая социальная революция ведет человечество (или его передовую часть) не к постклассовому состоянию, когда равенство и братство всех людей становятся важнейшими системообразующими принципами, а к новой антагонистической общественной формации.

Статья делится на четыре раздела. Согласно главному тезису первого раздела, чем богаче общество, тем больше разногласий и оснований для конфликтов между представителями класса наемных работников и теми, кто выражает (на словах) их интересы, а не между капиталистами и пролетариатом. Во втором разделе речь пойдет о противоречиях между расширяющейся стратой постматериалистов (по терминологии Р. Инглхарта) и живущими в режиме каждодневного выживания материалистами. В третьем разделе мы развеваем мифы о том, что сегодня возможна солидарность между всеми эксплуатируемыми и угнетенными. На самом деле чем общество богаче и разнообразнее, тем чаще проявляют себя не только противоречия, имеющие материальную основу, но и исключительно ценностные расхождения, проявления явной или скрытой враждебности между представителями разных социальных групп. Наконец, в четвертом разделе утверждается, что если мы и наблюдаем становление посткапитализма, то этот посткапитализм не стоит отождествлять с резким обновлением общества и с выстраиванием общественных отношений, разительно контрастирующих со старыми. Более вероятно, что наблюдаемое нами – это, как и в прежние времена, эволюция разных форм господства и статусных иерархий в ответ на столь же постепенную эволюцию производительных сил, вышедшую за пределы возможностей или определяющих сил капитала как овеществленного труда. Если сложить все факторы и тенденции, о которых речь далее, станет яснее, почему мы говорим именно о *невозможности социализма*.

Читателя, возможно, смутит далее обилие ссылок на зарубежных авторов, причем преимущественно американских и западноевропейских. Такой подход обусловлен двумя обстоятельствами. С одной стороны, нужно признать, что о социализме и проблемах левой политической мысли на Западе пишут больше, чем у нас или на Востоке. С другой стороны, можно как угодно смотреть на социальные и культурные процессы, наблюдаемые на Западе, но они говорят об очень многом для других стран и для России в частности. Западные общества не перестают быть своеобразным «социальным полигоном», демонстрирующим новые тенденции для всего мира в силу более высокого технологического развития, материальной обеспеченности и уровня жизни.

Материальное: чем богаче общество, тем слабее классовая солидарность рабочих. Вряд ли возможно перечислить все тома литературы, посвященной критике современного неолиберального капитализма. Нет смысла подробно говорить о тех реалиях, о которых хорошо известно: растущее социально-экономическое неравенство в развитых странах, экологический кризис и т.п. Но, несмотря на, казалось бы, почти всеобщее признание, что с обществом «что-то не так», ничего серьезно не меняется в сторону «социализации» экономик. Здесь можно винить во всем могущество транснациональных корпораций или слабость национальных государств, которые в реалиях постдемократии [Crouch, 2004] перестают отражать интересы большинства борющихся за социальные гарантии и трудовые права. Но что, если сами трудящиеся во многом ответственны за так и не реализованный до сих пор шанс воспользоваться «идеальным штормом»?

Один из теоретических столпов марксизма – тезис, что капиталистическая эксплуатация (производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости) приводит к формированию массового революционного класса, солидарность между представителями которого зиждется на осознании общей, системной природы своего положения. Как показала история, данный тезис (и другие из него вытекающие, вроде утверждения об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса) не оправдал себя. Многие наемные рабочие не просто нашли общие интересы с капиталистами, но и оказались склонными разделять общие с ними ценности и играть в одни и те же «статусные игры», стремясь к «демонстративному потреблению» [Веблен, 1984; Currid-Halkett, 2017]. Постепенно усложнялась и классовая структура, так что теперь зачастую неясно, какую классовую позицию занимают (и как к ним должны относиться левые) некоторые состоятельные наемные работники. Так, Э.О. Райт говорит о «промежуточном» классовом положении топ-менеджеров и высокооплачиваемых специалистов [Wright, 2023]. Именно способность капитализма повышать уровень жизни очень многих является важнейшим фактором несостоявшейся социалистической социальной революции¹: чем богаче общество, тем больше благ попадает в распоряжение людей. Но важнее то, что, чем богаче общество, тем больше оснований для возникновения перманентных конфликтов² (а также недоверия, скрытой враждебности и т.п.) по поводу распределения материальных благ. Подчеркнем, речь идет преимущественно о разногласиях между представителями класса наемных рабочих и теми социалистами, кто претендует на выражение их интересов, – причем практически по любому поводу, в том числе по вопросам, кто достоин тех или иных благ или преимуществ, а кто – нет.

Сегодня левые теоретики часто утверждают, что относительное обнищание наемных работников вновь позволяет говорить о наличии среди большой доли населения мощной материальной депривации и о соответствующей борьбе за восстановление справедливого распределения экономических благ. Однако, даже учитывая растущее экономическое неравенство, технологическое развитие все равно позволяет улучшать материальные условия жизни каждого. Как замечает Дж.В. Ричардс, сегодня американцы работают в среднем на восемь часов в неделю меньше, чем в 1960-е гг.: «Наши бабушки и дедушки в 1960 году тратили почти 18% своего дохода на еду. В среднем каждый из нас сегодня тратит менее 10%... Даже в мрачном 2016 году абсолютный и средний собственный капитал домохозяйств США достиг рекордно высокого уровня. Наградой наслаждается не только один процент. Если вы зарабатываете не менее 32400 долл. в год, вы входите не только в первую половину доходов американцев, но и в 1% самых богатых людей во всем мире» [Richards, 2018: 15]. Иными словами, продолжается пророст того, что можно делить *самим рабочим* и вокруг чего можно конфликтовать. Тем более он продолжается на планетарном уровне. 3. Коуп посвятил внушительную книгу [Коуп, 2022] изучению того, что он называет *рабочей аристократией*: капиталистическая эксплуатация настолько сегодня усложнена, что беднейшие люди в развитых странах являются в каком-то смысле (косвенно) *эксплуататорами*, ведь они живут в относительно благополучных местах и многие блага, которые им доступны, обусловлены колониальной системой. Здесь мы наблюдаем еще один внутрикласовый раскол среди рабочих: не просто на «истинных» пролетариев и «промежуточных», обуржуазившихся, но и на тех, кто извлекает выгоды от колониальной системы, и тех, кто является в данной системе жертвой.

¹ Под «социальной революцией» в данном случае мы понимаем именно переход к следующей за капитализмом стадии общественного развития (формации). Поэтому такие явления, как социализм в СССР или «шведский социализм», можно расценить как неудавшиеся попытки этот переход совершить.

² Такие конфликты не обязательно должны проявляться в актах агрессии или в открытой демонстрации недовольства. Они могут быть скрытыми, проявляющимися в ценностных или партийных расколах (например, раскол между республиканцами и демократами в США, являющийся, по сути, *кросс-классовым*), отсутствии единства между эксплуатируемыми.

Фрагментация рабочего класса происходит не только из-за распределения доходов и заработной платы (когда одна часть людей, относящихся к категории наемных работников, вполне удовлетворена своим материальным положением и голосует за центристов, в то время как для другой части поддержка центристов равносильна предательству). Сегодня даже общественные блага (или инициативы по их производству и равномерному распределению), от которых по идее должны выигрывать все, становятся яблоком раздора между наемными работниками. Приведем несколько иллюстраций.

Когда на президентских праймериз (2016 г.) в США левый политик Б. Сандерс³ сенсационно чуть не обошел Х. Клинтон⁴, многие комментаторы заговорили о возвращении класса в политику и даже о грядущем «левом повороте». Типичное марксистское объяснение заключалось в том, что наступает конец неолиберального капитализма (или капитализма как такового): бедные продолжают беднеть, а богатые богатеть, нарастают соответствующие противоречия, неизбежно объединение всех эксплуатируемых и угнетаемых и их совместная борьба с системой, а Сандерс-де аккумулировал запросы рабочего класса, создав антибуржуазную электоральную платформу. Однако если погрузиться в электоральную статистику и данные экзит-поллов и социологических опросов, то общая картина сильно усложняется.

Оказалось, что электоральная база Сандерса – не столько рабочий класс, сколько молодежь. Как отметил политолог из Мичиганского университета М. Гроссман, поскольку молодые избиратели, как правило, имеют более низкие доходы, то огромная разница в возрасте между сторонниками Сандерса и Клинтон иногда воспринималась как разница в экономическом классе. Но молодые люди с низкими доходами обычно не задерживаются на этом уровне, их нахождение внизу экономической лестницы является естественным. Как показал анализ Гроссманом электоральных данных в штате Мичиган, малообеспеченные белые в возрасте 40–70 лет не демонстрировали сильной поддержки Сандерса. Разница в поддержке по доходам среди пожилых избирателей была небольшой, при этом белые избиратели старшего возраста с более высокими доходами с большей вероятностью поддерживали Сандерса. Кроме того, образ поддерживающих Сандерса бедняков, которые потеряли работу на фабрике из-за глобальной торговли, не нашел подтверждений. Среди белых избирателей старше 40 лет, не имеющих высшего образования, именно Клинтон лидировала с серьезным отрывом (43% против 35% за Сандерса)⁵. Ситуация мало изменилась и на праймериз 2020 г. Демографически избиратели Сандерса непропорционально молоды и испаноязычны [Altamura, Oliver, 2022]. Очевидно, это преимущественно молодой прекариат и/или прогрессивная студенческая молодежь, которых привлекают такие левопопулистские инициативы как списание студенческих долгов и бесплатное образование и медицина для всех.

Но почему все это не пользовалось особым спросом у подавляющего большинства рабочего класса? Потому что любая политика перераспределения экономических благ сегодня неизбежно ущемляет не только интересы буржуазии, но и многих рабочих. Бесплатность медицины и образования звучит хорошо, но недостаточно хорошо для тех, кому меры вроде медицинской системы с единым плательщиком попросту невыгодны.

³ Пытаясь выразить интересы среднего класса и неимущих людей, представителей малого и среднего бизнеса, Б. Сандерс критиковал чрезмерное влияние корпораций и банков на политическую жизнь и высказывается за возвращение закона о гласности банков. Он также предлагал перейти к бесплатной медицине и образованию, ввести прогрессивную шкалу налогов для крупнейших компаний, увеличить пенсионный фонд, повысить минимальную заработную плату, создать рабочие места для молодежи и людей с ограниченными возможностями (Берни Сандерс (выбыл из президентской гонки 12 июля 2016 года) // ТАСС. URL: <https://tass.ru/vybory-v-ssha/2678283> (дата обращения: 21.08.2023)).

⁴ Центристская по своему характеру кампания Х. Клинтон была акцентирована в основном на правах женщин, правах ЛГБТ и улучшении медицинского обслуживания.

⁵ Stein J. Bernie Sanders's base isn't the working class. It's young people // Vox. 2016. May 19. URL: <https://www.vox.com/2016/5/19/11649054/bernie-sanders-working-class-base> (дата обращения: 21.08.2023).

Известно, что обещание Сандерса в 2020 г. отменить все частные страховки и заставить работников пользоваться обязательной программой Medicare для всех не понравилось многим членам профсоюзов. Как объяснил Г. Шайтбергер, президент Международной ассоциации пожарных, «отмена страхования от работодателя в пользу предложения "Медикэр для всех" – плохая идея, наказывающая работающие семьи, которые смогли обеспечить себе качественное медицинское обслуживание»⁶. Социологические опросы показывали, что Medicare for All не пользовалась поддержкой большинства американцев, но 2/3 населения поддержали более умеренный вариант, позволявший отдельным лицам участвовать в правительственном плане социальной поддержки, но не требовавший этого от всех⁷. Согласно анализу К. Торпа, исследователя общественного здравоохранения из Университета Эмори в Атланте, для 72% зарегистрированных в программе Medicaid домохозяйств, в которых кто-то работает, расходы на план Сандерса превысили бы выгоды. Как отметил К. Торп, многие люди с низким доходом уже застрахованы или имеют право на страхование в рамках программы Medicaid; многие бенефициары Medicaid также работают, их заработная плата, вероятно, снизится из-за дополнительного 6,2-процентного налога на заработную плату, который предложено взимать с их работодателей⁸. Короче говоря, социалистическая по своей затее идея всеобщего бесплатного здравоохранения наткнулась на сопротивление вовсе не только «рабочей аристократии», но и далеко не самых богатых американцев, не пожелавших расставаться с преимуществами старой системы. Есть также данные, что многие рабочие отдавали голоса за Сандерса не столько по причине его социал-демократической риторики, сколько из-за нежелания голосовать за Х. Клинтон с ее «прогрессистской» программой продвижения феминизма, интересов ЛГБТК+⁹ сообщества, «людей цвета» (people of color) и иммигрантов¹⁰.

Не меньшая загадка – победа капиталиста и республиканца Д. Трампа в 2016 г. на президентских выборах. Как показали многочисленные исследования, значительная часть рабочего класса (особенно «белого рабочего класса») поддержала именно Трампа. Одно из популярных объяснений данного феномена – «культурный ответный удар»: белый рабочий класс состоит из консервативных жителей «красных» («республиканских») штатов, придерживающихся патриархальных (даже расистских) ценностей и не приемлющих политики толерантности, открытости и поддержки меньшинств, которая ассоциировалась с программой Х. Клинтон [Norris, Inglehart, 2019]. О том, что дело отнюдь не только в расизме белого рабочего класса, мы поговорим далее. Здесь же отметим немаловажную деталь: под консервативностью рабочих стоит понимать не только их приверженность капиталистической системе. Это также приверженность «протестантским» трудовым ценностям: представлению о том, что тяжелый труд должен хорошо оплачиваться, что политика перераспределения пестует лень, что люди, живущие на пособия, – просто лентяи. Для них главным

⁶ Thiessen M.A. Why is Sanders tanking? He's the wrong candidate with the wrong message at the wrong time // The Washington Post. 2020. March 11. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/11/sanders-claims-champion-working-class-working-class-disagrees/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁷ Nate S. Medicare For All Isn't That Popular – Even Among Democrats // FiveThirtyEight. 2019. July 25. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/medicare-for-all-isnt-that-popular-even-among-democrats/> (дата обращения: 21.08.2023); Jones B. Increasing share of Americans favor a single government program to provide health care coverage // Pew Research Center. 2020. September 20. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/29/increasing-share-of-americans-favor-a-single-government-program-to-provide-health-care-coverage/ft_2020-09-29_healthcare_01/ (дата обращения: 21.08.2023).

⁸ Thorpe K.E. An Analysis of Senator Sanders Single Payer Plan. URL: <https://www.healthcare-now.org/296831690-Kenneth-Thorpe-s-analysis-of-Bernie-Sanders-s-single-payer-proposal.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

⁹ Признано экстремистским на территории России. – Прим. ред.

¹⁰ Silver N. How Bernie's 2020 Map Might Change Without The #NeverHillary Vote // FiveThirtyEight 2019. February 21. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/bernie-sanders-was-helped-by-the-neverhillary-vote-what-does-that-mean-for-his-chances-now/> (дата обращения: 21.08.2023).

приоритетом оказывается вовсе не политика *перераспределения*, а доступ к хорошим рабочим местам, возможность *трудиться* [Богаевская, Журавлева, 2021].

Современные левые обычно ставят на первое место в иерархии приоритетов не рабочие места, а перераспределение доходов. Более того, левый прогрессизм с его экологическими и космополитическими оттенками, приветствующий сокращение «вредных» производств и выступающий за «открытые границы» (что увеличивает конкуренцию на рынке труда из-за иммигрантов), является прямой угрозой тому, что ценят превыше всего консервативно настроенные рабочие. Именно этой уязвимостью левых воспользовался Трамп, сделав акцент на сохранении и преумножении рабочих мест. В итоге с 2012 по 2020 г. не только поддержка демократов среди белых избирателей из рабочего класса (без высшего образования) снизилась, но их преимущество среди небелых избирателей из рабочего класса сократилось на 18%. Только в период с 2016 по 2020 г. поддержка демократов среди испаноязычных избирателей сократилась на 16% преимущественно из-за «дезертирства» избирателей из рабочего класса. Напротив, преимущество демократов среди белых избирателей с высшим образованием в 2012–2020 гг. увеличилось на 16%, что обеспечило Дж. Байдену победу на президентских выборах. Округа, которые склонялись в сторону Трампа, как правило, зависели от голосов низкоквалифицированных рабочих и имели экономику, особенно уязвимую к автоматизации и офшорингу. Именно к этим людям обращался Д. Трамп, когда говорил о своей поддержке «простых людей». В 2022 г. данные тенденции сохранились: демократы теряют избирателей без высшего образования. Согласно национальному опросу New York Times/Siena, демократы имели дефицит в 15 процентных пунктах среди избирателей из рабочего класса, но преимущество в 14 пунктов среди избирателей с высшим образованием¹¹.

В 2016 г. многих сторонников Трампа объединяли желание бороться с нелегальной иммиграцией (и неприятие тех, кто ее поддерживает), враждебность к свободной международной торговле и либеральным элитам, а также чувство справедливости, коренящееся в консервативном расово нейтральном взгляде на механизмы восходящей мобильности. Лиза Р. Прюитт, профессор права Калифорнийского университета в Дэвисе, проясняет некоторые моменты: белые рабочие склонны считать себя воплощением американской мечты, основанной в первую очередь – если не полностью – на их собственной деятельности. Они верят, что могут выжить и даже процветать, если будут достаточно усердно работать. Поскольку они верят в личные заслуги, то склонны преуменьшать структурные препятствия на своем пути к зарплате, например плохие школы и даже неблагоприятные рынки труда. Как отмечает Л. Прюитт, многие представители рабочего класса «выигрывают от крупных структурных государственных вмешательств, таких как здравоохранение с единым плательщиком, всеобщее дошкольное образование и другие виды поддержки по уходу за детьми, увеличение инвестиций в образование и широкополосную связь. Они также выиграли бы, если бы эти вмешательства оплачивались более высокими налогами на богатых. То, что многие белые рабочие этого не видят, приводит к часто звучащему утверждению, что они расисты или голосуют против своих собственных интересов. Но обе эти реакции еще больше отталкивают людей с ярко выраженной идентичностью рабочих, тех, кто цепляется за американскую мечту...»¹².

Экологический кризис спровоцировал появление новых разногласий как среди рабочих (разделившихся на занятых в «устойчивой зеленой» экономике, и тех, кто работает на индустрию ископаемого топлива), так и среди левых идеологов. Для одних авторов за экологические беды ответственны исключительно капиталисты, наживающиеся на

¹¹ Teixeira R. Democrats' Long Goodbye to the Working Class // The Atlantic. 2022. November 6. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/11/democrats-long-goodbye-to-the-working-class/672016/> (дата обращения: 21.08.2023).

¹² Pruitt L.R. What Republicans Know (and Democrats Don't) About the White Working Class // Politico. 2022. June 24. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/06/24/democrats-white-working-class-00041807> (дата обращения: 21.08.2023).

ископаемом топливе. Но для очень многих больше всего виновны рабочие, а если быть точнее – рабочая аристократия и профсоюзы, установившие в союзе с буржуазией систему разграбления планеты. Как написано в книге «Трагедия рабочего», авторы которой – левое сообщество, сформированное вокруг журнала *Salvage* (Дж. Аллинсон, Ч. Мьевиль, Р. Сеймур, Р. Уоррен), «даже если пролетариат станет классом для самого себя, и даже если он сделает это в тот исторический момент, когда становится очевидным весь ужас методов ископаемого капитализма, он унаследует <...> производительные силы, неразрывно связанные с массовым истреблением биологического разнообразия» [Allinson et al., 2021: 18]. По сути, это отступление от одного из главных марксистских посылов, согласно которому производительные силы непрерывно растут (и должны расти), а производственные отношения их догоняют. Это – воскрешение ленинского тезиса о пролетариате, не способном без «сторонней помощи» стать «классом для себя». Только теперь ему нужно не только стать «классом для себя», а *правильным* классом «для себя», осознающим негативные планетарные последствия собственного стремления к комфортному существованию. У. Бранд и М. Виссен пишут об «имперском образе жизни», идущем рука об руку со специфическими идеями прогресса, материальной основой которых является развитие производительных сил: компьютеры должны становиться все более мощными, пища должна дешеветь – независимо от социальных и экологических условий, в которых эти предметы производятся, и т.д. «Если, – пишут они, – эти идеи основаны на согласованности между нормами производства и потребления и, таким образом, соответствуют динамике капиталистического накопления, и если можно экстернализовать негативные последствия, то трудно бросить вызов имперскому образу жизни» [Brand, Wissen, 2021: 60]. Так простое стремление к лучшей жизни (то есть то, за что боролись трудящиеся на протяжении XX века) объявляется враждебным по отношению к делу борьбы с капитализмом. Рабочим развитых стран, по сути, предлагается меньше потреблять и забыть о том, что развитие производительных сил является условием коммунизма¹³.

Таким образом, наблюдается не просто разделение на «рабочую аристократию» и всех остальных пролетариев. Имеет место постоянная фрагментация «мирового пролетариата», его распад на различные группы, преследующие собственные интересы. Стало быть, не стоит удивляться и краху левопопулистских движений в Европе (корбинизм в Великобритании, *La France insoumise* («Непокоренная Франция»), «Подemos» в Испании, «Сириза» в Греции). Эти «всплески» были порождены как раз «постклассовыми» временными союзами, сотканными из разноликих социально-классовых фрагментов, которые столь же быстро распадались, как и собирались [Borriello, Jäger, 2023]. В США же мы видели вовсе не социалистическую революцию, а капиталиста и популиста Д. Трампа, победа которого на президентских выборах была обеспечена голосами значительной доли рабочего класса.

Материализм vs постматериализм. Второй набор проблем связан не с разногласиями среди представителей рабочего класса. Он обусловлен сильнейшим ценностным расколом между материалистами и постматериалистами, если выражаться терминами Р. Инглхарта. Согласно его концепции «тихой революции», по мере экономического подъема и общего цивилизационного прогресса классовая политика постепенно уходит в прошлое (эти изменения планомерно наблюдаются в глобальных социологических опросах, начиная с 1970-х гг. [Inglehart, 2018]): общий рост материального благосостояния

¹³ Надежда на возможность разрешения экологического кризиса без серьезных ущемлений материальных интересов не только самых богатых, но и бедных (сильное сокращение массового потребления и тому подобное) основывается на ряде спорных посылов о возможностях альтернативной энергетики. Как убедительно показывают такие авторы, как В. Смил, нельзя убить двух зайцев одним выстрелом: бороться за процветание рабочего класса, бесплатные и качественные медицину и образование, доступное жилье и прочие социальные блага и при этом радикально сокращать экологическую нагрузку на планету. Невозможно обеспечить беднейшим достойной жизнью, не продолжая довольно долгое время выбросы CO₂ (не говоря уже о полном их сокращении за несколько десятилетий, за что выступают многочисленные левые экологи) [Smil, 2022].

позволяет удовлетворять базовые потребности почти всех. Многих людей все меньше беспокоят сугубо экономические аспекты жизни (доходы, собственность и прочее), и все чаще они задумываются о более «абстрактных» вещах вроде гражданских прав и демократических свобод или глобального потепления.

«Тихая революция» хорошо объясняет многие социальные и идейно-ценностные процессы в современном обществе. Более того, мы вполне можем взглянуть на них как на проявление посткапитализма, то есть развитие посткапиталистических общественных отношений. Только эти отношения возникают преимущественно по мере *деактуализации* экономического универсума для наиболее успешной, обитающей в наиболее «безопасных» условиях части населения планеты. Данная часть населения может позволить себе ценность «роскошь». Р. Хендерсон предложил понятие «роскошные убеждения»¹⁴: многие представители интеллектуальных, университетских, активистских и прочих элит, занятых нематериальным трудом, могут позволить себе придерживаться довольно дорогостоящих в материальном смысле «квазиливых» политических ориентаций – «отменить» полицию, «упразднить» тюрьмы, открыть границы для всех желающих жить в развитых странах, достичь цели нулевых выбросов CO₂ к 2030 г. и прочее. За все эти по духу несомненно коммунистические идеи гораздо проще бороться в том случае, если есть чем жертвовать. Например, бороться за *defunding* полиции, но жить в охраняемых пригородах; активно выступать за ограничение эмиссии CO₂, но иметь достаточно денег на новую модель Tesla.

Победа Д. Трампа в 2016 г. на президентских выборах отчасти объяснима данным противоречием между материалистами, живущими еще в старом режиме «каждодневного выживания», и демократами-постматериалистами, для которых наиболее значимы такие вещи, как борьба за права представителей ЛГБТК+ сообщества, расовых и этнических «меньшинств», стремление как можно скорее предотвратить глобальное потепление и другие вопросы, не входящие в типично классовую повестку. Есть основания полагать, что *экологический алармизм* многих постматериалистов, их либеральный политический фокус исключительно на гражданских правах «угнетенных», а также энтузиазм по поводу «открытых границ» не лучшим образом сочетаются с интересами людей, испытывающих прежде всего материальные затруднения. Действительно, экологический алармизм прямо противоречит идее экономического роста и доступа к приемлемому уровню потребления для всех в мире [Давыдов, 2023; Smil, 2022]; либеральная заикленность на гражданских правах этнических «меньшинств», женщин, трансгендеров и прочих «системно угнетаемых» отвлекает внимание от растущего экономического неравенства [Reed, 2020]; приветствие всех иммигрантов ослабляет переговорную силу коренных жителей без образования и способствует росту преступности, особенно в наиболее экономически неблагополучных местах.

Дж. Гест в книге 2016 г. «Новое меньшинство. Белый рабочий класс в век иммиграции и неравенства» приводит примечательные результаты серии глубоких интервью с представителями рабочего класса в Янгстауне (США) и Восточном Лондоне (Великобритания). Как он показывает, жители депрессивных (процветавших в «допостиндустриальные» времена) районов, где активно растет численность иммигрантов, ощущают сильную утрату статуса, граничащую с аномией. Они считают, что живут в эпоху, когда левый и либеральный истеблишмент демонизирует белых, характеризуя их как угнетателей, и проводит политику в интересах меньшинств. «Прогрессивный» моральный нарратив характеризует бедных белых людей как антагонистов, цепляющихся за несправедливые преимущества прошлого. В «постиндустриальных» регионах Западной Европы и Северной Америки белые люди из рабочего класса чувствуют, что они вытеснены из центра сознания своей страны в ее

¹⁴ Henderson R. Luxury Beliefs are Status Symbols. The struggle for distinction // Rob Henderson's Newsletter. 2022. URL: <https://robhenderson.substack.com/p/status-symbols-and-the-struggle-for#~:text=Luxury%20beliefs%20are%20ideas%20and,Theory%20of%20the%20Leisure%20Class> (дата обращения: 21.08.2023).

глубокую периферию. Их все чаще называют «белым мусором», а в Великобритании само словосочетание «рабочий класс» подчас ассоциируется с уничижительным словом «chavs», наиболее близким по значению русскому слову «гопники» [Jones, 2012]. Более того, представители рабочего класса чувствуют себя жертвами дискриминации: нередки случаи, когда социальная помощь предоставляется «цветным», лицам с «нетрадиционной» сексуальностью или трансгендерам в ущерб, скажем, белым многодетным матерям. Гест отмечает немаловажную деталь: в то время как различные «меньшинства» (хотя, согласно прогнозам, белые сами скоро станут меньшинством) могут формировать позитивные идентичности, способствующие укреплению групповой солидарности в борьбе за «социальную справедливость», подобные же попытки укрепить «идентичность белых» неизбежно рассматриваются как проявление «системного расизма». Данное обстоятельство есть один из факторов классовой разобщенности белого рабочего класса, неспособности его представителей объединиться и отстаивать свои права. В то время как профсоюзы и другие группы рабочего класса когда-то преодолевали разногласия для достижения профессиональных целей, упадок этих организаций лишил рабочих возможности развития классового сознания. Как пишет Гест, рабочие «все чаще чувствуют себя вытесненными иммигрантами; не в материальном плане (белые из рабочего класса Баркинга и Дагенхэма всегда имели скромные средства и вряд ли ожидают, что это изменится), а больше в позиционном плане. Присутствие иммигрантов ослабило гордость рабочего класса...» [Gest, 2016: 153].

Гегемония прогрессистского постматериализма в современном западном истеблишменте побуждает все больше представителей рабочего класса отворачиваться от партий, исторически представлявших их интересы (демократы в США и социал-демократы в Европе). Согласно анализу Р. Флориды, автора концепта «креативного класса», в США штаты с большой долей рабочего класса (то есть представителей таких областей деятельности, как установка, обслуживание и ремонт, строительство и добыча) – сплошь «красные» («республиканские»). В «синих» же («демократических») штатах преобладают высокооплачиваемые профессии в бизнесе и финансах, а также искусстве, дизайне, развлечениях, СМИ, компьютерных технологиях. Как замечает Р. Флорида, поддержка Трампа тесно связана с долей рабочих профессий, таких как сварщики, водители тракторных прицепов, механики автобусов и грузовиков и так далее¹⁵.

Материалисты и постматериалисты – это две разные страты с противоположными интересами, находящиеся по разные стороны политического спектра. В этом смысле современные левые в большинстве своем располагаются ближе к постматериалистическому идейному спектру. Неудивительно, что рабочие-«материалисты» ощущают себя забытыми (левыми же) и активно восстают против «истеблишмента», положительно реагируя на популизм таких капиталистов, как Д. Трамп (или, скажем, консерваторов вроде В. Орбана в Венгрии). Более того, Трампа, согласно данным по президентским выборам в США 2020 г., активнее стали поддерживать даже иммигранты, что объяснимо: те, кто уже давно иммигрировал, ощущает острую конкуренцию на рынке труда с новоприбывшими. Выходцы из Латинской Америки к тому же в большинстве своем католики, для которых многое из поддерживаемого левыми сегодня (от трансгендерных женщин, участвующих в женском спорте, до рекомендаций несовершеннолетним детям менять пол при малейшей гендерной дисгармонии) кажется сильно контрастирующим с их религиозными убеждениями¹⁶.

Если в первой части статьи шла речь в основном о проблемах развития «базиса», то ее вторая часть будет больше сконцентрирована на «надстройке» – на культурных тенденциях и противоречиях.

¹⁵ Florida R. Why Is Your State Red or Blue? Look to the Dominant Occupational Class // Bloomberg. 2018. November 29. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-28/how-occupational-class-influences-u-s-voting-patterns> (дата обращения: 21.08.2023).

¹⁶ Hinckley S. The new swing vote: Why more Latino voters are joining the GOP // The Christian Science Monitor. 2022. October 21. URL: <https://www.csmonitor.com/USA/Politics/2022/1021/The-new-swing-vote-Why-more-Latino-voters-are-joining-the-GOP> (дата обращения: 21.08.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Богаевская О., Журавлева В. Белый рабочий класс США как основа электората Трампа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 11. С. 5–14. [Bogaevskaia O., Zhuravleva V. (2021) *The White Working Class as Trump's Electorate Base. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations]. No. 11: 5–14. (In Russ.)]
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. [Veblen T. (1984) *The Theory of the Leisure Class*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Давыдов Д.А. Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // *Антиномии*. 2023. Т. 23. № 1. С. 51–89. [Davydov D.A. (2023) *When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism. Antinomii* [Antinomies]. No. 1: 51–89. (In Russ.)]
- Коуп З. Разделенный мир. Разделенный класс. Глобальная политическая экономия и стратификация труда. М.: Common Place, 2022. [Cope Z. (2022) *Divided World, Divided Class: Global Political Economy and the Stratification of Labour Under Capitalism*. Moscow: Common Place. (In Russ.)]
- Allinson J. et al. (2021) *The Tragedy of the Worker: Towards the Proletarocene*. New York: Verso.
- Altamura C., Oliver B. (2022) Who Feels the Bern? An Analysis of Support for Bernie Sanders in the 2020 Democratic Primary. *American Politics Research*. No. 5. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1532673X22112390?journalCode=aprb#con2> (accessed 21.08.2023). DOI: 10.1177/1532673X22112390.
- Borriello A., Jäger A. (2023) *The Populist Moment: The Left After the Great Recession*. New York: Verso.
- Brand U., Wissen M. (2021) *The Imperial Mode of Living: Everyday Life and the Ecological Crisis of Capitalism*. New York: Verso.
- Crouch C. (2004) *Post-Democracy*. London: Polity.
- Currid-Halkett E. (2017) *The Sum of Small Things: A Theory of the Aspirational Class*. Princeton: Princeton University Press.
- Gest J. (2016) *The New Minority: White Working Class Politics in an Age of Immigration and Inequality*. Oxford: Oxford University Press.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones O. (2012) *Chavs: The Demonization of the Working Class*. New York: Verso.
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Piketty T. (2017) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge and London: The Belknap Press.
- Reed T.F. (2020) *Toward Freedom: The Case against Race Reductionism*, New York, Verso.
- Richards J.W. (2018) *The Human Advantage: The Future of American Work in an Age of Smart Machines*. New York: Forum Books.
- Sanandaji T. (2020) *Mass Challenge: The Socioeconomic Impact of Migration to a Scandinavian Welfare State*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Smil V. (2022) *How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going*. New York: Viking.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London.
- Wright E.O. (2023) *Classes*. New York: Verso.

Статья поступила: 25.09.23. Финальная версия: 06.12.23. Принята к публикации: 08.12.23.

THE IMPOSSIBILITY OF SOCIALISM: PART 1. CLASS KALEIDOSCOPE

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article is devoted to the study of social and class contradictions in modern society. The author shows that, despite growing economic inequality in developed countries, the prospect for uniting all the exploited and oppressed in order to fight for socialist society, equality and justice is becoming increasingly vague. There are many grounds for asserting the impossibility of socialism (in the foreseeable future) and the high probability of a new antagonistic stage in the development of society. The first part argues for two of the article's four theses: 1) the richer the society, the more disagreements and conflicts between representatives of the class of hired workers and those who express their interests, and not between capitalists and the proletariat; 2) the development of productive forces does not at all lead to an uprising of the exploited against the class of exploiters, but to the emergence of a large and influential social stratum of post-materialists, whose interests are contrary to the interests of a significant proportion of people who lack the means of subsistence.

Keywords: post-capitalism, socialism, communism, capitalism, class analysis, working class, post-materialism, social inequality.

Received: 25.09.23. Final version: 06.12.23. Accepted: 08.12.23.

© 2024 г.

М.А. КЛУПТ

ДИНАМИКА ИДЕАЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

КЛУПТ Михаил Александрович – доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия (klupt@mail.ru).

Аннотация. В статье анализируются взаимосвязанные изменения современного российского общества и его идеалов. Теоретической основой анализа является тезис о том, что социальная система не может функционировать, не порождая идеалы, поскольку они необходимы для ее внутренней консолидации и адаптации к внешней среде. Периодические изменения иерархии экономических и неэкономических идеалов в российском обществе описываются моделью маятника идеалов, дающей агрегированную характеристику таких изменений. Одновременно подчеркивается двуслойность изменения идеалов – наряду с динамичным верхним слоем, формируемым медийным пространством, существует более инертный слой, определяемый глубинными особенностями российской цивилизации. Данные опросов свидетельствуют о росте доли респондентов, считающих себя патриотами страны, увеличении популярности волонтерства, смещении баланса между экономическими и неэкономическими компонентами образа идеальной семьи в пользу последних. Это позволяет предположить, что маятник идеалов, резко сместившийся в 1990-е гг. к экономическому полюсу, в настоящее время движется в обратном направлении.

Ключевые слова: иерархия идеалов • социальная система • патриотизм • экономическая успешность • этос • социализация • поколение

DOI: 10.31857/S0132162524010124

Под идеалом обычно понимают тот верх совершенства, к которому следует стремиться, но который, подобно горизонту, всегда будет отдаляться от путника. Идеалы можно рассматривать как высший уровень регуляции социального поведения, или, используя противоположную метафору, как самый глубинный слой, лежащий в его основе. Обе эти метафоры, впрочем, справедливо подчеркивают важность роли, которую играют идеалы в развитии общества.

Системные представления о мире, возникшие некогда на основе обобщения множества фактов, создали тем самым предпосылки решения обратной задачи – интерпретации новых фактов на основе этих представлений. Ту же логику правомерно использовать и при системном анализе роли идеалов в обществе. Этим определяется цель данной статьи – вначале описать систему взаимосвязей между изменениями общества и его идеалов, а затем использовать ее для интерпретации процессов, происходящих в современной России.

Идеалы и социальные системы. Тезис, принципиально важный для рассмотрения изменений общества и его идеалов как взаимосвязанной системы, сформулировал в 1911 г. Э. Дюркгейм: общество «не может формироваться, не создавая идеала»

[Дюрк-гейм, 1995: 300]. Российские философы В.П. Бранский и С.Д. Пожарский, анализируя всемирно-исторический процесс, подчеркнули еще один важный аспект динамики идеалов – ее цикличность. Представленная в их работе модель включает подъем идеала на волне всеобщего энтузиазма, достижение им высшей точки («акме»), последующее низвержение («катаболе») и вызванное этим уныние, а затем появление нового идеала, проходящего тот же путь [Бранский, Пожарский, 2001].

Реальная динамика идеалов, разумеется, сложнее простой циклической модели в силу многообразия идеалов, интерференции их волн и синергии взаимодействия, однако цикличность играет в этой динамике заметную роль. В конечном счете, идеалы, как и их обновление, жизненно необходимы для воспроизводства и развития социальной системы. Периоды анонии, следующие за утратой прежних идеалов, неизбежны, но если они затягиваются слишком надолго и не приводят к формированию новых идеалов, социальная система распадается.

Идеалы морально легитимируют одни институты и ставят под сомнение легитимность других. Используя понятие институциональной матрицы [Кирдина, 2014], можно поэтому сказать, что идеалы лежат в фундаменте этой матрицы, образуя самый глубинный его слой.

Формирование идеалов социальной системой является одной из составляющих процесса ее адаптации к внешней среде. В процессе адаптации к внешней среде социальная система стремится провести различие с другими социальными системами [Луман, 2004]. Одной из функций такого различения является сплочение вокруг «своих» идеалов, противопоставляемых «чужим». Равновесие и конфликт идеалов представляют собой поэтому диалектически связанную пару. В «борьбе за умы» каждая из противоборствующих систем стремится сохранить или создать свою иерархию идеалов и разрушить идеалы противника, целью конфликтующих сторон является при этом достижение желаемого каждой из них варианта равновесия.

В ходе самоорганизации социальной системы ею осуществляется поиск такой иерархии идеалов, которая была бы оптимальной для данных условий ее функционирования и производных от нее пропорций между индивидами, руководствующимися в своей деятельности различными этосами и типами мотивации. Такой поиск происходит путем проб и ошибок. Значительную роль в нем играет правящая элита и интеллектуалы, рекрутируемые ею или являющиеся ее частью. Основным механизмом формирования идеалов элитой является регулирование потоков информации – щедрое финансирование одних СМИ и блокировка других, государственная политика в сфере культуры и искусства и т.д.

В то же время способность элиты формировать идеалы не беспредельна. Структура идеалов включает два слоя – не только верхний, подвижный слой, более или менее успешно формируемый элитой, но и глубинный, относительно инертный слой представлений о социальной справедливости. Элита в соответствии со своими представлениями о политической целесообразности то игнорирует этот глубинный слой, то стремится «разбудить» его дремлющий до поры энергетический потенциал.

Социальная система обладает памятью и помнит не только состояние, непосредственно предшествовавшее нынешнему, но и предыдущие [Левада, 1980]. Революции и другие крутые виражи истории сопровождаются дискредитацией прежних идеалов, однако по прошествии некоторого времени происходит их реинкарнация. В новых идеалах начинают явно просматриваться знакомые черты старых, отброшенных, как когда-то казалось, навсегда.

Необходимо сделать замечание методологического порядка. Утверждения о роли идеалов в социальных системах, приведенные выше, носят, как это легко видеть, функциональный характер. Они в конечном счете исходят из того, что функцией идеала в социальной системе является обеспечение ее воспроизводства и обновления.

В этой связи уместно вспомнить то, что Г.С. Батыгин назвал «парадоксом функционализма», – функционалистские объяснения обладают значительным эвристическим потенциалом, но в то же время всегда чреватые тавтологией и носят телеологический характер

[Батыгин, 2003]. С формально-логической точки зрения объяснение формирования идеалов тем, что оно обеспечивает воспроизводство социальной системы, действительно тавтологично – подобным образом можно объяснить формирование любых идеалов, в том числе прямо противоположных. Однако конкретная исследовательская ситуация, как правило, далеко не столь безнадежна. События истории, в нашем случае – российской, дают богатый материал для обоснования того, почему социальные системы и идеалы взаимодействовали между собой тем, а не иным образом.

Повороты истории и маятник идеалов. Классификация идеалов представляет собой сложную задачу, ибо их много и они разнородны. Для целей данной статьи, однако, достаточной является дихотомия экономических и неэкономических идеалов. Как те, так и другие будут далее пониматься не всеохватно: первые – только как личные идеалы – стать преуспевающим бизнесменом, высокооплачиваемым работником или просто «богатым», вторые – как те, что порождают стремление к высокому, – самоотверженному служению Родине, жажде познания, поиску эстетического совершенства и т.д. В качестве их лаконичного обозначения обычно используют такие категории, как патриотизм, истина, красота.

Названная дихотомия позволяет использовать в анализе понятие маятника идеалов, под которым далее понимаются периодические изменения приоритетности экономических и неэкономических идеалов. Эти идеалы представляют собой взаимодополняющую, но в то же время конфликтную пару. Социальная система не может развиваться без тех и других и потому постоянно их воспроизводит. Одновременно происходит поиск социальной системой оптимального соотношения между ними. Этому процессу свойственна цикличность – нарастание значимости одних из них и снижение значимости других сменяется движением в обратном направлении и т.д.

Изменения иерархии идеалов – сложно структурированный процесс. Быстрое движение маятника идеалов в одних сферах общественной жизни вполне может сочетаться с его неподвижностью в других. Неодинакова иерархия идеалов и в различных группах общества. Далее в статье понятие маятника идеалов употребляется для агрегированной или, иными словами, усредненной для всех сфер жизни общества характеристики динамики идеалов.

Крутые повороты истории практически всегда меняют направление или, по крайней мере, скорость движения маятника идеалов. В начале советского периода российской истории этот маятник резко изменил свое направление и двинулся к своему неэкономическому полюсу, хотя в этом движении наблюдались перепады – «военный коммунизм» сменился НЭПом, жизнь которого, в свою очередь, оказалась недолгой.

Как отмечалось выше, для сохранения системы необходимо ее различение от других систем и формирование внутренней структуры, в том числе и структуры идеалов, обеспечивающей достаточный для выживания во враждебной внешней среде уровень внутренней консолидации. Ввиду этого динамика идеалов определяется процессами, происходящими не только внутри системы, но и вне ее. Советский Союз на протяжении всей его истории противостоял в той или иной форме более богатому Западу. В этих условиях высокая приоритетность неэкономических идеалов («у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока») являлась одним из необходимых условий успешного функционирования советской системы.

Во второй половине 1950-х гг. у советской элиты стало, по-видимому, складываться убеждение, что маятник идеалов пора осторожно сдвигать к его экономическому полюсу. В контексте экономической реформы 1965 г. «материальная заинтересованность» приобрела в официальном лексиконе вполне положительные коннотации, однако по-прежнему соседствовала в нем с «рвачами» и «летунами» – наследием политического словаря 1930-х гг. Подчеркивалось, что личный экономический успех ведет к общему экономическому благу лишь тогда, когда не расходится с совестью (в официальной терминологии – с моральным кодексом строителя коммунизма). Подобная двойственность объяснялась риском – как показало время, вполне реальным – размывания монолитной идеологии, в которой неэкономические идеалы занимали главенствующее место.

Процесс такого размывания заметно ускорился во второй половине 1980-х гг. В публицистических статьях «прорабов перестройки» вина за экономические проблемы, быстро нараставшие в последние годы существования СССР, возлагалась на экономическую пассивность населения, порожденную советской системой. В качестве панацеи от этого недуга была поднята на щит протестантская этика, трактующая экономическую успешность как знак богоугодности. По существу это означало, что любой личный экономический успех автоматически «работает» на общее благо. Исключение из правила, да и то только «вслух говоря», делалось лишь для криминальных деяний.

Дальнейшее ускорение движения маятника идеалов к его экономическому полюсу произошло в 1990-е гг. Иерархия идеалов, как говорилось выше, во многом определяется тем, насколько враждебно внешнее окружение социальной системы. Поэтому ускоренное движение маятника идеалов к его экономическому полюсу отнюдь не случайно совпадало в тот период с изменением внешнеполитического курса России.

Дискредитация в доминирующих СМИ коммунистических идеалов и восхваление «невидимой руки» рынка были, однако, лишь верхним слоем динамики идеалов, формируемым определенной частью политической элиты тех лет. Обращение же к результатам опросов населения свидетельствует, что глубинный слой этой динамики был далеко не столь однонаправленным. Он, скорее, представлял собой причудливую амальгаму старых и новых идеалов и аномии в ее различных проявлениях.

По данным мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН, в 1998 г. на вопрос о том, в каком обществе хотели бы жить респонденты, 38% ответили «в социалистическом», 22% – «в капиталистическом», 10% – «в каком-то другом», остальные 30% затруднились с ответом [Как живешь..., 2023: 46]. Разнообразными были и проявления аномии. С одной стороны, наблюдалась классическая аномия «по Дюркгейму» – распространение «безнормия» при переходе от одного типа общественных отношений к другому. Так, по данным исследования, проведенного в мае 2009 г., 46% молодых людей отмечали, что многие традиционные нормы уже устарели, а 55% заявили, что их успех в жизни во многом определяется способностью иногда нарушать моральные нормы [Горшков, Шереги, 2010: 125].

С другой стороны, явно просматривался феномен, более близкий к «аномии по Мертону», но несколько отличный от нее. В американском варианте, описанном в свое время Р. Мертоном, идеалом являлся денежный успех, а причиной аномии – невозможность достичь его законными средствами [Мертон, 2006]. В российском варианте аномии, актуальном и ныне, в качестве самооправдания незаконопослушного поведения далеко не всегда выступает банальная нехватка денег. Часто оно оправдывается несоответствием реальности более высокому «неденежному» идеалу – социальной справедливости. Так, в ходе исследования, проведенного в 2018 г. Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС, с утверждением о том, что «законы следует соблюдать, но только при условии, что их соблюдают представители органов власти», согласились 39,4% опрошенных, практически столько же (39,3%) считают допустимым уклонение от уплаты налогов [Покида, Зыбуновская, 2020: 94, 95].

Результаты опросов дают основание полагать, что в начале XXI столетия глубинный слой идеалов российского общества в очередной раз перенаправил их маятник от экономического к неэкономическому полюсу. Так, по данным мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН, доля респондентов, которые предпочли бы жить в капиталистическом обществе, составлявшая в среднем по результатам четырех опросов 2000–2003 гг. 21%, снизилась в среднем по трем опросам 2020–2023 гг. до 13%. Доля предпочитающих жить в социалистическом обществе, напротив, выросла соответственно с 30 до 41%. Вариант «в каком-то другом» обществе выбирали 14 и 7% соответственно, остальные респонденты затруднились ответить. К этому следует добавить, что, судя по данным июньского опроса 2023 г., понятие «социализм» означает справедливость для 44% респондентов, коллективизм – для 43%, патриотизм – для 38%. В отличие от этого капитализм по

опросам разных лет ассоциируется с патриотизмом не более чем у 5% опрошенных [Как живешь..., 2023: 44–46].

Подобному сдвигу предпочтений, вероятно, способствовало и изменение ситуации на мировой арене, где политическая целесообразность и дискурс ценностей явно потеснили соображения экономической эффективности, а с ними и столь характерную для конца прошлого столетия уверенность в том, что за всем происходящим в стране и мире кроются исключительно экономические интересы. Кроме того, ход событий показал, что борьба идеалов представляет собой нечто более вечное, чем борьба конкретных идеологий, которые, даже с учетом их реинкарнаций, обозначаемых приставкой «нео», носят все же исторически преходящий характер. Борьба коммунистической и капиталистической идеологий перестала служить тем камертоном международных отношений, каким она оставалась на протяжении большей части XX столетия, однако сама борьба идеалов отнюдь не исчезла и лишь приобрела иные формы.

Новый виток противостояния с Западом влечет за собой и перемены в иерархии идеалов. Выдвижение идеалов патриотизма на первый план является закономерной реакцией российского общества на внешнюю опасность или, используя более специальную научную терминологию, саморегулированием социальной системы, направленным на ее выживание в условиях возрастающей враждебности внешней среды. Опросы ФОМ свидетельствуют о возвращении патриотизма на главенствующие позиции в иерархии идеалов. Доля россиян, считающих себя патриотами страны, выросла, судя по этим опросам, с 57% в 2006 г. до 84% в конце мая 2023 г.¹

Опрос ВЦИОМ в июле 2023 г. зафиксировал существенный сдвиг к неэкономическому полюсу и в представлениях об идеальной семье. Если в 2013 г. неэкономические компоненты образа идеальной семьи (взаимопонимание, взаимоуважение, забота друг о друге, гармония, любовь, верность) упоминались респондентами в два раза чаще, чем экономические (благополучие, обеспеченность, жизнь в достатке), то в 2023 г. – в 7,3 раза чаще². Причины подобной динамики, вероятно, иные, чем в предыдущем случае, и связаны, прежде всего, со снижением болезненности материальных проблем, однако тенденция является той же – произошла концентрация ответов у неэкономического полюса.

Еще одним свидетельством повышения приоритетности неэкономических идеалов является растущая популярность волонтерства. В ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в декабре 2022 г., 70% респондентов высказали мнение, что сейчас люди занимаются волонтерской деятельностью больше, чем 10–15 лет назад, в 2008 г. такого мнения придерживалось 24% опрошенных. В ходе того же опроса 23% респондентов безусловно хотели бы, чтобы их подрастающие дети и внуки занимались волонтерской деятельностью, еще 53% «скорее хотели бы»³. Наблюдается также рост количества благотворительных организаций, получающих частные пожертвования [Мерсиянова и др., 2019].

Отношение к богатству далеко не столь однозначно. С одной стороны, по данным исследований ИС ФНИСЦ РАН, постепенно увеличивается доля респондентов, считающих, что причиной благополучия богатых слоев населения является упорный труд: если в 2003 г. так считали 31% опрошенных, то в 2019 г. – уже 40%. Доля тех, кто назвал среди причин благополучия этих слоев непорядочность и нечестность, напротив, снизилась, соответственно, с 17 до 10% [Горшков, 2020: 236]⁴. По данным 28-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE) за 2019 г., из трех причин, по которым люди в России становятся богатыми, 22,7% женщин и 21,9% мужчин в качестве первой по значимости назвали таланты и способности. С другой стороны, в ходе того же

¹ <https://fom.ru/TSennosti/13261>; <https://fom.ru/TSennosti/14882> (дата обращения: 30.07.2023).

² Рассчитано по таблице 1 опроса ВЦИОМ «Идеальная семья 2023». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 26.10.2023).

³ В волонтеры я б пошел. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ja-b-poshel> (дата обращения: 30.07.2023).

⁴ Респонденты могли указать не более пяти причин.

обследования 22,1% мужчин и 20,6% женщин указали в качестве второй по значимости причины богатства то, что «законы в России служат прежде всего богатым». Кроме того, 46,8% мужчин и 45,5% женщин назвали в качестве третьей по значимости причины нарушение законов [Воронина, 2020: 15–19].

Иерархия идеалов и ее динамика в разных социальных и демографических группах далеко не одинакова. Исследование Института социологии ФНИСЦ РАН показало, что с возрастом увеличивается доля респондентов, считающих, что «Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать», и уменьшается доля тех, кто полагает, что «человек должен жить в той стране, где ему больше нравится». Сторонники последней точки зрения составляют 68% среди респондентов моложе 25 лет, 58% среди тех, кому от 26 до 35 лет, 52% – от 36 до 45 лет и 48% от 46 до 55 лет [Российское..., 2022: 193]. Жесткость представлений о том, кого можно назвать патриотом, увеличивается с возрастом и уменьшается с ростом образовательного уровня. Так, по данным проведенного ФОМ обследования, отвечая на вопрос о том, может ли быть патриотом человек, который уезжает жить и работать за границу, 58% респондентов в возрасте 18–30 лет с высшим образованием выбрали суждение «скорее может», суждение «скорее не может» поддержали 37%. В группе респондентов с высшим образованием в возрасте 31–45 лет это соотношение было обратным 40 и 53%, а в среднем по выборке эта пропорция отличалась еще сильнее – 36 и 57%⁵.

Фактор возраста оказывает сильное влияние и на экономический идеал в его чистом виде – богатство. О стремлении стать богатым заявили в ходе опросов ФОМ в 2015 г. 71% респондентов в возрасте 18–30 лет, 57% в возрасте 30–45 лет и 43% в возрасте 45–60 лет. Мнение о том, что богатство обычно портит людей, поддержали соответственно 55, 61 и 63% респондентов в этих возрастных группах. Сопоставление этих ответов свидетельствует о весьма противоречивом отношении к богатству во всех возрастных группах – респонденты хотели бы стать богатыми, несмотря на то, что богатство, по мнению большинства, плохо влияет на человека⁶.

Результаты опросов приводят к выводу, что дифференциация идеалов в современной России тесно связана с особенностями периодов, в которые происходила социализация различных поколений, а также с основным источником получения информации – телевидением или Интернетом. Другими значимыми факторами оказываются нарастающий с возрастом жизненный опыт и меняющиеся вместе с ним оценки достижимого и желаемого, тесно связанные между собой.

Идеалы, наука и образование. Иерархия идеалов влияет на практическую деятельность как на индивидуальном уровне, сказываясь на поведении человека в профессиональной, семейной и других сферах, так и на уровне организаций, определяя их корпоративную и управленческую культуру. Неэкономические идеалы – патриотизм, гуманность, истина и красота играют особенно важную роль в обороне страны, здравоохранении, науке, образовании, искусстве. Определяя мотивацию деятельности и решения, принимаемые в ситуациях выбора, иерархия идеалов оказывается одним из важнейших факторов, определяющих способность этих областей деятельности выполнять их предназначение в обществе.

Каждая из вышеназванных областей деятельности обладает своей спецификой, поэтому далее рассматриваются только две из них – наука и образование, позволяя увидеть, как движение маятника идеалов на уровне общества приводит к изменению управленческих парадигм на уровнях государства и организации. Это, в свою очередь, влечет за собой изменение соотношения между типами работников с различным характером

⁵ URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733>; <https://fom.ru/TSennosti/14882> (дата обращения: 30.07.2023). Статистическая погрешность в этом опросе не выходила за пределы 3,6%.

⁶ Кертман Г.Л. Отношение к богатству в России: очевидности и парадоксы. URL: <https://fom.ru/blogs/12057> (дата обращения: 30.07.2023).

мотивации и таким образом оказывает существенное влияние на судьбу организации и функционирование вида деятельности в целом.

Переход в 1990-е гг. российской экономики на рыночные рельсы повлек за собой изменения в парадигме управления наукой и образованием. В иерархии целей такого управления экономическая эффективность потеснила неэкономические цели. В советской парадигме управления наукой, особенно если речь шла об оборонном комплексе, во главу угла ставилось достижение результата, а не его соотношение с затратами, в образовании – его профессиональный, идеологический и воспитательный аспекты. В новой парадигме управления неэкономические идеалы и производные от них цели, хотя об этом не всегда считалось приличным говорить вслух, стали рассматриваться как ненужная лирика. Вскоре, однако, стало обнаруживаться, что «дефицит» неэкономических идеалов отрицательно сказывается на многих сторонах научной и образовательной деятельности, в том числе парадоксальным образом на ее экономической эффективности.

Механизм, связывающий иерархию идеалов, парадигму управления и результаты деятельности, включает в качестве промежуточных звеньев этосы, преимущественные мотивации работников и карьерные перспективы. Успешность карьеры определяется соответствием индивида заданному институциональному образцу [Батыгин, 2007], что проявляется как на уровне вида деятельности в целом, так и на уровне отдельной организации. Оттеснение на второй план этических норм науки и образования приводит к тому, что типаж преподавателя, не жалеющего времени на работу со студентами, или ученого, «с головой» погруженного в фундаментальные исследования, становятся менее востребованными и начинают препятствовать карьере работников, воплощающих эти типаж. Им приходится либо «перевоспитываться», либо смиряться с отсутствием карьерных перспектив, а то и вовсе уходить из организации или профессии. Примерно то же происходит и в условиях непомерного бюрократического прессинга с той лишь разницей, что в этом случае повышается востребованность преимущественно бюрократической мотивации и улучшаются карьерные перспективы ее носителей.

До определенных пределов изменение пропорций между работниками, которые руководствуются в своей деятельности преимущественно «экономической», «бюрократической» и «профессиональной» (например, исследовательской) мотивацией, может приводить организацию к новому, более эффективному кадровому равновесию и благоприятно влиять на ее деятельность. Научной организации, например, необходимы и работники, умеющие и любящие налаживать бизнес-контакты с реальным сектором экономики, и те, кто способен педантично составлять многочисленные отчеты и справки, запрашиваемые «сверху».

Однако при утрате организацией «критической массы» тех, кто руководствуется в своей деятельности этосами науки или образования, корпоративная культура организации необратимо деградирует. Довольная своей локальной эффективностью подсистема неожиданно для нее самой начинает мешать достижению целей надсистемы. Судьба многих российских вузов, вначале гордившихся умением зарабатывать на чём угодно, а потом ликвидированных учредителями ввиду профнепригодности, является иллюстрацией подобного развития событий.

Неблагоприятными сдвигами в структуре мотивации объясняется и массовое распространение плагиата. Ученым, увлеченным поиском истины, движет стремление самому найти отгадку той загадки, что захватила его помыслы, плагиат для него равносильно признанию своего поражения. Напротив, при преимущественно экономической мотивации целесообразность или нецелесообразность плагиата определяется балансом связанных с ним выгод и рисков. В результате и бороться с плагиатом оказывается возможным, лишь срезая административными методами его карьерные выгоды и увеличивая связанные с ним риски. Такая борьба, однако, сама по себе не может решить проблему дефицита кадров с преимущественно исследовательской мотивацией. Вопрос о том, возможно ли преодоление этого дефицита без изменения иерархии идеалов в современном обществе, остается открытым. Ясно лишь, что возврат к популяризации образа ученого,

самоотверженно и успешно решающего важные для страны и всего человечества задачи, может способствовать достижению этой цели.

Самоописание, оболыщение и самооболыщение. Трудно сказать, относил ли Н. Луман анализ международных и цивилизационных конфликтов к числу возможных приложений своей теории. Весьма вероятно, что он, в отличие, например, от И. Валлерстайна и С. Хантингтона, вовсе не преследовал этой цели. Тем не менее такие ключевые понятия теории Лумана, как коммуникация систем, самоописание и описание другого (инореференция), способствуют более глубокому пониманию межсистемных конфликтов и их динамики.

Социальные системы создают самоописания и в то же время описания других систем. Важнейшая функция самоописаний и описаний других состоит в различении своих и чужих и внутрисистемной консолидации на основе такого различения. Неудивительно поэтому, что в условиях противостояния двух систем каждая из них не только воспринимает себя далеко не такой, какой видит ее противоборствующая сторона, но и хочет навязать ей собственное самоописание. Параллели между абстрактной теорией коммуникации систем, разработанной Н. Луманом, и концепцией «мягкой силы» Дж. Ная, более близкой к поверхности политической жизни, таким образом достаточно очевидны.

Международные конфликты и конфликт идеалов представляют собой систему с положительной обратной связью. Чем острее международный конфликт, тем рельефнее в нем конфликт идеалов, который в свою очередь добавляет горючего в топку войны. Иерархия идеалов в ходе такого конфликта быстро меняется, экономические идеалы оттесняются неэкономическими, главным из которых становится патриотизм. Меняется и структура межсистемного информационного обмена – из него прямо или косвенно изгоняется все, что не служит навязыванию своего позитивного образа, и он принимает форму пропаганды и контрпропаганды.

Эффективность пропагандистских и контрпропагандистских действий часто рассматривается только как результат умелости участников информационных войн и соотношения уровней жизни в противоборствующих системах. Между тем результаты конфликта самоописаний зависят и от более глубоких процессов. Одним из них является чередование периодов романтического увлечения идеалом, последующего разочарования в нем и появления нового идеала.

Общество, а тем более интеллектуалы, функцией которых в обществе и является духовное производство, не могут жить без идеалов. Очарование Лиона Фейхтвангера, Бернарда Шоу и других западных интеллектуалов тем, что они увидели, точнее – тем, что им показали в СССР 1930-х гг., вряд ли можно объяснить только умелыми действиями советских пропагандистов. Подобное очарование, скорее, соответствовало пушкинскому «ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!». Разочарование в идеалах Запада порождало надежду обрести новый идеал в альтернативной Западу реальности СССР. Повторением того же сценария, но уже в виде фарса стало восхваление маоистской культурной революции участниками многотысячных студенческих протестов в Париже 1968 г.

События в СССР в последние годы его существования, а затем в постсоветской России развивались во многом по той же логике. Коммунистические и патриотические идеалы советских лет были тесно переплетены друг с другом не только в официальной идеологии, но, хотя и в разной степени, в различных группах населения, и в массовом сознании. В результате расставание с коммунистическим идеалом негативно сказалось и на идеале патриотизма. В новой иерархии идеалов на одно из первых мест поднялся вообразимый Запад, в начале 1990-х гг. представлявшийся многим чуть ли не совокупностью всех мыслимых совершенств. Этому в немалой степени способствовало смягчение военно-политического противостояния с Западом и иллюзия близкого триумфа общечеловеческих ценностей.

В XXI в. блеск вообразимого Запада начал тускнеть. Сколько-нибудь полное эмпирическое описание этого процесса, обладающего сложной структурой и существенными особенностями в различных социальных и возрастных группах населения, выходит за

рамки данной статьи. Отметим лишь, что по данным опроса, проведенного ИС ФНИСЦ РАН в марте 2022 г., «последовательные антизападники» составили 54% опрошенных, чуть менее последовательные «антизападники» – еще 27%, а в большей или меньшей степени «западноориентированные» респонденты – 19% [Российское..., 2022: 205]. При этом доля «западноориентированных» респондентов убывает с возрастом. Если среди молодежи в возрасте до 25 лет она составляет 42%, а в возрасте 26–35 лет – 23%, то среди респондентов в возрасте 66 лет и старше – только 12% [Сушко, 2022: 28].

Подводя итоги. Самоорганизация социальной системы включает поиск оптимальной для нее иерархии идеалов. За минувшую часть XXI столетия выявились негативные последствия неумеренного восхваления денежного успеха в средствах массовой информации, доминировавших в российском медиапространстве в 1990-е гг. Признание богатства единственным мерилom «качества» страны идеологически обосновывало преклонение перед более богатым Западом. Несовпадение глубинных представлений о социальной справедливости, в которых идеал денежного успеха играл далеко не главенствующую роль, с реальностью «дикого капитализма» порождало специфически российский тип аномии и служило моральным оправданием нарушения законов. «Дефицит» неэкономических идеалов особенно негативно сказывался на тех сферах деятельности, где такие идеалы были и остаются жизненно важными для выполнения этими сферами своих функций в обществе.

Идеалы – далеко не простой объект для эмпирического анализа. Тем не менее, предлагая в ходе социологических опросов понятные респондентам эмпирические референты идеалов, вполне возможно установить, как меняется значимость различных идеалов в глазах общества. Данные опросов свидетельствуют о том, что доля респондентов, считающих себя патриотами, выросла, а баланс экономических и неэкономических компонентов в представлении об идеальной семье заметно сместился в пользу последних. Увеличились масштабы волонтерской деятельности и ее авторитет в глазах общественного мнения. В отличие от этого отношение к идеалу экономического успеха остается амбивалентным. В глазах общественного мнения экономический успех не всегда достигается честными путями, а человек, добившийся его, может быть как хорошим, так и плохим.

Сказанное позволяет предположить, что в начале нынешнего столетия маятник идеалов в России изменил направление движения и стал смещаться к своему неэкономическому полюсу. Дальнейшее уточнение и детализация этого вывода требуют расширения круга рассматриваемых идеалов и углубления анализа семантических различий в их трактовке на индивидуальном и социально-групповом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2003. № 4–5. С. 6–34.
- Батыгин Г.С. Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 4–13.
- Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивида и социума. СПб.: Политехника, 2001.
- Воронина Н.С. Причины богатства и бедности в оценках мужчин и женщин в России // nauka.me. 2020. № 3. URL: <https://nauka.me/s241328880013242-0-1/> (дата обращения: 26.10.2023). DOI: 10.18254/S241328880013242-0.
- Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 3. С. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПИМ, 2010.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014.

- Левада Ю.А. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1979. М.: Наука, 1980. С. 180–190.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Малахов Д.И. Взаимосвязь между участием в волонтерстве и благотворительными пожертвованиями: межпоколенческий аспект // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250007103-6.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99. DOI: 10.31857/S013216250008327-2.
- Российское общество и вызовы времени. Книга 6 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Вест Мир, 2022.
- Сушко П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–36. DOI: 10.31857/S013216250021403-6.

Статья поступила: 08.08.23. Финальная версия: 31.10.23. Принята к публикации: 13.11.23.

DYNAMICS OF IDEALS IN CONTEMPORARY RUSSIA: A SYSTEM ANALYSIS

KLUPHT M.A.

St. Petersburg State University of Economics, Russia

Mikhail A. KLUPHT, Dr. Sci. (Econ.), Prof., St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (klupt@mail.ru).

Abstract. The article considers the changes in Russian society and its ideals as a feedback system. Two strata of these changes are separated, a more dynamic and superficial formed by mass-media, and a more fundamental and inert one determined by specificity of civilization. Parallels are drawn between fascination of some western intellectuals with the Soviet reality of the 1930s and fascination in Russia of the 1990s with imaginary West, which are rooted in the bankruptcy of the former ideals. The concept of pendulum of ideals is introduced to analyze the changes in hierarchy of economic and non-economic ideals. This pendulum moved to its economic pole in Russia of the 1990th, but nowadays started, as polls show, to move towards its non-economic pole. This conclusion is confirmed by surveys conducted by the Public Opinion Foundation (FOM), which show that the share of respondents who consider themselves patriots increased from 57 per cent in 2006 to 84 per cent in 2023. In addition, as surveys show, volunteering is gaining in popularity, and importance of non-economic component of ideal family image is on the increase.

Keywords: hierarchy of ideals; social system; patriotism; economic success; ethos; socialization; generation.

REFERENCES

- Batygin G.S. (2003) Structural functionalism of Talcott Parsons. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 4–5: 6–34. (In Russ.)
- Batygin G.S. (2007) Career, ethos, and scientific life history: on the semantics of autobiographical narrative. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. No. 1: 4–13. (In Russ.)
- Branskij V.P., Pozharskij S.D. (2001) *Social sinergetics and akmeology. The theory of self-organization of individual and society*. St. Petersburg: Polytekhnik. (In Russ.)
- Durkheim E. (1995) *Value and "real" judgments*. In: *Sociology, its subject, method, mission*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Gorshkov M., Tikhonova N.E. (eds) (2022) *Russian society and the challenges of the time*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2020) Russian society in the sociological dimension. *Vestnik RAN* [Herald of Russian Academy of Science]. No. 3: 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *The youth of Russia: Sociological Portrait*. Moscow: CSPiM.
- Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y theory*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russ.)

- Levada Yu.A. (1980) On the design of reproductive system model. In: *System Research. Methodological Problems*. Yearbook 1979. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Luhmann N. (2004) *Society as a social system*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Mersyanova I.V., Ivanova N.V., Malakhov D.I. (2019) The relationship between volunteerism and charitable giving: intergenerational context. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 94–106. DOI: 10.31857/S013216250007103-6. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow: Khranitel'. (In Russ.)
- Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2020) Legal values of the Russian population: priorities and contradictions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 92–99. DOI: 10.31857/S013216250008327-2. (In Russ.)
- Sushko P.E. (2022) Russians' ideas about possible ways of Russia's development: prevalence and specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 25–36. DOI: 10.31857/S013216250021403-6 (In Russ.)
- Voronina N. (2020) The causes of wealth and poverty in the assessments of men and women in Russia. *Nauka.me* [Science. Me]. Iss. 3. URL: <https://nauka.me/S241328880013242-0-1> (accessed 26.10.2023). DOI: 10.18254/S241328880013242-0. (In Russ.)

Received: 08.08.23. Final version: 31.10.23. Accepted: 13.11.23.

© 2024 г.

ЮБИЛЕЙНЫЕ XXV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

23 октября 2023 г. редакция, редколлегия и редакционный совет журнала «Социологические исследования» совместно с ФНИСЦ РАН и Отделением общественных наук РАН провели юбилейные XXV Харчевские чтения. Их темой стали *поиски отечественной социологией теоретических ответов на вызовы времени*¹. Цель настоящего обзора не только выразить общие впечатления от дискуссии, но и показать ее как часть дебатлируемых более или менее открыто, эксплицитно в профессиональном сообществе нашей страны и – без преувеличения – всего мирового сообщества социологов – ближайших и перспективных задач развития нашей науки.

Подготовка проведенных в 25-й раз Чтений журнала «Социологические исследования» велась, как обычно, на протяжении примерно 6–7 месяцев. Из поступивших более 70 заявок было отобрано 12 докладов, представлявших Москву, Санкт-Петербург, Минск, Новосибирск, Луганск, Улан-Удэ; часть докладчиков выступили в дискуссии с сообщениями². Некоторые из представленных докладов опубликованы в журнале либо готовятся к публикации. Около 40 ученых присутствовали в конференц-зале ИС РАН и 42 участника следили за ходом Чтений онлайн.

Формулируя тему повестки, оргкомитет руководствовался прежде всего отражением в докладах представлений о процессах в современной теоретической социологии в России и мире. Ключевыми стали следующие вопросы: 1) сущность проблем теоретической социологии сегодня; 2) влияние новых информационных технологий на сферу социологической теории: состояние и перспективы; 3) актуальные задачи отечественных социологов в теоретической сфере.

Открывая Чтения, акад. РАН **М.Ф. Горшков**, члены-корреспонденты РАН **Ж.Т. Тощенко** и **М.Ф. Черныш** акцентировали роль и значение социальной и социологической теории для решения стоявших в недавнем прошлом и ставших сейчас перед страной внутренних и внешних вызовов. Эта установка российских ученых жизненно важна для выработки и реализации стратегии страны, ее внутренней и внешней политики в условиях новых вызовов и угроз. Теоретический анализ ситуации и образующих ее процессов требует внимания к возможностям новых технических средств противоборства во всех социальных сферах, работы на опережение в соперничестве, сотрудничестве, партнерствах и конфронтациях с оппонентами.

Реальности таких вызовов требуют от социологической науки первостепенного внимания к проблемам социально-политической сферы, к поддержке народом проводимой государством политики, использованию властью своих функций гаранта, в частности недопущения трагических случайностей, подобных произошедшим на исходе советского периода истории страны. Идею «общественного договора» между народом и властью, разрабатываемую в последнее время Ж.Т. Тощенко, в текущей обстановке следует обогащать новым опытом и новыми практиками. Тем более что прошедшие (и – более чем вероятно – предстоящие) десятилетия отмечены глубокими подвижками в социальных отношениях, что сказывается и на позициях социологов, в том числе на шлифовке

¹ Запись дискуссии см.: <https://cloud.mail.ru/public/jPCv/JddrXL9kY>

² Подчеркну, что материалы представленных докладов, не прозвучавшие на Чтениях, в данном обзоре их хода и результатов учтены в полной мере.

теоретической оптики, на исследовательском применении ее. Эти подвижки не полностью еще проявили себя в социологии, но углубление движимых цифровизацией процессов, а также индивидуализации и атомизации, на что указал М.Ф. Черныш, делается все более значимым фактором перемен ключевых общественных отношений, действий индивидов и групп. Работа по отмеченным в этих выступлениях направлениям требует от социологов новаторства, теоретических усилий, учета уроков достижений и неудач, которыми в последние десятилетия отмечено развитие социологического знания в нашей стране.

Непосредственно переживаемые россиянами реалии специальной военной операции будят у работающих в сфере социальных наук ученых нашей страны (в отличие от немногих русофобов, заявивших о себе на социологическом конгрессе в Мельбурне) гуманистические мысли об особой ответственности интеллектуалов, интеллигенции за свои публичные позиции в ситуации вызовов миру и человечеству. Гуманистическим пафосом было отмечено выступление проф. **А.В. Яковенко** (ЛНУ им. В.И. Даля). **Н.В. Присяжная** (Сеченовский ун-т) дополнила мысли А. Яковенко наблюдениями за эффектом рукотворной угрозы современному человечеству на примере пандемии COVID-19, сопутствовавших ей ограничений, реакции населения, отраженных в данных массива студентов-медиков московского Сеченовского университета.

Характеризуя выявленные им тенденции теоретизирования в социологии последние 50–60 лет, проф. **Д.В. Иванов** (СПбГУ), в частности, обратил внимание на ситуацию с мейнстримом социологии Европы и Северной Америки. Докладчик предложил свое видение дальнейшего развития теоретической мысли в социологии. Остановлюсь на акцентированных им положениях о сути доминировавших последние десятилетия в западной теоретической мысли «поворотов» и «пост»-теоретизирования. Сегодня все более очевидно, что «пост»-теории (от «постмодерна» до «постправды» и т.п.) говорят прежде всего о беспомощности усилий интегрировать новые или выдаваемые за таковые процессы и явления социальной сферы в когерентную социальную теорию. Многочисленные «повороты» тоже выразили осознание того факта, что звездные лидеры западной теоретической социологии, начиная по меньшей мере от Т. Парсонса, упустили в своем теоретизировании такие фундаментальные категории социально-научной мысли, как время, пространство, культура, субъектность человека, онтология социального и т.п. Докладчик предложил вернуться на редко практикуемый последние десятилетия путь интеграции, синтеза достижений теоретической мысли, позволяющий подниматься на новый уровень понимания социальных проблем, сложных, протяженных во времени, связанных с культурной спецификой среды возникновения, развития, интеграции теорий, концепций и теоретически фундаментальных для социологии (и всего социального теоретического знания) идей. Название его доклада «Третья интегративная волна: актуальная повестка для теоретической социологии» – своего рода зонтичная формулировка, вобравшая в себя конфигурации четырех типов социальных структур: институты, интеракции, сети, потоки.

Выступление Д.В. Иванова стало переходом к обсуждению второй центральной темы Чтений: влияние цифровизации на социологическую теорию, и к конкретным актуальным теоретическим задачам отечественных социологов на этом пути. Проф. **И.Ф. Девятко** (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН) одной из практических проблем выбрала усилия ученых комплексно решать связанные друг с другом на современном этапе цифровизации задачи интеграции человеческих ценностей, нормативных систем социума в придании соответственной ориентации искусственному интеллекту (ИИ). Анализ этого кейса практически ввел слушателей в проблемы трудностей, испытываемых специалистами при освоении потенциала больших данных и их применения социологами к использованию ИИ. Вопрос разрешения этой проблемы, по всей вероятности, упирается в объем времени для ее решения и выхода на новый уровень используемых в практической работе социологов моделей, методов, методологий.

Прошедшая следом за Чтениями 2 ноября 2023 г. Всероссийская конференция «Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего» (организаторы – РОС

и ФНИСЦ РАН) показала, что эмпирическая база применения нашими социологами возможностей цифровизации носит пока ограниченный характер. В трудах социологов по данной тематике доминируют преимущественно гипотетические предложения готовиться к погружению исследователей в недалеком будущем в «постсоциальность», социальность искусственную.

В этом контексте **И.А. Шмерлина** (ИС ФНИСЦ РАН) призвала сдержаннее относиться к ожиданиям от пришествия цифровизации. Алармизм по поводу наступления эпохи искусственной социальности, поспешность и примитивизация выводов, по мнению докладчицы, говорят больше о важности сотрудничества социологов с психологами при разработке данного круга проблем. По ее оценке³, влияние цифровизации на всё социальное нельзя недооценивать, но ключевым вопросом научных разработок на данном направлении выступает природа цифрового посредника. Спорными видятся необходимость и оправданность тезиса о новых формах социальности, которая – гипотетически – потеснит привычную нам социальность, так сказать, естественную. Искусственная социальность, по оценке докладчика, не приведет, скорее всего, и к новой конфигурации общечеловеческого социального порядка.

В обсуждении еще одной темы Чтений – задач отечественной теоретической социологии перед лицом вызовов времени, – важные положения сформулировал в своем докладе «Самоопределение российской социологии в условиях цивилизационной трансформации» проф. **В.В. Козловский** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН). Складывающиеся в социологии тенденции подсказывают российским социологам-теоретикам сосредоточиваться на цивилизационных трансформациях современного мира и социального знания. Это подразумевает проверку на универсальность теоретических устоев европейской (и североамериканской) социологии в современном мире; исследование и теоретическое осмысление («теоретизацию») перемен в положении регионов нашей планеты и конкретных стран (особенно носителей выраженных культур и цивилизаций) как отправной точки обновления теоретических подходов социологов. Важно не терять достижений сегодняшней социологической науки, не впасть в состояние туземной социологии. Нужно ли доказывать, что эти аргументация и подход близки позициям российских социологов по обозначаемому с растущей очевидностью их «фронту предстоящих работ»? Вопрос в понимании (и вытекающих действиях) того, какая множественная меняющаяся социальная реальность лежит перед учеными.

На Чтениях этот подход предстал как основа выводов и суждений о том, что в сегодняшней ситуации следует предпринимать отечественным социологам, чтобы активно формировать пейзаж меняющейся мировой теоретической социологии. Проф. **Л.Г. Титаренко** (БГУ, Минск) и **Е.Н. Данилова** (ИС ФНИСЦ РАН) по-новому подошли к, казалось бы, привычным в дискурсе проблем теоретической социологии её современному состоянию и перспективным задачам на Западе, в России, в регионах мира: осваивать инновационный инструментарий цифровизации, активно участвовать в процессах расставания со сложившейся иерархией в мировой социологии. В докладе Е.Н. Даниловой акцентирован факт сомнений среди растущей части социологического мейнстрима по поводу универсальности западных – по контексту их возникновения – теорий. Л.Г. Титаренко показала важность, на фоне перемен, внимательного обращения с прошлым социологии российской и советской; культурная и цивилизационная специфика нашей научной мысли присутствует и в социальном знании. Своего рода иллюстрацией важности такого подхода стала (с участием проф. **Г.Е. Зборовского**, **Ж.Т. Тощенко** и **В.Н. Ярской-Смирновой**) дискуссия по докладу **Ю.Б. Епихиной** (ИС ФНИСЦ РАН) о трансформации социального времени в условиях цифровизации. Заметен был интерес аудитории Чтений к богатому эмпирическим материалом докладу **И.Г. Дежиной** (ИЭП им. Е. Гайдара) «Российская социология: феномен санкций»⁴.

³ См. статью И.А. Шмерлиной, детализирующую положение ее доклада на Харчевских чтениях.

⁴ См. статью в № 12, 2023 г.

Отметим также обсуждение участниками теоретических вопросов, которыми занята этносоциология. Важность этой тематики бесспорна на фоне кризисов в отношениях России с соседними государствами. На этом фоне ученые Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) акад. РАН **Б.В. Базаров** и **Д.Д. Бадараев** рассмотрели проблемы транс- и приграничья, панмонголизма, интеграции проживающих в регионе общностей, отметили как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы по обе стороны границы. Важную сторону данного круга социологических исследований затронул проф. **Ю.В. Попков** (ИФП СО РАН). Огромные пласты социальной реальности, на его взгляд, в последние годы уходят из поля внимания социологов, поскольку – вследствие моды на заимствования западной методологии – исследования этносоциальных процессов и локальных цивилизационных факторов в нашей стране под влиянием «антропологического цунами» сходят на нет, вплоть до отказов выделять средства на полевые работы. Этносоциологов лишают возможности влиять на жизненно важные для России этнические проблемы, на формирование в стране гражданской идентичности. Надеемся, решение этой проблемы скажется и появлением на страницах нашего журнала статей, материалов заявивших о себе на Чтениях социологов Забайкалья.

Таким образом, организаторам Чтений удалось поставить на обсуждение социологической общественности некоторые аспекты современного вызова для теоретической социологии, тем самым формируя импульс дальнейших исследований прорывных проблем исследований фундаментальных перемен социальной реальности и социальной теории.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, проф. Российского государственного гуманитарного университета, зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

XXV KHARCHEV READINGS

DOI: 10.31857/S0132162524010132

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Russian State University for Humanities, Deputy Head Editor, the journal "Sociological Studies", Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2024 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СТАБИЛЬНОСТЬ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ

10–11 октября 2023 г. прошла IV Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные изменения и стабильность в предметном поле социологии: от эмпирических исследований к теоретической рефлексии», организованная Советом молодых ученых (СМУ) Института социологии ФНИСЦ РАН, при поддержке РОС, социологического факультета ГАУГН и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Обширный тематический диапазон конференции позволил участникам затронуть широкий спектр социологической проблематики. Особенностью конференции является ее уникальный формат, в котором реализуется взаимодействие молодого исследователя с наставником, что обеспечивает преемственность научных поколений и школ, формируя ценности и нормы академической науки у молодого поколения исследователей.

Концептуальная идея конференции выстраивалась вокруг необходимости теоретического осмысления обширного эмпирического материала отечественной социологии. «Стремление понять суть переломных эпох и социальных изменений должно становиться целью ученых-социологов», – отметил акад. РАН **М.К. Горшков** (ИС ФНИСЦ РАН) и призвал подумать о задачах социологической науки, ее ресурсном потенциале и ценности для государственного управления.

Вопрос, каково наше научное сообщество и каким оно должно стать, чтобы нести идею всеобщего блага, поставил в пленарном докладе чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН). Обращаясь к научной молодежи, он говорил о рисках рационализации с точки зрения стремления к количественным показателям как в обыденной жизни, так и в исследовательской. М.Ф. Черныш порекомендовал молодому поколению сфокусироваться на качестве как главном приоритете современного ученого.

Строгость социологической дисциплины и перевод наблюдений в объективное научное знание достигается через теоретическую работу, по мнению **Е.Н. Даниловой** (ИС ФНИСЦ РАН). Необходимо рефлексивно относиться к выбранному социологическому аппарату и необязательно следовать в фарватере концептуализаций, созданных в исторических, культурных и политических контекстах, отличных от реалий российского общества. В качестве теоретических рамок отечественным исследователям следует чаще обращаться к российским социологам, несмотря на отсутствие видимого тренда.

К теоретическим проблемам изучения истории российской социологии обратилась **Л.А. Козлова** (ИС ФНИСЦ РАН). Существующие исследования отечественной социологии представляют развитие науки через внешние обстоятельства в разрезе общественно-политических отношений. Докладчик предложила шире использовать интерналистский подход, который объясняет историю отечественной социологии через внутреннюю логику развития социологического знания, основывается на учете культурно-духовного контекста интеллектуальной деятельности, исследует ценности, социологический язык и историю сохранения социологического сообщества, а также культурно-духовные отношения социологии и общества.

Социологическое знание формируется в строгое научное не только на основе теоретической работы, но и на сильной методической базе. На конференциях Совета молодых ученых Института социологии ФНИСЦ РАН уделяется особое внимание методическому направлению с целью сплотить и вдохновить методически рефлексивную молодежь. В этом году высокую планку секции задал **В.К. Финн** (ФИЦ «Информатика и управление» РАН) со своими учениками **М.А. Михеенковой** (ФИЦ «Информатика и управление» РАН) и **С.Г. Климовой** (ИС ФНИСЦ РАН). В своем докладе они концептуализировали ДСМ-метод и привели наиболее значимые результаты исследований, данные которых

анализировались с его помощью. ДСМ-метод автоматизированной поддержки исследований позволяет решать задачи качественного (неколичественного) анализа социологических данных. К числу таких задач относятся: исследование индивидуального поведения и обнаружение его детерминант с последующей типологизацией социума на их основе, учет влияния ситуации (контекста поведения), анализ и прогнозирование мнений.

Одно из ключевых научных направлений ИС ФНИСЦ РАН – социальная структура и стратификация общества – нашло представление в секции «Усложнение системы социальных неравенств и их роль для консолидации российского общества». **Н.Е. Тихонова** (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН) как руководитель секции сформулировала три ключевых вывода по итогам заслушанных докладов. 1. Рост однородности массового слоя населения ведет к росту идеологических различий на фоне различий социально-экономических. Фиксируемые идеологические неравенства являются новыми для россиян и более опасны в контексте консолидации общества. 2. Отмечается существенное «схлопывание» социальных лифтов по всем направлениям, сокращение числа высокоресурсных доноров в социальных сетях и одновременно фиксируется рост ожиданий населения на получение помощи. На микроуровне эти тенденции ведут к сокращению социального капитала и росту чувства разочарования, а на макроуровне это сгенерирует рост межличностного и институционального недоверия. 3. В таких условиях запрос на социальную справедливость будет актуализироваться и станет ключевым в запросе населения в моделях желаемого будущего страны.

Новые формы неравенств обсуждались на секции «Теория и практика цифровых неравенств» под руководством **Ю.Б. Епихиной** (ИС ФНИСЦ РАН)¹. Основной теоретической рамкой исследований цифровых неравенств все еще остается модель трехуровневого неравенства, но сохраняется проблема концептуализации третьего уровня. Для социологов становится важным вопрос о том, в какой степени цифровая среда может стать новой институциональной средой, способной наделять своих пользователей новыми статусами. Пока исследования демонстрируют, что преимущества в цифровой среде получены за счет ее антиинституциональности – сетевой структуры и отсутствия жестких регламентаций.

Дискурс о социальных неравенствах свое концептуальное продолжение нашел в обсуждении большой и важной темы социального (не)благополучия. Руководитель секции **С.В. Мареева** (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН) отметила, что анализ и осмысление обширной эмпирической базы с 2000-х гг. позволили зафиксировать цикличность в субъективном восприятии социального благополучия в массовом сознании и позволили определить устойчивую структуру в оценках населением субъективного благополучия, которая сохраняется на протяжении длительного времени. О динамике социального благополучия в оценках россиян рассказал **П.Е. Сушко** (ИС ФНИСЦ РАН). **Е.Д. Слободенюк** (ИС ФНИСЦ РАН) рассмотрела социально-экономическое неблагополучие в его связи с восприятием будущего.

На конференции была организована секция по демографии совместно с наставниками из ИДИ ФНИСЦ РАН. Вопросы демографической безопасности, рождаемости и смертности, депопуляции населения, миграции получили осмысление в докладах секции и дискуссии. Демографические проблемы нашей страны встают на один уровень с геополитическими, что актуализирует необходимость налаживания диалога науки и власти. **А.С. Лукьянец** (ИДИ ФНИСЦ РАН) отмечает потенциал экологической миграции как инструмента корректировки депопуляции населения, но ввиду больших рисков акцентирует внимание на научном сопровождении миграционной политики в этой области.

На секции по проблемам межэтнических отношений **Н.С. Воронина** (ИС ФНИСЦ РАН) выявила тренд на снижение негативных межэтнических установок на фоне конфронтации с коллективным западом. **Р.Э. Бараш** (ИС ФНИСЦ РАН) обратилась к изучению гражданской идентичности современных россиян. Примечательно, что национальность россияне определяют преимущественно через культуру; за последние годы идея, что русская

¹ Секция проведена за счет гранта РНФ № 21-18-00489.

идентичность – это в первую очередь особая культура, получает большую популярность у населения страны.

На секции по молодежной проблематике обсуждение строилось вокруг переосмысления социальных практик и трансформации норм в молодежной среде. Руководитель секции **О.В. Сорокин** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) представил следующие выводы по итогам работы. Среди молодежи набирают обороты такие процессы, как рационализация, самоорганизация, саморегуляция, что связано с ростом субъектности современной молодежи. При этом, говоря о росте саморегуляции, необходимо учитывать усиливающиеся процессы переосмысления реальности в сфере образования, труда, гражданско-политических отношений и, наконец, межличностных взаимодействий.

Итоги работы секции по образованию подвели ее руководители **Д.Л. Константиновский** и **Е.С. Попова** (оба – ИС ФНИСЦ РАН). В отношении человеческого капитала в межстрановом сравнении Россия отстает, что обусловлено не только в объеме инвестиций, но и в их интенсивности. Цифровизация в образовательной сфере воспринимается молодежью как само собой разумеющееся, так как уже выросло диджитальное поколение. Для дальнейшего социологического осмысления наиболее важным в контексте социального управления является вывод, что доверие к администрации вуза ложится в основу продолжения образовательных траекторий молодых людей (**И.С. Кузнецов** (ИС ФНИСЦ РАН)). Исследователи Центра развития навыков и профессионального образования НИУ ВШЭ (**В.А. Мальцева**, **Н.Я. Розенфельд**, **А.А. Лукина**) представили доклад о связи социальной мобильности с образовательными траекториями современной российской молодежи, отметив, что объективная мобильность больше не работает, а субъективная требует глубокого изучения.

Сфера труда и занятости в ходе конференции обсуждалась с ракурсов ценностных и этических установок, проблем непрерывного образования и проблем управления профессионализмом работников, баланса работы и учебы у студентов высшей школы, профессиональных и карьерных ожиданий студенческой молодежи и ряда других. Руководитель секции **Г.Р. Баймурзина** (ИС ФНИСЦ РАН) обратила внимание, что наблюдается некоторое снижение исследовательского внимания к прекарным работникам при очевидном углублении этой проблемы в социуме. На основе данных многолетнего мониторинга трудовых протестов в России и Казахстане **В.А. Бизюкова** и **П.В. Бизюков** (оба – «Мониторинг трудовых протестов») выявили формы и акторов трудовых протестов, обобщили особенности и тенденции их формирования.

Отдельная секция была посвящена старшему поколению (рук. **М.В. Корнилова** (ИС ФНИСЦ РАН)), здесь обсуждались вопросы долголетия, качества жизни и пенсионного обеспечения. **А.К. Соловьев** (Финансовый университет при Правительстве РФ) поднял вопрос о рисках цифровизации не только для старшего поколения, но и для молодежи. В докладе **И.А. Григорьевой** (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН) было отмечено, что, наряду с риском старения общества, молодость тоже начинает изучаться как риск, который несет преобладание молодежи в составе населения.

Социальные риски во взаимоотношениях общества и природы были рассмотрены исследователями на секции по инвайронментальной социологии. **О.А. Башева** (ИС ФНИСЦ РАН) отмечает, что в российском обществе постепенно формируется запрос на повышение экологической грамотности и ответственности. На секции были рассмотрены современные теоретические подходы к анализу экологически ориентированного поведения (**Ю.В. Ермолаева**, ИС ФНИСЦ РАН), обсужден эвристический потенциал инвайронментальных концепций (**А.В. Марченко**, НИУ ВШЭ). В фокус исследовательского внимания попадают проблемы ресурсосбережения, медленно развивающейся реформы обращения с отходами в России, а также различные аспекты практик потребления.

Специфика социальных практик и их трансформация в форматах поддержки в различных сообществах, в гражданских инициативах получила освещение на секции «Волонтерство и благотворительность как предмет социологического изучения», где были

представлены результаты исследований практик волонтерства в чрезвычайных ситуациях. **Ю.В. Ермолаева** и **С.О. Гоманова** (обе – ИС ФНИСЦ РАН) проанализировали возможности участия волонтеров в системе института предупреждения и реагирования на ЧС, **А.А. Атанасова** (ИС ФНИСЦ РАН) описала виды инновационных технологий НКО, работающих с волонтерами. **А.А. Гречаная** и **Д.А. Орлов** (оба – ИС ФНИСЦ РАН) осветили перспективы развития исследований, посвященных необычному волонтерству.

Принцип социологической диагностики получил практико-ориентированное осмысление на секции по социологии управления. В центре исследовательского интереса оказались вопросы экспертиз национальных проектов и коммуникативных практик органов власти. Социологическая диагностика позволила выявить неготовность органов власти участвовать в диалоге с населением, развивать новые коммуникационные площадки и использовать это в качестве инструмента для повышения эффективности управления. **В.А. Шилова** (ИС ФНИСЦ РАН) подняла вопрос об актуальных и одобряемых стилях управления регионального уровня. Результаты исследований показывают, что авторитарный и клановый стили управления применяются, несмотря на негативную реакцию населения, в то время как демократический, получающий положительную поддержку населения, почти не используется.

Также в рамках конференции были проведены круглые столы: «Наставничество в подготовке научных кадров: традиции и новые практики» (рук. **Т.К. Ростовская** (ИДИ ФНИСЦ РАН), **М.С. Ивченкова** (ИС ФНИСЦ РАН)) и «Российская реальность в пространстве социологического дискурса» (рук. **Ю.Г. Волков**, **Н.К. Бинеева** (Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН)).

Впервые на конференции СМУ ИС ФНИСЦ РАН были обсуждены вопросы big data в рамках круглого стола «Большие данные в социологических исследованиях: концепция, методология, перспективы». Инициатор этой дискуссионной площадки **Е.С. Попова** (ИС ФНИСЦ РАН) подчеркнула, что цифровые методы – это реальность и важно знать, как ими пользоваться и чем может помочь социолог для анализа больших данных. Важно создавать экосистему, в т.ч. в ИС ФНИСЦ РАН, чтобы большие данные стали третьим измерением исследовательской работы социологов.

Научная актуальность и социальная значимость затронутых на конференции проблематик стимулирует новые векторы научного поиска. Большинство рассмотренных сюжетов являются важнейшими для формирования как ближайшего горизонта будущего нашей страны, так и фундамента долгосрочного устойчивого развития.

М.С. ИВЧЕНКОВА

ИВЧЕНКОВА Мария Сергеевна, к. социол. н., ст. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (m.ivchenkova@gmail.com).

SOCIAL CHANGES AND STABILITY IN THE SUBJECT FIELD OF SOCIOLOGY

DOI: 10.31857/S0132162524010148

Maria S. IVCHENKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (m.ivchenkova@gmail.com).

© 2024 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Современный мир переживает мощные социальные, политические, культурные, экономические, технологические перемены и трансформации, на фоне которых отечественная социологическая теория оказывается в трудной ситуации новейшего самоопределения и поиска ответов на важнейшие явные и скрытые общественные вызовы, стоящие за происходящими переменами. Рецепция и объяснение радикально трансформирующейся социальной реальности невозможны без обсуждения современного состояния отечественной социологической теории, проблем ее развития и выявления причин, препятствующих становлению новых теорий и концепций. Именно поэтому в рамках IV Всероссийской научно-практической конференции «Социальные изменения и стабильность в предметном поле социологии: от эмпирических исследований к теоретической рефлексии» была организована секция «Актуальные проблемы социологической теории» под руководством Е.Н. Даниловой и Е.А. Григорьевой (ИС ФНИСЦ РАН), заседание которой состоялось 11 октября 2023 г. В работе секции приняли участие как молодые ученые, так и ведущие специалисты в области теоретических и историко-социологических исследований.

Дискуссию открыла **Е.Н. Данилова** (ИС ФНИСЦ РАН), построив свое выступление вокруг тезиса о том, что социология и логика социологического теоретизирования всегда являются порождением социально-политического контекста. Автор представила результаты своего рефлексивного критического анализа специфики концептуализации неравенств в западной левой социологии, которые позволяют утверждать, что за последние полвека произошли следующие трансформации: конструктивистская перспектива окончательно победила эссенциализм, культурные измерения неравенств заменили традиционные экономические, а на смену традиционному исследовательскому фокусу на классовые неравенства пришла ориентация на неклассовые формы. Данные смещения, однако, не означают, что экономическое измерение неравенств сегодня перестает быть значимым, напротив, в современном мире наблюдается серьезный рост экономического неравенства, в то время как классовой повестки больше нет. Были отмечены новые формы несправедливости (например, гендерная), которые теперь составляют основное содержание левой социологической теории, а класс оказался «похороненным заживо» (Т. Пикетти). Во многом это связано с развитием политики идентичности, предполагающей самоидентификацию, ведение осознанных действий, сплочение и борьбу с существующей дискриминацией, и, таким образом, обуславливает так называемый культурный поворот в исследовательской логике.

Отдельного внимания в данной связи заслуживает тот факт, что конструктивистская логика, которая теперь перестала быть только лишь способом познания, но стала также и способом мышления, открывает широкие возможности для преобразования любых задач под новый социально-экономический контекст и, соответственно, для развития активизма. Е.Н. Данилова фиксирует, что сам активизм становится обязательным требованием в западной академической среде. Автор завершила свое выступление замечанием, что сегодня левая повестка исходит не от «низов», а от обеспеченного среднего класса: мы наблюдаем как обеспеченное общество рассуждает о самом себе и предлагает эту картину миру. В очередной раз наблюдается диспропорция в представленности взглядов на мировой порядок. В этой связи Е.Н. Данилова подчеркивает, что отечественные социологи должны быть аккуратны при обращении к «мейнстримным» западным теоретическим курсом, принимая во внимание социально-политический фон той или иной концептуализации и ориентируясь на специфику отечественных реалий.

Л.А. Козлова (ИС ФНИСЦ РАН) осветила современные теоретико-методологические проблемы изучения истории русской социологии и с сожалением констатировала, что данное направление исследований не представляет особого интереса для отечественных

социологов, в то время как создание современных концептуализаций истории отечественной социологии могло бы внести большой вклад в понимание русской социологии и российского общества. Более того, история российской социологии до сих пор не вписана в мировую историю социологии и находится на глубокой периферии мировых историко-социологических исследований, о чем свидетельствует, в частности, содержание ключевых зарубежных монографий и учебных пособий по истории социологии. Однако именно отечественным социологам принадлежат многие научные открытия в лоне социологии, что зачастую игнорируется западными изданиями. Например, описание феномена подражания впервые предпринято Н.К. Михайловским, типология культур разработана Н.Я. Данилевским и далее повторена в трудах О. Шпенглера и отчасти А. Тойнби, основы бихевиоризма заложены В.М. Бехтеревым, а теория социальной стратификации и мобильности создана П.А. Сорокиным.

Отвечая на вопрос, что препятствует современным исследованиям истории русской социологии, Л.А. Козлова считает, что проблема заключается прежде всего в преобладании экстерналистского подхода к пониманию истории развития отечественного социологического знания, предполагающего построение объяснительных моделей на основе внешних факторов и обстоятельств и чаще всего раскрывающего историю через отношения «социология – власть», «социология – господствующая идеология». Единицами анализа при таком подходе становятся биографии отдельных социологов, научные школы, парадигмы, и, безусловно, социально-политический контекст, что дезинтегрирует историю социологии и замыкает ее в рамки отдельных поколений и парадигм, напрямую связанных с изменениями и поворотами в общественной жизни. В этой связи история отечественной социологии предстает как совокупность несвязанных между собой фрагментов: дореволюционного, прореволюционного, советского, постсоветского. Такое видение предполагает как отсутствие понимания преемственности между социологическими обществами, так и отсутствие идеи накопления социологического знания. Преодоление данной проблемы Л.А. Козлова видит в широком применении интерналистского подхода к изучению истории отечественного социологического знания, который позволит дополнить имеющиеся, основанные преимущественно на экстерналистском подходе, историко-социологические построения. Изучение и объяснение истории отечественной социологии исходя из внутренней логики развития социологического знания, культурно-духовного контекста интеллектуальной деятельности в социологии и исследование отношений «социология – духовно-интеллектуальная культура», «социология – наука», «социология – общество» позволят значительно укрепить наше понимание истории российской социологической теории. Автор призывает широко дополнять экстерналистский подход достижениями в области изучения истории идей, ценностей, исторического языка и сообщества социологов.

Дискуссию продолжило выступление **Е.А. Григорьевой** (ИС ФНИСЦ РАН), главным образом подчеркивающее значение утопических идей в социологической теории. С самого начала своего развития социология утверждала прогресс и задавала образ лучшего будущего, однако, на сегодняшний момент можно зафиксировать «исчерпание утопических энергий» в теоретической социологии. В свете общей идеологизации и критики утопий в середине XX в., активного развития постмодернистской повестки и институционализации деятельности основных носителей утопических идей многими теоретиками постулируется необходимость обращения к «утопическому реализму» (Э. Гидденс) и отказ от построения масштабных утопических конструкций. Докладчик обратила внимание на эвристический потенциал утопических построений и предложила вернуться к перспективе лучшего общества как ключевому предмету социологического теоретизирования.

И.А. Климов (ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ) посвятил свое выступление теоретическим основаниям активистских подходов. Отметив, что, строго говоря, данная теоретическая перспектива не обладает парадигмальной целостностью, И.А. Климов наметил тем не менее теоретические контуры активистского подхода в виде пяти ключевых тезисов: (1) в основе активистских подходов лежат теории деятельности и социального действия;

(2) активистский подход уходит от однозначного принятия методологического холизма или методологического индивидуализма; (3) анализ любых социальных структур осуществляется через изучение их динамических и имманентных характеристик; (4) большое внимание уделяется идеи креативности и креативного действия; (5) представителей активистских подходов, как правило, интересует не только социальный институт как социальный феномен, но и процессы институционализации. Выступление вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой автор подчеркнул, что интересующая представителей активистского подхода способность коллективного агента совершать определенные действия и, соответственно, достигать цели, в русскоязычной литературе носит название «субъектность», в то время как в западной традиции это принято называть агентностью. Ю.Б. Епихина (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) заметила, что в отечественной социологии понятия субъектность и агентность в ряде случаев нетождественны, поскольку в отечественной традиции принято говорить о субъектности лишь в случае наличия социального взаимодействия. И.А. Климов также предупредил об определенных «концептуальных ловушках», поджидающих исследователей при попытке перевода понятия «субъектность» на английский язык.

Результатами своих исследований, осуществленных под руководством И.Ф. Девятко (ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ), поделились Д.В. Иванов (ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ) и О.Н. Мадфес (НИУ ВШЭ). В рамках изучения эксперимента как метода исторического исследования первый докладчик сосредоточил свое внимание на анализе демаркации русскоязычной социологии и психологии. Автор исследует дисциплинарные границы с помощью понятия «символические маркеры», которое можно определить как определенные концептуальные различия, необходимые для того, чтобы отличать «свое» от «чужого». В свою очередь О.Н. Мадфес обозначила результаты исследования автобиографической памяти и исторического нарратива, сконцентрировав внимание на перспективах развития социологии памяти на фоне когнитивного поворота в науке, в частности, необходимости изучения вопросов понимания механизма развития памяти, социальной детерминации процессов запоминания, процессов совместного запоминания и др.

В рамках работы секции также прозвучали интересные выступления, посвященные перспективам развития такого направления исследований, как эмоциональная география (Т.Е. Щеглова, НИУ ВШЭ); анализу теоретических подходов в рамках развития социологии мобильных приложений (О.А. Башева, ИС ФНИСЦ РАН); исследованию политической теории европейского модерна (XVII в.), а именно религиозного аспекта теорий социального порядка Т. Гоббса и Дж. Локка (Е.А. Новгородов (НИУ ВШЭ)).

Подводя итоги, стоит отметить, что состоявшаяся дискуссия охватила как общероссийские тенденции развития социологического теоретизирования, так и теоретические поиски молодых ученых. Кроме того, обсуждались особенности и потенциал применения различных исследовательских подходов в области изучения современных социальных реалий. Участники дискуссии сошлись во мнении, что в настоящий момент существует дефицит новых социологических теорий и концепций, а также социологов-теоретиков. В ходе обсуждения были намечены исследовательские векторы, которые требуют дальнейшего развития.

Е.А. ГРИГОРЬЕВА

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Александровна, мл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yrewda@gmail.com).

ACTUAL SOCIOLOGICAL THEORY PROBLEMS

DOI: 10.31857/S0132162524010153

Ekaterina A. Grigoreva, Junior Researcher, The Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia (yrewda@gmail.com).

© 2024 г.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВЫХ НЕРАВЕНСТВ

10 октября 2023 г. в рамках IV Всероссийской научно-практической конференции «Социальные изменения и стабильность в предметном поле социологии: от эмпирических исследований к теоретической рефлексии» прошла секция «Теория и практика изучения цифровых неравенств», посвященная теоретическим и практическим вызовам изучению цифрового неравенства в России. Руководителем секции выступила **Ю.Б. Епихина** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва).

А.О. Дымарская (НИУ ВШЭ, Москва) представила доклад, где осветила результаты лонгитюдного панельного исследования образовательно-профессиональных траекторий выпускников ведущих московских физико-математических школ, проводимого с 2001 г. Активное распространение IT-специальностей началось в 2000-х гг. Хотя они были не столь популярны, как сейчас, большинство выпускников физико-математических школ уже ориентировались на работу в данной сфере. Как показало исследование, более трети респондентов, обучавшихся IT-специальностям, полностью реализовали себя в профессии, выбранной при поступлении. В обсуждении поднимались вопросы: насколько сказываются на профессиональной реализации различные курсы, например Skillbox, где можно получить IT-специальность. Важным аспектом дискуссии стало межпоколенческое воспроизводство IT-профессионалов – появление династий «айтишников».

Е.Н. Кангина (РАНХиГС, Москва) рассмотрела проблему цифрового неравенства в «умном городе», который рассматривался как совокупность доступных технологий для улучшения качества жизни человека с использованием сбора больших цифровых данных. Она показала, что развитие умного города может приводить и к различным цифровым неравенствам (доступ, нехватка цифровых компетенций). Неравенства вызывают у горожан отрицательные эмоции, в том числе страх утечки персональных данных. Существует неравенство между городами: чем они крупнее, тем больше в них цифровых сервисов и больше данных для сбора, но в более цифровизованных городах индекс счастья ниже.

В продолжение темы города **С.К. Макаревич** и **О.Б. Янишевский** (оба – НИУ ВШЭ, Москва) представили транспортную мобильность сквозь призму концепции устойчивого развития, предполагающую переориентацию транспортной системы на удобство для всех категорий населения, а не только для автомобилистов. Отмечено, что такой подход на практике приводит к социальной эксклюзии, так как возникают проблемы: отсутствие единой системы оплаты, несогласованность информации о транспортных услугах, ориентированность на одну определенную группу населения (в основном одинокие молодые трудоспособные мужчины), цифровая некомпетентность. Монополизация и унификация транспортной системы также сказывается на мобильности исключенных групп. Мобильность во многом становится вмененной услугой.

В ходе обсуждения были затронуты вопросы соотношения цифровых и социальных компетенций при пользовании транспортными услугами. Цифровая некомпетентность всё чаще уходит на второй план. Обладая необходимыми цифровыми навыками, пользователи скорее сталкиваются с проблемами, не связанными непосредственно с цифрой, например, невозможностью дозвониться до оператора колл-центра из-за загрузки или купить билет за наличные в автобусе. При высоком уровне цифровизации людям становятся необходимы какие-то новые компетенции.

Л.С. Кузина и **Е.В. Попов** (оба – НИУ ВШЭ, Москва) рассказали о реальных преимуществах российских пользователей при цифровизации, которые они получают в сфере

коммуникации и коммерции. В основе проведенного авторами исследования лежит трехуровневая модель цифрового неравенства: первый уровень – неравенство доступа, второй – неравенство навыков и практик, третий – неравенство возможностей. Для измерения модели был апробирован опросный инструментарий Я. ван Дайка, выделявшего преимущества от использования Интернета в разных сферах.

Е.В. Лисина (МГУ, Москва) представила доклад об искусственном интеллекте (ИИ) как активно развивающейся сфере. Сегодня ИИ все чаще сам становится активным участником социального взаимодействия (например, общение с чат-ботами или умными колонками). Закономерен вопрос о том, какие теоретические концепции применимы для изучения взаимодействия человека и ИИ. Докладчик выделил три основных подхода: искусственная социальность, акторно-сетевая теория и агентность ИИ. Также обсуждался вопрос о культурных различиях ИИ в разных странах.

Д.А. Ширяева (РАНХиГС, Саратов) рассказала о неравенствах в контексте цифровизации образования на основе исследования дискурса официальных документов государственных органов и публичного дискурса общественных организаций. Отмечается отрицательный настрой относительно цифровизации образования в публичном дискурсе. Негативные реакции прежде всего касаются бюрократического контроля и алгоритмизации учебного процесса.

Н.В. Баранов (МГУ, Москва) рассмотрел ИИ как фактор формирования прекариата в современном обществе. Компании постепенно начинают вводить ИИ в рабочий процесс, что приводит к сокращению рабочих мест. Выделено две тенденции: деструктивная, связанная с резким сокращением персонала и заменой его ИИ, и конструктивная – с постепенной цифровизацией процессов в меньшем масштабе. Для компенсации дисфункциональных последствий автоматизации предлагается регулирование правовой системы. Но действенным процессом снижения этих последствий может стать объединение рабочего движения. Примером могут служить прошедшие забастовки сценаристов и актеров в США в 2023 г., где одним из требований был запрет использования ИИ в кинематографе.

В.Л. Кожарин (ГАУГН, Москва) на данных количественного онлайн-исследования сравнил группы с разным уровнем образования в Российской Федерации, опираясь на трехуровневую модель цифрового неравенства ван Дайка. Результаты свидетельствуют об отсутствии различий в доступе к Интернету людей с разным уровнем образования, есть разница в уровне цифровых компетенций. С увеличением уровня образования растет частота пользования технологиями в профессиональных, коммуникативных и коммерческих целях, обратная тенденция характерна для целей досуга.

Цифровые технологии стали частью повседневных практик на различных уровнях, но повсеместное распространение технологий приводит к эксклюзии наиболее уязвимых групп. Проявляются новые грани разрыва, связанные с социальными навыками. Профессиональные цифровые навыки становятся более доступными благодаря наличию специальных курсов. Наблюдается институционализация ИТ-сферы. Внимание исследователей, использующих трехуровневую модель цифрового неравенства, сосредоточено на третьей ступени – неравенстве возможностей. Однако нерешенными остаются вопросы ее концептуализации (что можно считать преимуществами от пользования Интернетом?) и методологических ограничений (как эти преимущества измерять?).

А.С. СМІРНОВА

СМІРНОВА Анастасія Сергеевна, мл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (nastyanestea812@gmail.com).

THEORY AND PRACTICE OF THE DIGITAL INEQUALITY STUDIES

DOI: 10.31857/S0132162524010164

Anastasiia S. SMIRNOVA, Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (nastyanestea812@gmail.com).

© 2024 г.

МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

С 30 сентября по 5 октября 2023 г. в Эльбрусском учебно-научном комплексе на базе Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова состоялись два масштабных мероприятия: Всероссийская научно-практическая конференция «Молодежь российских регионов: исследовательские практики и актуальные проблемы жизненной самореализации» и XVII Всероссийская школа молодого социолога «Жизненный мир молодежи в этнокультурном измерении: ценности, ориентации, социальные практики». Организаторами этого традиционного ежегодного научно-образовательного проекта выступили ФНИСЦ РАН, Министерство по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (ИСР ЮФУ), Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ).

Идейным и интеллектуальным вдохновителем-основателем Школы является акад. РАН М.К. Горшков (ИС ФНИСЦ РАН). В организацию и экспертное сопровождение с полной ответственностью и профессиональной отдачей включены такие известные отечественные социологи, как О.В. Аксенова, проф. М.А. Васьков, проф. Г.С. Денисова, проф. А.В. Дятлов, проф. Ю.А. Зубок, проф. С.А. Ляужева, проф. А.М. Кумыков, В.И. Мукомель, проф. Р.Д. Хунагов и др.

С приветственным словом на открытии конференции выступил проф. **Ю.Г. Волков** (ЮФУ). Акад. РАН **М.К. Горшков** (ФНИСЦ РАН) в своем докладе «Что мы знаем об обществе, в котором живем» презентовал результаты эмпирических исследований (июнь 2023 г.), а также показал динамику социально-психологического состояния современного российского социума (2018–2023). Были показаны оценочные суждения россиян о цивилизационной принадлежности России и месте традиций в современном российском обществе. Согласно полученным данным, только 22% респондентов высказали мнение о том, что Россия должна жить по западным образцам и стандартам, 78% опрошенных полагают, что Россия – особая цивилизация, у которой свой путь развития, и западные модели поведения в ней никогда не приживутся. Также 63,7% в 2023 г. считают важным уважение к сложившимся традициям, обычаям, принятым подавляющим большинством населения России.

А.Х. Люев (Мин-во по делам молодежи КБР) посвятил доклад формированию экосистемы молодежной региональной политики КБР. Докладчику удалось выделить ограничения для проведения молодежной политики в республике: слабая инфраструктура, разбалансированность горизонтальной и вертикальной коммуникации, недостаточный уровень информирования молодежи. Также А.Х. Люев представил данные опроса молодежи КБР, согласно которым к приоритетным потребностям молодого поколения относятся: здоровый образ жизни (69%); получение качественного образования (49%); возможности самореализации (34%); медицинское обслуживание (28%); качественный и интеллектуальный досуг (22%); возможности трудоустройства (18%); туризм (10%). Среди остро ощущаемых проблем были названы пьянство (53%), отношения между старшим поколением и молодежью (43%), отсутствие возможности найти хорошую работу по специальности (29%), упадок нравов (25%).

С докладом «Этнокультурная идентичность современной молодежи: региональное измерение» выступил проф. **Р.Д. Хунагов** (АГУ), который отметил, что процессы консолидации регионального пространства должны опираться на ценностные ориентации, существующие в сознании местного населения, поскольку именно они выступают в качестве интегративного компонента для активизации ресурсов. Важным инструментом консолидации регионального сообщества является присутствие продуктивной национальной идеи в рамках разработки стратегии развития общества, без которой не представляется возможным преодолеть рискогенный потенциал консолидационных процессов, полагаться

на сплочение различных региональных сообществ и укрепление фактора доверия между институтом государства и общественными институтами.

В выступлении проф. **М.А. Васькова** (ЮФУ) были затронуты проблемы и перспективы просветительской работы со студенческой молодежью на новых территориях России в условиях проведения специальной военной операции. Было рассказано о возникшем кризисе идентичностей и рассмотрена его специфика, а также особенности информационной работы и просветительских проектов.

В рамках школы была продолжена сессия пленарных докладов. Так, проф. **С.А. Ляушева** (АГУ) выступила с темой «Жизненный мир в дискурсе социологии повседневности». Апеллируя к инструментальному определению понятия «жизненный мир», сформулированному чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко, докладчик остановилась на таких аспектах, как границы жизненного мира, а также смысловой горизонт жизненного мира политического человека, экономического человека, социального человека и смыслы жизни человека в духовно-культурной сфере.

Проф. **Ю.А. Зубок** (ИС ФНИСЦ РАН) выступила с докладом «Молодежь как объект социологии». Особый интерес у слушателей вызвал сюжет о группообразующих признаках молодежи, подходах к ее определению, существованию фаз жизненного цикла молодежи и классификации проблем современной российской молодежи. Ю.А. Зубок проанализировала особенности положения (переходность, маргинальность, преимущественно восходящая мобильность) и сознания современной молодежи России (лабильность, экстремальность, трансгрессивность).

Тема «Идентичности российской молодежи: поколенческий разлом?» была предложена **В.И. Мукомелем** (ИС ФНИСЦ РАН). В.И. Мукомель говорил о ксенофобских настроениях среди разных поколений россиян, подчеркнул роль этнофобии в современном российском обществе, а также выделил критерии измерения уровня этнической толерантности.

Проф. **Ю.Г. Волков** (ЮФУ) в рамках доклада «Молодежь – ключевой ресурс гражданской интеграции российского общества в условиях новой территориальности» представил научно-исследовательские проекты, реализованные коллективом ИСиР ЮФУ и ЮРФ ФНИСЦ РАН. Продемонстрированы основные результаты социологических исследований об отношении молодежи Юга России к социальной справедливости. Проф. **Г.С. Денисова** (ЮФУ) провела интерактивную лекцию «Конфликтность межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи». Г.С. Денисова показала поэтапную конфликтность Северо-Кавказского региона в 1990–2000 гг. и представила рекомендации, направленные на снижение конфликтности межэтнических отношений на Северном Кавказе.

Проф. **А.В. Дятлов** (ЮФУ) выступил с лекцией «Методология анализа эмпирических данных в социологии», обогатившей исследовательский тезаурус и инструментальный запас молодых слушателей Школы. В его презентации были продемонстрированы учебные и учебно-методические пособия по прикладным методам анализа социологических данных.

Также в рамках Школы прошла работа Дискуссионного клуба «Молодые мигранты в принимающем сообществе: конфликтный и интеграционный потенциал» (по мат. к/ф «Последний урок» (Франция, 2008). Модератором выступила проф. **Г.С. Денисова** (ЮФУ), экспертами: **О.В. Аксенова** (ФНИСЦ РАН), **Ю.А. Зубок** (ФНИСЦ РАН), **С.А. Ляушева** (АГУ), **В.И. Мукомель** (ФНИСЦ РАН), **Н.И. Чернобровкина** (ЮФУ). Проведен круглый стол «О научно-просветительской работе форума “Мир Кавказу”» (модераторы: Я.А. Асланов (ЮФУ), А.В. Бедрик (ЮФУ), А.Х. Люев (Министерство по делам молодежи КБР)).

В рамках Школы прошли лекции, мастер-классы, семинары, тренинги, деловые игры, состоялись консультации экспертов на дискуссионных площадках. Так, **Н.И. Чернобровкина** (ЮФУ) выступила с лекцией «Молодежь Северо-Кавказских республик в условиях сложившихся неформальных межэтнических отношений». Лекция была построена на результатах эмпирических исследований, проведенных среди молодежи Северо-Кавказских республик. Проф. **Ю.А. Зубок** и **О.В. Аксенова** (обе – ИС ФНИСЦ РАН) провели мастер-класс «Подготовка концепции выпускной квалификационной работы». Большой

интерес вызвала также лекция О.В. Аксеновой (ИС ФНИСЦ РАН) «Социокультурные условия самореализации молодежи в российских регионах».

В рамках семинара «Социологическое воображение: от теории к практике» (модератор **Г.И. Чикарова** (ЮФУ)) **А.А. Зайцева** (ИС ФНИСЦ РАН) предложила молодым социологам прикладной тренинг «Конструирование будущего России: использование метода контент-анализа СМИ». **Н.Х. Гафиатулина** (ЮФУ) организовала деловую игру «Установление контактов и формирование коммуникативных навыков».

Всероссийская школа молодого социолога в очередной раз предоставила студентам, аспирантам и молодым ученым уникальную возможность презентовать и обсуждать результаты своей научно-исследовательской деятельности, а также получить профессиональные и наставнические консультации мэтров социологии в лучших традициях российской социологической мысли. Надеемся, что эта площадка будет жить еще долгие годы и способствовать развитию академических и научно-образовательных связей.

Ю.Г. ВОЛКОВ

ВОЛКОВ Юрий Григорьевич, д. филос. н., проф., науч. рук. Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (ugvolkov@sfnedu.ru).

YOUTH OF RUSSIAN REGIONS

DOI: 10.31857/S0132162524010179

Yuri G. VOLKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (ugvolkov@sfnedu.ru).

© 2024 г.

О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ СТУДЕНЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Круглый стол «Социальное самочувствие молодежи в современной России: тенденции, проблемы, перспективы» состоялся 11 октября 2023 г. в Ростове-на-Дону в рамках работы VI Всероссийской научной конференции с международным участием «Стратегии развития общества и социальная работа (памяти первого зав. кафедрой социальных технологий ЮФУ В.Д. Альперовича)», проводимой ежегодно Институтом философии и социально-политических наук Южного федерального университета (ИФисПН ЮФУ), при поддержке Совета ректоров вузов Ростовской области, Антитеррористической комиссии Ростовской области, а также журнала *Alma mater*. Главными организаторами мероприятия выступили Центр социально-политических исследований Южного федерального университета (ЦСПИ ЮФУ) и кафедра социальных технологий ИФисПН ЮФУ, Совет ректоров вузов Ростовской области. В его работе приняли участие преподаватели, сотрудники,

студенты-активисты из Архангельска, Белгорода, Екатеринбурга, Красноярска, Курска, Новочеркаска, Ростова-на-Дону, Симферополя, Ставрополя, Шахт.

Открыл работу КС заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, проф. **В.Н. Гурба**, подчеркнув важность обращения к традиционным российским ценностям и традициям и укрепление институтов воспитания, повышение эффективности профессиональной социализации молодежи. С приветственными словами выступили: проректор по научной и исследовательской деятельности ЮФУ, проф. **А.В. Метелица**, председатель Ростовской областной организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ **В.Г. Гайворонский**, руководитель аппарата Антитеррористической комиссии Ростовской области **Г.В. Поповиченко**.

Совместный доклад проф. **М.М. Шульги** (СКФУ) и проф. **В.И. Филоненко** (ЮФУ) дал представление о методологических проблемах изучения и оценки социального самочувствия студенческой молодежи. Были рассмотрены два подхода к выделению основных показателей и индикаторов их социального самочувствия: номинальный и интегрированный. Отмечено, что в стабильных социально-политических условиях общества для изучения социального самочувствия достаточно количественных методов исследования, а в условиях нестабильности и быстрых социальных изменений требуются качественные методы.

Содержательную основу круглого стола составили доклады, представляющие результаты социологического исследования «Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации на Украине», реализованного ЦСПИ ЮФУ в октябре – ноябре 2022 г. и феврале – апреле 2023 г. Исследование было реализовано с применением методов контент-анализа эссе студентов, а также фокус-групп. В качестве основных критериев социального самочувствия студентов вузов в исследовании были обозначены: показатели уровня жизни, состояние здоровья, эмоционально-психологическое состояние, социальное самоощущение, оценка состояния социальной среды, гражданская позиция, оценка положения дел в регионе, жизненные стратегии. В докладе **Г.В. Ярошенко** (ЮРИУ – филиал РАНХиГС) были представлены итоги структурно-содержательного исследования дискурса проблем социального самочувствия молодежи, выполненного методом контент-анализа 68 научных работ отечественных и зарубежных авторов. Алгоритм данного комплексного лингвосоциологического исследования может быть использован для решения проблем, связанных с анализом больших объемов информации качественного характера. **Т.С. Киенко** (ЮФУ) проанализировала выделенные студентами три возможных сценария для России в будущем: оптимистический, нейтральный (реалистичный) и пессимистический. Также были рассмотрены терминальные и инструментальные ценности студенческой молодежи вузов Ростовской области. **А.С. Магранов** (ЮФУ) рассмотрел представления студенческой молодежи о собственном будущем и его изменениях. Было выделено, что, хотя в жизни студентов за последние год-полтора не произошло кардинальных изменений, они испытывают затруднения с планированием своего будущего, большинство из них планируют лишь завтрашний день, что вызвано, прежде всего, условиями неопределенности и проведением СВО. В докладе **Л.С. Деточенко** (ЮФУ) прозвучал нарративный анализ эссе на тему отношения студентов к специальной военной операции. **Я.А. Асланов**, **А.С. Магранов** и **Е.Г. Костырин** (все – ЮФУ) рассмотрели основные источники информации студенческой молодежи об СВО.

Проф. **И.С. Шаповалова** (БелГНИУ) в своем докладе презентовала данные исследования, проведенного в 2022 г. в БелГНИУ. В ходе реализации проекта были изучены общественные настроения студенческой молодежи в условиях геополитических изменений, а также их диспозиции, мнения и оценки относительно СВО. Было отмечено, что большинство студентов придерживаются мнения, что конфликт инициирован со стороны западных стран и их объединений, а отношение к санкциям разделило учащихся на четыре категории: воспринимающих санкции как возможность для развития, как незначительные меры, как вызов и как риск.

Проф. **О.А. Габриелян** и **А.А. Зоткин** (КрФУ им. В.И. Вернадского) проанализировали социально-психологическое самочувствие молодежи в Республике Крым. Обращено внимание на сильное возрастание показателей страхов международного терроризма и войны, оттенявших другие социальные страхи молодежи. В то же время отмечается усиление гражданской идентичности и снижение миграционных настроений в молодежной среде. Выступление проф. **А.Ф. Поломошнова** и **О.В. Крыловой** (ДонГАУ) было посвящено изучению восприятия СВО студентами вузов Ростовской области. Основой их доклада послужили результаты авторского исследования, проведенного в 2022 и 2023 гг. в Донском аграрном университете и в Ростовском экономическом университете.

Ряд выступлений были посвящены отдельным аспектам гражданско-патриотического воспитания молодежи. **К.В. Воденко** (ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова) рассмотрел роль университета в обеспечении духовной безопасности молодежи. Отдельное внимание было уделено реализации в вузе этнокультурного образования с учетом исторических свойств региональной среды и особенностей казачества. Доклад **М.В. Певной** (УрФУ) был посвящен проблеме неучастия студенческой молодежи в различных видах волонтерской деятельности. Были рассмотрены основные стратегии оправдания их неучастия, а также возможности преодоления отстраненности учащихся вуза от волонтерства. Проф. **Т.Б. Оганян** (РГЭУ (РИНХ)) посвятила свое выступление необходимости возрождения отечественных традиций в патриотическом воспитании современной молодежи. Был актуализирован опыт различных проектов по гражданско-патриотическому воспитанию студенчества, реализованных в Ростовском государственном экономическом университете: «Твой герой», «Поезд Памяти», «Мы Рядом», «Спасибо, братцы!» и др.

Также рассматривались вопросы здорового образа жизни студентов. Представлены данные, отражающие основные показатели здоровья студентов вузов Дона и выделены основные проблемы (**С.С. Фомичев** (Городская поликлиника студенческая г. Ростова-на-Дону) и **В.И. Филоненко** (ЮФУ)); обсуждались вопросы психологической поддержки студентов (**А.А. Сидоров** (РостГМУ) и **Е.В. Комова** (ДГТУ)).

В ходе обсуждения представленных эмпирических данных и теоретико-методологических разработок был высказан ряд предложений по усовершенствованию гражданско-патриотического воспитания в высших учебных заведениях.

В.И. ФИЛОНЕНКО, А.С. МАГРАНОВ

ФИЛОНЕНКО Виктор Иванович, д. социол. н., проф. Института философии и социально-политических наук; директор Центра (vfilonenko@sfedu.ru); МАГРАНОВ Алексей Сергеевич, к. социол. н., ст. науч. сотр.; вед. науч. сотр. Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН (alex_daredevil@mail.ru). Оба – Центр социально-политических исследований Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

CONCERNING THE SOCIAL WELL-BEING OF STUDENTS IN MODERN RUSSIA

DOI: 10.31857/S0132162524010182

Victor I. FILONENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and socio-political sciences; Director of the Center (vfilonenko@sfedu.ru); Alexey S. MAGRANOV, Cand. Sci. (Sociol.), Senior researcher; Leading researcher, South Russian Branch of FCTAS RAS (alex_daredevil@mail.ru). Both – Center for socio-political studies of the Southern Federal University, Rostov on Don, Russia.

Коротко о книгах

Луков В.А., Луков С.В., Тихомиров Д.А. Формирование и реализация государственной молодежной политики в современной России. М.: РУСАЙНС, 2022. 286 с.

В книге представлены итоги исследования формирования государственной молодежной политики в России и ее реализация в сферах законодательства, социального проектирования, планирования на федеральном и региональном уровнях в период с ее зарождения до 2021 г. Работа по реализации государственной политики показана на фоне процессов в молодежной среде, положения российской молодежи, ее ценностных ориентаций в современном обществе. В этой связи рассмотрены пути корректирования молодежной политики как перспективного направления государственной деятельности.

Для специалистов по работе с молодежью органов и организаций, составляющих инфраструктуру молодежной политики, а также для всех лиц, ведущих работу с молодежью на федеральном, региональном и местном уровнях, и всех интересующихся молодежной проблематикой.

Терновая Л.О. Политическая социология повседневности. М.: ИНФРА-М, 2023. 380 с.

В монографии социально и политически значимые стороны повседневности раскрываются благодаря анализу тех смыслов жизни, которые либо выдвигаются на первый план, либо скрываются в процессе политической конкуренции. Элементы повседневной жизни воздействуют в первую очередь на представителей молодого поколения с целью вовлечения их в ряды политических партий и движений. Демонстрируется, что в качестве пропагандистских продуктов политической кухни выступают многие обычно не замечаемые аспекты повседневной реальности. При этом наиболее яркими и эффективными инструментами политизации массового сознания остаются те, что позволяют визуализировать и мифологизировать повседневность, выбываясь из нее праздниками, парадами, перформансами.

Адресована специалистам в области социологии и политологии. Может быть интересна историкам и культурологам. Привлечет внимание широкого круга читателей, проявляющих стремление узнать, что кроется за предметами, окружающими человека каждый день и в то же время повествующими о специфике социально-политического устройства разных государств и исторических периодов.

Вербицкая О.М. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.: ИРИ РАН: ЦГИ, 2022. 336 с.

Монография посвящена истории радикальных рыночных преобразований в 1990-х гг. в аграрной сфере России: от первоначально сформулированных задач до реально полученных социально-экономических результатов. Прослежено неоднозначное восприятие их разными группами сельского социума, прежде всего, под углом зрения оценки изменений как в положении самих сельчан, так и аграрного сектора в целом. Проанализировано влияние рыночных преобразований на состояние «человеческого капитала» села: от изменений в характере производственных отношений до далеко зашедшего социального расслоения. Детально исследована деятельность социальных учреждений села – в области здравоохранения и образования; особо отмечена непоследовательность политики государства, которое, провозгласив необходимость перехода к рынку, фактически прекратило их финансирование, что крайне негативно сказалось на состоянии здоровья и на общеобразовательном уровне и квалификационном составе кадров российского села. Работа выполнена на разнообразном фактическом материале, с учетом значительного круга научной литературы.

Для специалистов-историков и многочисленных читателей, интересующихся историей современной России.

Подготовила Э.К. БИЙЖАНОВА

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЯРСКОЙ-СМИРНОВОЙ

(18.08.1935–12.11.2023)

На 89-м году жизни скончалась профессор, доктор философских наук, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования России Валентина Николаевна Ярская-Смирнова.

Валентина Николаевна работала в этом вузе с 1985 г. и стояла у истоков социального образования в постсоветской России. Она стала основателем социальной научно-педагогической школы в Саратове. Ее стратегический стиль мышления и высокий профессионализм воплотились в открытии Социологического центра в Саратовском политехническом институте и Саратовского отделения ВЦИОМ.

Валентина Ярская-Смирнова была руководителем Всесоюзных программ «Народы России» и «Общественное мнение (социология вуза)» в Саратове, сформировала Научный парк при Поволжском межрегиональном учебном центре для осуществления прикладных исследований занятости и безработицы, методического обеспечения работы и переподготовки персонала.

Начав свое высшее образование с китайского языка на отделении востоковедения, затем получив диплом физика, она работала по распределению в сельской школе в Узбекистане, а затем пришла в философию, защитила кандидатскую и докторскую диссертации о проблемах времени и научного предвидения. В юности пела в джазе и занималась спортивной гимнастикой, ставила спектакли со студентами. Любовь к иностранным языкам она пронесла через всю жизнь, учила и практиковалась в китайском, немецком, английском, французском, чешском.

Ее становление как философа и затем как социолога шло под влиянием и в сотрудничестве с такими ведущими отечественными учеными, как Я. Аскин, Г. Батыгин, Э. Гирусов, Т. Заславская, О. Зелькина, В. Лекторский, В. Межуев, И. Мочалов, Ж. Тощенко, В. Федотова, О. Шкаратан, В. Ядов и другие. Область научных интересов Валентины Николаевны включала методологию науки, проблематику времени и пространства социальных изменений, конструирование этнического неравенства, вопросы социальной эксклюзии и интеграции; фундаментальные и прикладные исследования в поле социальной политики и социальной работы, молодежной политики; социологии образования и занятости, социального урбанизма. Занимаясь философией, а затем социологией времени, она установила связь методологии научного анализа с темпоральной функцией, выступила против физикалистской интерпретации категории времени, представив ее социальное содержание в культурном контексте, в зависимости от выбора методологии, социальной теории, инструментария, политического режима, как категорию социологии и методологический принцип, метод исследования социальных процессов, ключевой параметр жизненного пути. Раскрыла инверсию времени в целостности социетального и экзистенциального

события. В своих трудах обсуждала процессы редуцирования, сжатия времени, укороченного детства, показывая, как реальная темпоральность социальных групп конструируется социальными практиками, событиями, конфликтами. По ее мнению, в стратегии государственной молодежной политики позитивной социальной инновацией могут стать понимание молодежной когорты как субъекта, уход от административной модели, дискурсов и практик обвинения, тотального контроля. Валентина Николаевна раскрывала и развивала институт социальной работы как новый феномен российской культуры, ответ на контекстуальные изменения в обществе, культуре и государственной политике, осуществляя рефлексию социальных проблем, технологий социальной терапии. Приоритеты исследований социальных проблем и социальной работы видела в профессиональной мультидисциплинарности, концентрируясь на повседневности и жизненных планах, качестве жизни, освобождении ресурсов, партнерстве институтов социальной политики, указывая на белые пятна в таких областях, как социальная работа в пенитенциарной системе, в сфере миграции.

Широкое профессиональное признание, заинтересованность и настойчивость в сфере социальных исследований, усилия в направлении гуманитаризации высшего образования реализовались в организации специальностей социального профиля в 1990-е гг. В начале 1990-х благодаря стараниям Валентины Николаевны открылась новая специальность «Социальная работа». К тому времени эту специальность смогли открыть лишь четыре вуза России.

Вскоре при участии В.Н. Ярской-Смирновой были открыты специальности «Социокультурный сервис и туризм», «Социальная антропология», разработаны базовые курсы по социологии образования, занятости, молодежи, методологии науки, теории и методам социальной работы.

Являясь инициатором открытия в СГУ аспирантуры и докторантуры по социологии и социальной философии, Валентина Николаевна возглавила диссертационный совет, в котором за полтора десятка лет были успешно защищены десятки докторских и сотни кандидатских диссертаций. За это время она лично подготовила более 40 кандидатов и 10 докторов наук.

Заслуженный деятель науки РФ Валентина Ярская-Смирнова была постоянным участником и руководителем различных научных программ и грантов. Неоднократно избиралась председателем Саратовской ассоциации работников социальных служб, тесно сотрудничая с МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, СПбГУ, СГУ, Институтом молодежи, ФНИСЦ РАН, а также с научными организациями зарубежных стран. Активно занималась научной и общественной деятельностью, возглавляла социологическую группу Саратовского отделения РАН и являлась действующим экспертом РФФИ, НФПК, РНФ, Аналитического центра при Правительстве РФ, членом редколлегий ряда научных журналов.

Автор и редактор более 350 научных трудов по проблемам социального неравенства и прав человека, социальной политики и социальной работы, доступности образования, молодежной политики, межэтнических взаимодействий, социальной урбанистики, инклюзии, Валентина Николаевна основала и многие годы возглавляла Научно-образовательный центр мониторинговых исследований в СГУ. Здесь под ее руководством проведены десятки научных проектов в том числе при поддержке Российского научного фонда, региональной администрации и университета. Идеи Валентины Николаевны востребованы не только в научном сообществе, она всегда была активной участницей экспертных групп в сфере социальной политики: коллегий Министерств занятости, социального развития, образования, Комиссии по вопросам помилования при губернаторе Саратовской области.

В. Ярская-Смирнова превыше всего ставила интересы дела. Участвуя в осуществлении образовательных программ по социологии, социальной работе, социальной антропологии, она была не просто ярким современным преподавателем с необычайно широкой эрудицией и неутомимой трудоспособностью, талантливым ученым, автором научных работ. Она удивительно умела сближаться с учениками, помогая им набираться опыта

и знаний, радуясь их успехам и поддерживая их в ситуациях испытаний и утрат. Своим неравнодушием, ответственностью, жизнеутверждающей позицией она заслужила авторитет, уважение и любовь многих коллег и учеников. Валентина Николаевна сочетала в себе качества талантливого ученого, мудрого педагога, прекрасного организатора. Ее жизненным стилем была приверженность науке и образованию, она всех окружала своей творческой энергией и обаянием, озаряя общение своим неравнодушием, незаурядным и острым умом, умело пользуясь даром убеждения и логики.

Ее безвременная смерть – тяжелая утрата для всего коллектива технического университета, огромная и невозполнимая потеря для коллег, родных и друзей, всех, кто имел счастье сотрудничать с Валентиной Николаевной и учиться у нее. В нашей памяти Валентина Ярская-Смирнова навсегда останется в высшей степени профессиональным, талантливым, мудрым учителем, отзывчивым, добрым, чутким человеком, обладающим фундаментальными знаниями в широком социально-гуманитарном поле. Это человек-эпоха, которая оставила после себя богатейшее наследие научных трудов, замечательный исследовательский коллектив и династию гуманитариев.

Семья, друзья, коллеги, ученики

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ЯРСКОЙ-СМИРНОВОЙ

Валентина-Николаевна Ярская-Смирнова прожила долгую и весьма плодотворную жизнь. Общение с ней было всегда интересным и заряжающим ее позитивной энергией и оптимизмом. В 2014 г. в связи с приближавшимся ее 80-летием она рассказала мне о прожитом и сделанном. Интервью «Как у многих в те годы, мой путь в социологию был непростым: отправной точкой была философия» опубликовано в «Социологическом журнале» (№ 4, 2015) и сопровождается моим кратким предисловием.

Рассказанное Валентиной Николаевной интересно четкой, яркой пропиской траектории ее жизни в социально-культурном контексте значительного отрезка истории СССР XX в. и постперестроечной России. Интерес к искусству и наукам, языкам и физике, стремление понять природу времени и поведение человека постепенно привели ее в социологию. Большой научный и преподавательский опыт, знание многих сторон жизни общества, желание и умение узнавать новое позволили ей перешагнуть ступеньки ученичества и сразу занять заметное место в нескольких нишах социологии. Особо подчеркну ее внимание в 1990-х к изучению теории и практики социальной работы как нового института российской реальности.

Валентина Николаевна не только один из создателей Саратовской социологической школы, не только активно вела подготовку новых социологических кадров, но она дала рост и семейной династии социологов.

В развиваемой мною поколенческой стратификации советских/российских социологов она относится к третьему поколению. Ее дочь – Елена Ярская-Смирнова представляет пятую профессионально-возрастную когорту. К этой же плеяде относится и зять, недавно ушедший от нас известный социолог Павел Романов.

По пути старших пошли и внуки Валентины Николаевны, Дуня (магистр, живет и работает в Вене) и Слава (доцент, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ). Они принадлежат к становящейся седьмой генерации современных российских социологов. И есть вариант, что кто-либо будет делегирован этой семьей в девятое поколение... Сколько уже сейчас проведено этой семьей исследований, опубликовано книг и статей, произнесено научных докладов, подготовлено социологов? Думаю, что они сами не знают...

Б.З. ДОКТОРОВ,
д. филос. н., проф.

ВОСПРИЕМНИЦА И КОРМИЛИЦА САРАТОВСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Не стало моего научного руководителя, профессора В.Н. Ярской-Смирновой. Когда при знакомстве с ней я, по устоявшейся врачебной привычке, представилась Галиной Анатольевной, Валентина Николаевна с обворожительной лучезарной улыбкой промолвила: «Будешь Галей», легко заменив пустое Вы сердечным Ты. Были в этом обращении по имени доброжелательность, поистине материнская теплота и принятие в число тех, кому доверяют здоровье обожаемого внука и у кого на свадьбе поют задорные частушки.

Могучий интеллект с кокетливой улыбкой – именно так можно кратко охарактеризовать профессора В.Н. Ярскую-Смирнову. Будучи человеком пассионарным, талантливым, чрезвычайно работоспособным, обладая уникальным даром научного предвидения и потрясающей интуицией, она сама ценила в окружающих талант и стала центром притяжения для людей неординарных, творчески одаренных, готовых к нестандартным решениям и смелым поступкам. Как истинный харизматический лидер, В.Н. Ярская-Смирнова возглавила плеяду, известных далеко за пределами города, философов и социологов. Многие из них впоследствии заведовали гуманитарными кафедрами в саратовских вузах, занимались общественно-политической деятельностью, входили в составы диссертационных советов СГУ и СГТУ (последний Валентина Николаевна много лет беспрерывно возглавляла).

Улыбка, смех, артистизм, свобода, конструирование смыслов, «выпуклая радость узнавания» мира, полнота бытия – это все о ней. Все в образе В.Н. Ярской было отмечено символизмом, начиная с удивительно подходящего ей личного имени Валентина, означающего «здоровая», продолжаясь в ослепительном сиянии родового имени Ярская. Этот удивительный символизм – красноречивое свидетельство поразительной способности В.Н. Ярской безупречно владеть магией слова и не только красиво выстроить линию собственной судьбы, но и сформировать уникальный социальный хронотоп социологического сообщества города. Необычайный талант В.Н. Ярской достиг своего апогея на рубеже эпох, а местом профессионального расцвета стала кафедра философии СГТУ, превращенная в умелых руках заведующей в творческую площадку, где происходило рождение и становление невиданных ранее проектов, объединявших молодых интеллектуалов, фонтанирующих идеями и имевших базовое образование по философии, психологии, экономике, филологии, медицине, математике, физике. Именно на кафедре философии (а затем на кафедре социальной работы) СГТУ, еще до открытия в вузе аспирантуры и докторантуры по социологии, они проходили своеобразную ординатуру, осваивая новые подходы в методологии, ставшие основой будущих методик и стандартов обучения по социологическим специальностям. На этом платоновском пиру в спорах рождались удивительные интеллектуальные творения. Мысль бурлила под руководством профессора Ярской-Смирновой, оформлялась в виде проектов, диссертаций ее учеников и последователей.

В греческой философии есть понятие, с которым ассоциируется образ Валентины Николаевны. Речь идет о платоновской *Χώρα* (хора), содержащей мощный эвристический потенциал для философского анализа ее личности. Согласно Платону, «восприемница» и «кормилица» – обозначение некой универсальной матрицы, структуры между материальным и идеальным мирами, пропускающей через себя идеи и становящейся местищем для форм, воплощающих эти идеи. Личность В.Н. Ярской и была тем метафорическим материнским лоном для ее многочисленных учеников.

Г.А. ТЕПЕР,
к. филос. н., доц.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Социологические исследования» принимает к рассмотрению статьи, включая переводы и оригинальные материалы из социологического наследия, обзоры научных конференций, рецензии и другие материалы. Редакция рассматривает *только рукописи, ранее не опубликованные ни в печатном, ни в электронном виде*. Все рукописи проходят проверку на плагиат, рецензирование и редактуру. На всех этапах подготовки рукописи к печати научный редактор взаимодействует с автором.

Редакция оставляет за собой право отклонять, сокращать и редактировать статьи. Редакционная правка подлежит согласованию по заранее оговоренному желанию автора.

Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов. Для аспирантских и студенческих работ требуется рецензия на них от научного руководителя. Гонорары не выплачиваются.

Публикуемые материалы **могут не отражать** точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме в других изданиях без письменного разрешения редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в **свободном доступе** на сайте журнала (<http://socis.isras.ru/>) через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39, или по электронной почте: socis@isras.ru

Требования к рукописи

Каждая рукопись подается в двух форматах: 1) текст, доступный для редактирования, присылается по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc (Word for Windows, с форматированием текста по ширине, 12 кеглем через 1,5 интервала), 2) после подтверждения редакции о принятии рукописи к регистрации загружается на портал <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html> согласно посылаемой авторам инструкции.

Объем рукописи, представленной в редакцию, ограничен по рубрикам:

статьи – не более 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами), без учета английского блока; «Факты. Комментарии. Заметки», «Первые шаги», «Размышления над новой книгой» – не более 0,5 а.л. (20 тыс. знаков);

«Книжное обозрение» – не более 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков);

«Научная жизнь» – до 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков).

Превышение объема может служить основанием для отклонения статьи. Обязательным требованием является нумерация страниц рукописи.

Обращаем внимание, что редакция рекомендует ограничивать число соавторов (не более трех).

Обзоры конференций и иных научных мероприятий можно присылать не позднее трех месяцев с момента их проведения. В тексте должны быть приведены данные об организаторах конференции, месте и дате ее проведения. Для всех упоминаемых участников указываются их имена и фамилии, а в скобках – место работы и город, для участников международных конференций – также страна. Основное внимание уделять содержанию докладов, выступлений, которые развивают и обогащают социологию. Журнальный обзор не может сводиться к простому перечислению прозвучавших докладов.

В **рецензии** необходимо указать полные данные обсуждаемой книги, включая издательство и объем страниц. Желательно предоставлять саму рецензируемую книгу (или ее

электронный вариант). Рецензия не должна содержать реферат книги; необходимо дать анализ тех идей (положений, рассуждений), которые претендуют на новое (или уточнение нового) знание, а также полемику с аргументированным изложением дискуссионных моментов. Основные причины отказов в публикации рецензий – пересказ содержания без анализа, несоответствие темы рецензируемой книги тематике журнала, а также выбор для рецензии давно вышедшей книги. В 2024 г. могут быть опубликованы рецензии на издания 2022–2023 гг.

По традиции журнал принимает *эссе* или *полемические заметки*, написанные в свободном стиле, которые могут быть опубликованы в рубриках «Социологическая публицистика», «Дискуссия. Poleмика», «Письмо в редакцию».

Журнал публикует *переводы* и *материалы для рубрики «Социологическое наследие»*. Мы рекомендуем выбирать для публикации статьи и источники объемом до 40000 знаков. Из источника большего объема следует сделать выборку для журнальной публикации. Права на публикацию переводчик должен согласовать с издателем оригинала. Желательно сопровождать перевод или архивный материал предисловием. Комментарий публикатора или переводчика дается в формате концевых или постраничных сносок.

Текст рукописи должен быть приведен автором в соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими нормами.

Договор

При принятии статьи к публикации (об этом уведомляет Редакция) автору(ам) необходимо прислать скан-копию подписанного Договора в формате PDF (см. сайт журнала). Если статья написана в соавторстве, то Договор должен быть подписан всеми авторами с указанием необходимых данных. Либо автор, указанный первым в статье, выступает от имени всех соавторов, при этом имея доверенности от них, заверенные по основному месту работы, в противном случае в Договоре указываются и подписывают все соавторы. Скан-копия подписанного Договора высылается по электронной почте в Редакцию.

Рецензирование и редактирование

Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и Редакции журнала. На основе рецензирования Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей. Имена рецензентов не разглашаются. Редакционные рецензии предназначены только для внутреннего пользования. В случае отказа в публикации Редакция **не вступает с авторами** в дискуссию. Решение о приеме к публикации принимается **в течение двух месяцев** со дня регистрации рукописи в Редакции. Выбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуются следующими критериями.

1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.

2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.

3. Теоретическое обоснование избранной темы.

4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).

5. Достоверность и убедительность данных.

6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в «СоцИсе», исходя из того, что журнал – это площадка для дискуссий.

7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см. требования к оформлению).

Основные причины отказа в публикации для статей

1. Несоответствие тематике журнала. «Социологические исследования» не являются обществоведческим журналом, поэтому материалы публикуются по социологии. Применение методов и инструментария еще не делают статью социологической, так как она может решать педагогические, правовые, психологические и другие проблемы, которые не входят в компетенцию социологии.

2. Отсутствие или слабость научного аппарата. Статья должна содержать отсылки не только к истории проблемы, но и к современным исследованиям по обсуждаемой теме.

3. Превышение рекомендуемого объема и несоблюдение требований к оформлению рукописи.

4. Обширные повторы текста из ранее опубликованных работ автора.

Обязанности авторов

Передавая в редакцию рукопись, **авторы обязуются не публиковать ее ни в каком издании без письменного согласия редакции.**

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в предоставляемой рукописи, получены в ходе личной исследовательской работы, не заимствованы, не являются плагиатом, перефразированием, присвоением результатов чужих исследований.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

В качестве соавторов статьи следует указывать лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Указание в числе авторов лиц, не внесших интеллектуальный вклад в исследование, является нарушением авторских прав и норм этики.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Избыточное самоцитирование и дружественное (корпоративное) цитирование, нерелевантные ссылки интерпретируются как нарушение публикационной этики.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Рекомендации по описанию методики исследования

В рукописи, содержащей описание результатов эмпирических социологических исследований, должна быть представлена методика исследований (в том числе при использовании данных других исследовательских центров и организаций).

Сведения о методике исследования следует изложить в одном из вариантов:

- специальном разделе (параграфе) статьи (но не в аннотации);
- непосредственно в тексте;
- в сноске;
- в примечании к статье.

Эти сведения должны включать следующую информацию.

1. Название организации, проводившей исследование.

2. Даты проведения исследования (полевых работ).
3. Используемые источники информации, эмпирическая база исследования.
4. Структура генеральной совокупности.
5. Описание методов сбора данных (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, контент-анализ).
6. Тип (вид) выборки, ее объем (численность опрошенных, интервьюируемых, участвующих в фокус-группах и т.д.), сведения о ремонте выборки. Ошибка выборки.
7. Описание методов анализа данных. При использовании коэффициентов корреляции указывать их статистическую погрешность, при использовании факторного анализа – процент объясненной дисперсии.
8. Авторство методического инструментария (полностью или частично авторский, использование наработок коллег).
9. Указание точной формулировки анализируемых вопросов, а также их формы (открытый, закрытый, полузакрытый и проч.).
10. Краткое изложение позитивного и негативного методического опыта: апробация методического инструментария, сложности в реализации исходных замыслов, обнаруженные несовершенства инструментария, нестандартные ситуации организационного и методического характера.

При оформлении таблиц следует указывать, считаются ли проценты от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных; наряду с указанием процентов важно указывать общую численность единиц наблюдения.

Технические требования к рукописи

Редакция принимает рукописи до 40 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию, ключевые слова на русском языке) и блок на английском языке.

В начале рукописи после названия статьи следует указать курсивом: **сведения об авторе** (авторах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень и ученое звание, наименование места работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты, город; **аннотация** и **список ключевых слов** (не более 10) на русском языке. Для коротких рецензий и материалов в рубриках «Книжное обозрение», «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются. После основного текста статьи даются список литературы, блок на английском языке (см. структуру статьи), рисунки.

Аннотация – резюме об основных идеях и результатах – должна отражать содержание статьи, результаты исследований и основные выводы; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 100–200 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

Примечания в статье даются в постраничных сносках. В отдельных случаях можно использовать затекстовые примечания (при их большом количестве и самом объеме текста, перед списком литературы). Информация об источниках финансирования указывается в сноске на первой странице без нумерации. Публикуется только сокращенное название фонда (или программы) и номер гранта. Название гранта не публикуем. Благодарности при необходимости выносим в сноску либо на первую стр. в ссылку о гранте, либо в заключительной части статьи.

Не допускаются «слепые» (неструктурированные) статьи, их нужно разделить на смысловые части. Текст должен содержать постановку задачи, описание методологии и методики (если это результаты эмпирического исследования), основные результаты и выводы. Структура выделяется следующим образом: главы – **п/ж строчные** – отдельной строкой (без точки в конце заголовка); параграфы – **п/ж строчные** (в начале абзаца с точкой, текст далее в подбор к заголовку), подпараграфы – **п/ж строчные курсив**.

Англоязычная часть статьи обязательна при сдаче рукописи, располагается в конце статьи и содержит в себе следующие структурные элементы:

- название статьи; ФИО автора/ов;
- аффилиация (организация, страна);
- авторская справка – Имя О. ФАМИЛИЯ (на латинице именно в таком порядке), звание, должность, место работы (если несколько мест, то указывать все), академия, город, страна, e-mail в скобках;
- информация об источниках финансирования (Acknowledgements);
- abstract – аннотация должна быть расширенной (недопустим дословный перевод русскоязычной аннотации), отражать основное содержание статьи и результаты исследований; написанной грамотным английским языком с использованием специальной научной терминологии; компактной, но не короткой (в пределах 200–250 слов);
- keywords (через запятую не более 10 слов);
- references – список литературы на английском языке. Выстраивается в алфавитном порядке (будет отличаться от русскоязычного).

Авторы обязаны указывать **источники приведенных в статье цитат**, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. При ссылке на источник необходимо в **квадратных скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании.

Список использованной литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Первыми располагаются публикации на русском языке, далее – на иностранном.

Таблицы вставляются в текст статьи после ссылки на нее (при оформлении ориентироваться на используемый в журнале образец).

К рассмотрению принимаются статьи только с монохромными (черно-бело-серыми) рисунками. **Цветные рисунки не принимаются.** После принятия рукописи к публикации по запросу редактора рисунки высылаются отдельными файлами в формате:

- Excel, если это графики, гистограммы и т.п. (файл должен содержать исходные данные, вбитые в электронную таблицу, и построенную по ним диаграмму; если диаграмм в статье несколько, то можно выслать их одним общим файлом, но при этом каждая диаграмма и данные для нее должны размещаться на отдельном листе);
- *.tiff, *.png (предпочтительно) или *.jpg (нежелательно, но допустимо), если рисунки выполнены не в Excel. В этом случае **разрешение** изображения должно быть не менее 300 dpi; **размер** – не менее 12–15 см по ширине (длинной стороне).

Оформление библиографического раздела статьи

Список использованных источников оформляется в виде библиографического списка в алфавитном порядке (вначале русскоязычная литература). Обязательно указывается диапазон страниц статьи в журнале, в сборнике. При цитировании обязательно должна быть указана стр. из источника. При наличии у статьи DOI нужно указывать присвоенный номер. Когда в списке литературы присутствуют работы одного автора, выпущенные в одном и том же году, необходимо после года выпуска присваивать буквенное обозначение. Общее количество страниц в монографии и пр. не указываем.

В список литературы следует относить только научные публикации. Ссылки на нормативные документы, газетные статьи, интернет-страницы давать в постраничных сносках с указанием даты обращения. При использовании архивных данных описание давать либо в сносках, либо в приложении.

В тексте статьи при ссылке на источник **не использовать нумерацию.** Необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора (**без инициалов**) и год издания через запятую. Когда автор дает ссылку на конкретную(ые) страницу(ы) текста в статье или приводит цитату, необходимо указывать страницу(ы) через двоеточие. Если у источника

два автора – фамилии указывать без инициалов через запятую, если авторов больше двух, то указать первого и ставить «др.». В случае ссылки на литературу на иностранном языке фамилия или название пишется на языке источника. Если авторов (или редакторов) несколько – указывать первую фамилию и ставить «et al.».

Авторам необходимо знать, что **нет необходимости ссылаться на электронный документ в случае существования его печатного аналога**. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда.

Оформление библиографического раздела статьи в английском блоке (**References**) несколько отличается от русскоязычного.

1. Год издания выносится после фамилии в круглых скобках.
2. Знак «//» не используется, а название журнала или монографии дается курсивом. Авторы и редактор прямо, а не курсивом, как в русскоязычном списке.
3. Если статья в сборнике или в монографии, указывается «In:» вместо «//».
4. При переводе названия русскоязычной статьи используйте тот перевод, который дан в самом журнале, где она была напечатана. Транслитерация названий не нужна:

Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)

Название журналов дается в транслитерации курсивом, в квадратный скобках указывается перевод на английский, принятый в цитируемом журнале.

5. Обязательно отмечайте в круглых скобках, на каком языке дается источник (In Russ.), если он на английском языке, то указывать не нужно.

6. Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по-англ. (accessed 12.12.2021).

(!) Если в статье количество русскоязычных источников не превышает пяти, то список литературы объединяется под названием: СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES].

Пример объединенного оформления:

Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 61–77. [Dubin B., Zorkaya N. (2009) Reading and Society in Russia in 2000s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 61–77. (In Russ.)]

Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. [Girenok F.I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)]

Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: ВШЭ, 2010. [Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (2010) *The Potential and the Development of Philanthropy in Russia*. Moscow: VShE. (In Russ.)]

Enders J., Kaulisch M. (2006) The Binding and Unbinding of Academic Careers. In: Teichler U. (ed.) *The Formative Years of Scholars*. London: Portland Press.

Smith J. (2010) Forging Identities: the Experiences of Probationary Lecturers in the UK. *Studies in Higher Education*. Vol. 35. No. 5: 577–591.

Подробнее о библиографическом описании см. на сайте журнала: http://socis.isras.ru/index.php?page_id=539.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 1

CONTENTS

3 TO OUR READERS

THEORY. METHODOLOGY

5 SHMERLINA I.A. Artificial Sociality in the Light of Old and New Theoretical and Methodological Approaches

15 GO J. Thinking Against Empire: Anticolonial Thought as Social Theory

DEMOGRAPHY. MIGRATIONS

28 GABDRAKHMANOVA G.F., ALÒS i FONT H. On the Question of Fixing the National-Language Composition of the Population in the All-Russian Population Census 2020–2021

40 NEUSTROEVA A.B., BARASHKOVA A.S. Intra-regional Migration in Yakutia: Causes and Strategies of Population Behavior

ETHNOSOCIOLOGY

51 VORONINA N.S. Dynamics of Inter-Ethnic Attitudes of Russians: Research Results 1995–2023

63 VASILEVA O.V. Social Well-Being and Ethnicity in the Context of Urbanization Processes among the Yakuts

ECONOMIC SOCIOLOGY

73 ANISIMOV R.I. Dynamics of Employment in Russia (2018 – mid-2023)

85 KORSHUNOV I.A., SHIRKOVA N.N., SOROKIN P.S. Employers' Request for Employee Independence: Analysis of Vacancies on Recruiting Sites

SOCIOLOGY OF EDUCATION

97 POPOV D.S., STRELNIKOVA A.V. Intergenerational Differences in Skills: Human Capital Shift in Contemporary Russia

109 LUKINA A.A., MALTSEVA V.A., ROZENFELD N.Ya. Subjective Social Mobility of University Graduates Through the Lenses of their Educational Trajectories

DISCUSSION. POLEMICS

125 DAVYDOV D.A. The Impossibility of Socialism: Part 1. Class Kaleidoscope

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

136 KLUPT M.A. Dynamics of Ideals in Contemporary Russia: a System Analysis

ACADEMIC EVENTS

147 ROMANOVSKIY N.V. XXV Kharchev Readings

151 IVCHENKOVA M.S. Social Changes and Stability in the Subject Field of Sociology

155 GRIGOREVA E.A. Actual Sociological Theory Problems

158 SMIRNOVA A.S. Theory and Practice of the Digital Inequality Studies

160 VOLKOV Yu.G. Youth of Russian Regions

162 FILONENKO V.I., MAGRANOV A.S. Concerning the Social Well-Being of Students in Modern Russia

165 BOOKS IN BRIEF

IN MEMORIAM

166 Yarskaya-Smirnova V.N.

176 CONTENTS

170 INFORMATION FOR AUTHORS

BEST PUBLICATIONS 2023 (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

СОЦИС 2023: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ГОДА

Редколлегия и редакция журнала «Социологические исследования» подвели итоги конкурса на лучшие статьи 2023г. По принятым номинациям лучшими признаны следующие публикации:

Наилучшее сочетание теоретических и прикладных возможностей социологии

Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения (2006–2021). №12.

Новые подходы в социологических исследованиях

Карачаровский В.В., Гурулева М.Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда. №8.

Колесник Н.В. Экономическая элита Крыма после 2014 г. № 9.

Новые идеи в специальных социологических теориях (дисциплинах)

Гловели Г.Д. А.А. Богданов как социолог и утопист: проблема «класса для себя». № 11.

Островская Е.А., Бадмацыренов Т.Б., Васильева С.В. Медиатизированное православие: миссия в Китае. №3.

Методологические и методические проблемы социологии

Мягков А.Ю. Как получить правдивые ответы в сенситивном исследовании (О методическом потенциале номинативной техники). №5.

Шмерлина И.А. Русская субъективная школа как альтернативный способ социальной рефлексии. № 1.

Актуальные исследования

Суций С.Я. Социологический мониторинг внешнеполитических ориентаций украинского общества (2000–2020-е гг.). №6.

Чирикова А.Е., Ледея В.Г. Малый российский город: практики взаимодействия муниципальных властей и бизнеса. №2.

Дискуссии. Полемика

Давыдов Д.А. Техно(крато)социализм: критический взгляд на идеи Б. Кинга и Р. Гэтти. №9.

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества. №6.

Кафедра. Консультации

Зырянов В.В. Докторские диссертации по социологии в 2012–2022 гг. в России: тематика, тренды, проблемы. №9

Социологическая публицистика

Константиновский Д.Л. Окно, распахнутое Шубкиным: молодежь в образовании и на рынке труда. №10.

Размышления над новой книгой

Коломиец В.П. Трансформация книги: медиатизация коллективного опыта поколений. №9.

Рецензия

Абрамов Р.Н. на книгу: Стребков О.Д., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022. №2.

Успешный дебют

Белопашенцева П.В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. №10.

Отмечены новизна и высокое качество статей: Гурко Т.А. (№12), Варшавская Е.Я. (№4), Дежина И.Г., Нефедова А.И. (№12), Денисенко М.Б., Мукомель В.И. (№1), Дидковская Я.В., Трынов Д.В., Чистяков П.А. (№9), Кученкова А.В., Татарова Г.Г. (№10), Савченко И.А. (№12), Чередниченко Г.А. (№9), Эндрюшко А.А. (№7).

Авторам лучших статей вручаются дипломы.

Редакция и редколлегия журнала также выражают особую благодарность **внешним экспертам** за неоцененную помощь в рецензировании рукописей: Андреевской А.В. (ЦЕССИ), Бабичу Н.С. (ИС ФНИСЦ РАН, РУДН), Безруковой О.Н. (СПбГУ), Балабановой Е.С. (НИУ ВШЭ), Дежиной И.Г. (Сколковский институт науки и технологий), Карачаровскому В.В. (НИУ ВШЭ), Кузнецову И.М. (ИС ФНИСЦ РАН), Попову А.В. (ВолНИЦ РАН), Савинской О.Б. (НИУ ВШЭ), Семенову Е.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Чередниченко Г.А. (ИС ФНИСЦ РАН).

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Кравченко С.А. Контуры междисциплинарной концепции синергичных сложностей

Данилова Е.Н. Трансформации западной социологии: мейнстрим и общественная повестка

Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования

Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России

Зотова В.М., Зиновьев А.С. Субъективное благополучие и уровень жизни в Калининградской области

Семенов А.В., Снарский Я.А., Ткачева Т.Ю. Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2021)

Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Каграманян Д.Г. Связь протестной активности с уровнем напряженности в странах Юго-Восточной Азии

Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И. Статусные позиции и научный капитал ученых в поле российской науки

Зборовский Г.Е. Социологическая теория в Уральском регионе: история и современность

Давыдов Д.А. Невозможность социализма. Часть 2. Новый индивидуализм

Щелкин А.Г. Смена поколений: сущность и реальность (онтологическая точка зрения)

Темницкий А.Л. Позволяет ли качество человеческого капитала российских профессионалов справляться с новыми вызовами?